

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Алешин Д.Ю.* Правовое регулирование отношений в сфере приобретения строящейся жилой недвижимости: типология зарубежного опыта.....4
- Гирин В.А.* Проблемы правового регулирования дискриминации педагогических работников при доступе к труду.....11
- Глускер Е.А.* Актуальные вопросы правового регулирования рынка цифровых технологий.....15
- Дегтев Г.В., Сергеева С.А., Вохмянин Д.В.* Антимонопольный контроль в сфере закупок отдельными видами юридических лиц20
- Козина Е.А.* К вопросу о статусе выбывшего члена совета директоров акционерного общества24
- Мусин Д.И.* Категория оспоримости в гражданском процессе: на примере сделок с недвижимостью.....31
- Небесная Е.О.* Специфика рассмотрения дел об усыновлении российских детей иностранными гражданами в условиях COVID-1934
- Цмай В.В., Пискун Л.П.* Правовое регулирование возмещения вреда по договору морской перевозки груза в российском и международном праве39
- Рычков М.Е.* Правовая модель обеспечения установления сервитута по требованию арендатора господствующего земельного участка.....43
- Самойлова В.В.* Специальные административные районы Российской Федерации как финансово-правовой инструмент реализации мер поддержки предпринимательства.....48
- Тохсырова К.К.* Развитие антимонопольного регулирования антиконкурентных соглашений государственных и иных предприятий51
- Коровяковский Д.Г., Храмов С.А.* Перспективы развития и совершенствования института таможенных сборов в ЕАЭС54

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Балтыкова З.А.* Установление психологического контакта с малолетними свидетелями и потерпевшими в целях получения исчерпывающих и достоверных показаний в ходе допроса59
- Булатова С.В.* Участие защитника в доказывании по уголовным делам: обобщение международного опыта.....63

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузавкина Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Багда Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джиджожия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:

Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз. Подписано в печать: 30.04.2022

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

<i>Васягина М.М., Шигуров А.В.</i> Требования законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма к адвокатской деятельности: проблемы правового регулирования.....	67
<i>Зацепин М.Н., Филиппова О.В., Зацепин А.М., Пермяков М.В.</i> Правовые споры: особенности разрешения....	72
<i>Зубков Д.Д.</i> Судебно-экспертное исследований операций по использованию бюджетных средств: вопросы классификации	76
<i>Потапова Л.В.</i> Постановка проблемы исследования правового феномена прокурорской власти	81
<i>Разгильдиев Б.Т.</i> Объект профилактики общественно-опасных посягательств: структура, виды	84
<i>Шапошников А.С.</i> Характеристика природной среды Ханты-Мансийского автономного округа – Югры как предмета посягательства экологических преступлений	91

<i>Шахова А.М.</i> Применение принципа разумного срока уголовного судопроизводства: обобщение международного опыта	95
--	----

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

<i>Аратский И.Д.</i> Обеспечение доступа к устойчивым источникам энергии: обобщение исследований в области международного права.....	100
--	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

<i>Агафонов А.В.</i> О некоторых проблемных вопросах определения такого уголовно правового понятия как «общественный порядок»	107
<i>Фомичев И.А.</i> Проблемные аспекты юридической поддержки населения в труднодоступных и малонаселенных населенных пунктах.....	116
<i>Дятлова Е.В.</i> К вопросу о проблеме разграничения расовой, национальной и религиозной ненависти или вражды	121

TABLE OF CONTENTS

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

<i>Alyoshin D. Yu.</i> Legal regulation of relations in the field of acquisition of residential real estate under construction: typology of foreign experience.....	4
<i>Girin V.A.</i> Problems of legal regulation of discrimination of pedagogical workers in access to work	11
<i>Glusker E.A.</i> Actual questions of legal regulation of the digital technology market.....	15
<i>Degtev G.V., Sergeeva S.A., Vokhmyanin D.V.</i> Antimonopoly control in the field of procurement by certain types of legal entities	20
<i>Kozina E.A.</i> On the status of an outgoing member of a joint stock company's board of directors.....	24
<i>Musin D.I.</i> The category of contestability in civil proceedings: on the example of real estate transactions	31
<i>Nebesnaya E.O.</i> The specificity of consideration of cases on the adoption of Russian children by foreign citizens under the conditions of COVID-19	34
<i>Tsmai V.V., Piskun L.P.</i> Legal regulation of damage compensation by the contract of sea cargo in Russian and international law	39
<i>Rychkov M.E.</i> The legal model for ensuring the establishment of an easement at the request of the tenant of a dominant land plot	43
<i>Samoylova V.V.</i> Special administrative regions of the Russian federation as a financial and legal instrument for the implementation of entrepreneurship support measures	48
<i>Tokhsyrova K.K.</i> Development of antimonopoly regulation of anticompetitive agreements of state and other enterprises	51
<i>Korovyakovskiy D.G., Khramov S.A.</i> Prospects for the development and improvement of the institute of customs fees in the EAEU	54

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

<i>Baltykova Z.A.</i> Establishing psychological contact with juvenile witnesses and victims in order to obtain exhaustive and reliable testimony during interrogation	59
<i>Bulatova S.V.</i> Part participation of the defender in evidence in criminal cases: generalization of international experience	63
<i>Vasyagina M.M., Shigurov A.V.</i> Requirements of legislation on countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism for advocacy: problems of legal regulation	67
<i>Zatsepin M.N., Filippova O.V., Zatsepin A.M., Permyakov M.V.</i> Legal Disputes: Specific Nature of Resolution.....	72
<i>Zubkov D.D.</i> Forensic research of funds operations: classification issues	76
<i>Potapova L.V.</i> Statement of the problem of studying the legal phenomenon of prosecutorial power.....	81
<i>Razgildiev B.T.</i> Object of prevention of socially dangerous offenses: structure, types	84
<i>Shaposhnikov A.S.</i> Characteristics of the natural environment of Khanty-Mansiysk autonomous okrug – Yugra as a subject of encroachment of environmental crimes.....	91
<i>Shakhova A.M.</i> Application of the principle of reasonable time in criminal proceedings: generalization of international experience	95

OVERSEAS EXPERIENCE

<i>Aratskiy I.D.</i> Ensuring Access to Sustainable Energy: A Synthesis of Research in International Law	100
--	-----

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAWMAKING

<i>Agafonov A.V.</i> About some problematic issues of defining such a criminal legal concept as “public order”	107
<i>Fomichev I.A.</i> Issues in provision of legal support for the population in remote and low populated settlements	116
<i>Dyatlova E.V.</i> On the issue of the problem of distinguishing racial, national and religious hatred or enmity	121

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Правовое регулирование отношений в сфере приобретения строящейся жилой недвижимости: типология зарубежного опыта

Алешин Дмитрий Юрьевич,

аспирант Департамента правового регулирования
экономической деятельности Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: dmitriy574@yandex.ru

Статья посвящена вопросам анализа зарубежного опыта правового регулирования отношений в сфере приобретения будущей недвижимости. Автор, следуя классификации, предложенной Р.С. Бевзенко, выделяет три основных направления правовой политики в данной сфере. При этом критериями отнесения национального правопорядка к той или иной группе служит наличие специального регулирования вопросов, касающихся особенностей заключения, исполнения, расторжения и правовой природы договоров, заключаемых с застройщиком, а также правового положения покупателя строящейся недвижимости в случае банкротства застройщика. Автор приходит к выводу о том, что вопрос о выборе той или иной модели правового регулирования оборота будущей недвижимости не является чисто правовым. Скорее это вопрос государственной политики в сфере обеспечения доступности жилья и привлечения инвестиций.

Ключевые слова: застройщик, приобретение строящейся недвижимости, счет эскроу, способы обеспечения исполнения обязательств.

Всякий раз, когда объектом договора становится не наличная недвижимость, а будущая квартира или дом, возникают проблемы, связанные с объективным наличием существенного временного разрыва при обмене предоставлениями: при исполнении таких договоров продавец обычно заинтересован в получении платежей до завершения строительства и передачи покупателю недвижимости. Тем самым возникают риски, такие как риск незавершения строительных работ или невозврата денег в случае банкротства застройщика. С учетом того, что для приобретения недвижимости, как правило, требуются средства, значительно превышающие среднемесячный доход физического лица, утрата столь существенной суммы может навсегда лишить его всякого шанса улучшить жилищные условия в будущем. Тем самым, возникает объективная потребность в правовом регулировании отношений в сфере обеспечения достойного уровня жизни, который согласно ст. 25 Всеобщей декларации прав человека предполагает наличие права на жилище. При этом правовые нормы, учитывающие уязвимое положение потребителя как непрофессионального участника рынка строящегося жилья, не располагающего необходимыми познаниями в сфере строительства и неспособного оценить соответствующие риски, становятся неотъемлемой частью той системы гарантий, которые обеспечивают реальную доступность жилья в рамках того или иного правопорядка.

В этом смысле решения, направленные на минимизацию указанных рисков и предлагаемые различными правовыми системами, существенно различаются. Проведенный анализ показал, что существует три основных модели, которыми может руководствоваться законодатель при выборе правовой политики в данной сфере:

1-ая модель – модель, основанная на практически ничем не ограниченной свободе договора, сопряженной с отсутствием специального регулирования вопросов, связанных с банкротством застройщика.

Данная модель представлена в рамках правовых систем, входящих в семью общего права (в частности, Англии, Шотландии, Ирландии), но не является их исключительным достоянием.

Регулирование на основе принципа свободы договора мы находим также в Греции, Турции, а до недавних пор – и в Италии.

Данная модель характеризуется отсутствием каких бы то ни было гарантий завершения строительства и возврата платежей, внесенных в счет цены договора в случае банкротства застройщика. Специального правового регулирования такого рода ситуаций не существует, и стороны вольны совершать любые сделки по своему усмотрению.

Вместе с тем, отличительной чертой английского права является то обстоятельство, что параллельно с системой общего права действует и система права справедливости, смягчающая строгий формализм первой.

При этом в рамках права справедливости приобретает значение намерение кредитора: если кредитор действовал с намерением приобрести право на вещь, находящуюся во владении должника, то по справедливости такой кредитор вправе рассчитывать на удовлетворение своих требований из стоимости этой вещи так, как если бы он имел залог в отношении вещи [1, с. 237]. Такой залог по праву справедливости (*equitable security*) дает приобретателю будущей вещи преимущество по отношению к иным кредиторам застройщика, например, подрядчикам, фактически выполнявшим строительные работы, которые действовали, не будучи намерены приобрести вещь.

Вместе с тем покупатель не может обязать управляющего в деле о несостоятельности завершить строительство дома, поскольку последний вправе отказаться от договора на строительство. Разумеется, покупатель потенциально может заявить требование о взыскании убытков, вызванные таким отказом. Однако, если он вернул свои платежи благодаря залогам по справедливости и не имеет права собственности на земельный участок, то оказывается неясно, понес ли он какие-либо убытки.

Особенность правовой системы, сложившейся в Шотландии, заключается в том, что право справедливости здесь не применяется и, следовательно, в рамках шотландского права отсутствует какой-либо эквивалент концепции *equitable security* в том виде, в котором она сложилась в Англии и Уэльсе.

Обычная практика здесь заключается в том, что покупатель вносит небольшой депозит, при этом остаток цены не подлежит уплате до тех пор, пока дом не будет завершен и передан покупателю. В таком случае размер риска покупателя ограничен величиной его депозита, поскольку, если застройщик окажется несостоятельным, возможность фактически вернуть депозит будет утрачена. Однако депозит – а значит, и потенциальный убыток – приемлемо мал. Таким образом, общественные практики в данной сфере в Шотландии отталкиваются от концепции приемлемого риска.

В литературе отмечается, что гораздо реже на практике встречается соглашение о том, что по-

купатель должен уплачивать цену в рассрочку, как правило, по мере выполнения строительных работ [1, с. 238]. В этом случае потенциальные потери покупателя окажутся намного больше, и было бы целесообразно принять меры для их ограничения. Одна из возможностей состоит в том, чтобы добиться передачи земельного участка в собственность покупателя до завершения строительства, но такой вариант в свою очередь подвергнет застройщика риску неплатежеспособности покупателя, и поэтому вряд ли будет принят застройщиком. Более приемлемое решение состоит в том, чтобы застройщик предоставил покупателю обеспечительное право на земельный участок (известное как «*standard security*») в отношении возможного требования покупателя по возврату ранее внесенных им платежей. При этом *standard security* потребует регистрации в земельном реестре.

Любопытно отметить, что именно в странах общего права возник и развивается институт ассоциаций, объединений профессиональных участников строительного рынка, которые обеспечивают клиентам своих членов возврат произведенных ими платежей в случае банкротства застройщика. Впрочем, членство в таких ассоциациях является сугубо добровольным. В качестве примеров можно привести NHBC (национальный совет по жилищному строительству) в Великобритании и Homebond в Ирландии.

В Греции и Турции также нет особых правил, регулирующих отношения в сфере приобретения строящейся недвижимости. При этом в Греции применяются общие положения, касающиеся договора купли-продажи и договора на выполнение подрядных работ [1, с. 234], вне зависимости от того, является ли продавец профессиональным застройщиком или частным лицом, а в Турции приобретение будущей недвижимой вещи осуществляется посредством заключения предварительного договора купли-продажи [1, с. 223]. Поскольку правоотношения, вытекающие из предварительного договора, являются относительными и связывают только лиц, являющихся его сторонами, то застройщик не лишен возможности продать будущую вещь повторно, и покупатель вынужден будет обратиться в суд с иском о взыскании убытков.

Таким образом, в рамках первой модели возможности минимизации рисков для покупателя ограничены и в основном сводятся к структурированию сделки таким образом, чтобы расчеты осуществлялись после ввода объекта в эксплуатацию или, по крайней мере, по мере выполнения строительных работ на объекте. Предложение покупателя предоставить какое-либо обеспечение ожидаемо встретит сопротивление застройщика и, кроме того, потребует большей вовлеченности покупателя в случае банкротства застройщика (несение новых расходов в связи с обременением гаранта, поручителя, залогодателя исполнить обеспеченное обязательство), в то время как правовое регулирование отношений с участием потребителя долж-

но максимально освобождать его от участия в обменительных, требующих профессиональных познаний в какой-либо сфере или затратных процедурах.

Возможным выходом из сложившейся ситуации было бы применение к условиям договора, возлагающим на покупателя обязанность уплачивать цену договора до ввода объекта в эксплуатацию, положений Директивы № 93/13/ЕЭС Совета Европейских сообществ «О несправедливых условиях в договорах с потребителями». Однако Европейский суд (European Court of Justice, ECJ) не слишком энергично действует в этом направлении. Так, например, в деле C-237/02 *Freiburger Kommunalbauten GmbH Baugesellschaft & Co KG vs. Ludwig und Ulrike Hofstetter*, которое касалось Директивы № 93/13/ЕЭС Совета Европейских сообществ «О несправедливых условиях в договорах с потребителями», супруги Hofstetter на основании нотариально удостоверенного договора приобрели парковочное место, расположенное на многоэтажной автостоянке, которую должен был построить продавец *Freiburger Kommunalbauten*. В соответствии с пунктом 5 контракта, вся цена должна была быть выплачена после предоставления застройщиком обеспечения независимо от какого бы то ни было прогресса, достигнутого в ходе выполнения строительных работ, и супруги получили это обеспечение в виде банковской гарантии, но отказались произвести оплату, поскольку сочли пункт 5 недействительным. При этом они сослались на несправедливость данного условия. Покупатели заплатили цену, когда более года спустя приняли парковочное место без дефектов, однако теперь уже застройщик потребовал от покупателей уплаты процентов за просрочку платежа. Суды первой и второй инстанции пришли к противоположным выводам, а Федеральный суд (*Bundesgerichtshof*) склонялся к мнению, что это соответствующее положение договора не было несправедливым, но будучи несвободным от сомнений, направил в Европейский суд следующий вопрос: «Может ли условие, содержащееся в тексте стандартного договора застройщика и предусматривающее, что покупатель строящегося здания должен заплатить полную цену за это здание, независимо от того, был ли достигнут какой-либо прогресс в строительстве, при условии, что продавец ранее предоставил ему гарантию от кредитного учреждения, обеспечивающего любые денежные претензии, которые покупатель может иметь в отношении неисполнения или ненадлежащего исполнения контракта, расцениваться как несправедливое по смыслу ст. 3(1) Директивы № 93/13/ЕЭС от 5 апреля 1993 года о несправедливых условиях в потребительских договорах?» Европейский суд, имея возможность поспособствовать процессу реальной гармонизации в сфере контроля за несправедливыми стандартными условиями в Европе, тем не менее 1 апреля 2004 года постановил: «Именно национальный суд должен решить,

удовлетворяет ли договорное условие, подобное тому, о котором идет речь в судебном разбирательстве, требованиям признания его несправедливым в соответствии со статьей 3(1) Директивы Совета № 93/13/ЕЭС от 5 апреля 1993 года о несправедливых условиях в потребительских договорах» [4].

По сути это означает, что Европейский Суд не в состоянии принять решение относительно несправедливости конкретного пункта договора, не учитывая особенностей национального законодательства, лежащего в основе спорного решения, и не располагая сведениями об обстоятельствах конкретного дела.

Тем самым суд продемонстрировал консервативный подход, руководствуясь теорией судебной сдержанности (*theory of judicial restraint*) в вопросах договорного права, т.е. выразил готовность включить в «черный список» лишь те положения договоров, которые несправедливы сами по себе, без необходимости обращения к национальному законодательству для определения их правовых последствий. Поскольку законодательство ЕС не содержит каких-либо правил в отношении содержания обязательств профессиональной стороны договора, суд не смог решить, является ли положение о предоплате, как в случае с *Freiburger Kommunalbauten*, действительно несправедливым или нет.

Таким образом, в сфере приобретения гражданами строящейся недвижимости в ЕС отсутствует какой-либо универсальный подход, который позволил бы расценивать то или иное условие соответствующего договора как несправедливое. Несправедливость того или иного положения договора должна оцениваться в контексте, который задает национальная правовая система в целом, и с учетом конкретных обстоятельств дела.

2-ая модель предполагает введение специального регулирования в рассматриваемой сфере, и получила широкое распространение в странах, чьи правовые системы относятся к романо-германской правовой семье (хотя однозначной зависимости обнаружить не удалось: как показано выше, законодатель ряда таких стран не склонны ограничивать свободу договора ради защиты той стороны договора, которая находится в уязвимом положении).

Так, например, вплоть до августа 2004 г. в Италии, в отличие от некоторых других стран, таких как Франция, Германия и Испания, не существовало специального законодательства для защиты покупателей строящейся недвижимости. В настоящее время данная сфера регулируется Законодательным декретом 14/2019. Последний установил сферу действия правил, защищающих покупателей строящейся недвижимости, поскольку на них могут негативно повлиять такие события, как банкротство застройщика или обращение взыскания на недвижимость, подлежащую передаче покупателю. Соглашение, заключаемое между застройщиком и покупателем, как правило приоб-

ретаает форму предварительного договора купли-продажи недвижимого имущества, подлежащего строительству, но также может быть любым другим договором, который не предусматривает немедленной передачи права собственности. Предпочтительно, хотя и не обязательно, чтобы предварительный договор был нотариально заверен, что позволит осуществить его регистрацию. Внесение в реестр записи о предварительном договоре имеет эффект бронирования: последующее заключение и регистрация основного договора купли-продажи в момент завершения строительства дома будет иметь эффект передачи права собственности задним числом, т.е. на момент подписания предварительного договора. Возможность регистрации предварительного договора продажи строящихся зданий была предусмотрена еще Законодательным декретом от 31 декабря 1996 г. № 669, которым в Итальянский Гражданский кодекс была введена новая ст. 2645 в целях защиты покупателя строящейся недвижимости на случай, если застройщик будет признан банкротом до завершения строительства и передачи недвижимого имущества. Регистрация предварительного договора позволяет покупателю возражать против включения недвижимого имущества в конкурсную массу в рамках процедуры банкротства застройщика, опираясь на регистрацию предварительного договора [1, с. 229].

Защита, предоставляемая покупателю, позднее была расширена Законодательным декретом № 122/2005 от 20 июня 2005 года, в котором предусмотрены правила, касающиеся защиты имущественных прав лица, приобретающего недвижимое имущество на стадии строительства. В частности, следует отметить, что вышеупомянутый Законодательный декрет вводит правила, направленные на то, чтобы покупатель не потерял деньги, уплаченные авансом, в случае возникновения у застройщика финансовых трудностей. Например, застройщик «под страхом недействительности контракта» обязан предоставить поручительство (*fideiussione*) банка, страховой компании или финансового брокера, сведения о котором включены в специальный список в соответствии со ст. 107 Законодательного декрета № 385/1995 (Закон о консолидированном банке), с тем, чтобы обеспечить обязательство застройщика по возврату денежных средств, внесенных покупателем до заключения окончательного договора купли-продажи (ст. 2 Законодательного декрета № 122/2005). Если застройщик не предоставляет покупателю поручительство, предварительный контракт может быть признан недействительным, но о его недействительности вправе заявить только покупатель (статья 2(1) Законодательного декрета № 122/2005).

Покупатель, требование которого обеспечены гарантией или поручительством, может осуществить свое право по отношению к гаранту, как только покупатель узнает, что застройщик сталкивается с финансовыми трудностями (статья 3 За-

конодательного декрета № 122/2005). При этом гарант или поручитель не вправе возражать против требований покупателя, ссылаясь на то, что застройщик не уплатил ему вознаграждение за выдачу обеспечения.

Аналогичное регулирование представлено в Норвегии. Здесь договорные отношения между застройщиком и потребителем регулируются Законом о жилищном строительстве (*Lov om avtaler med forbruker om oppføring av ny bustad*, 13.06.1997 № 43). Застройщик не вправе требовать внесения в рассрочку каких-либо платежей, которые не соответствуют стоимости фактически выполненных на объекте работ. Внесение части цены договора в качестве предоплаты, т.е. по сути финансирование деятельности застройщика в ходе строительства, допускается лишь в том случае, если исполнение возможного будущего требования потребителя о возврате аванса обеспечено банковской гарантией. Если покупатель, несмотря на данное императивное правило, произведет авансовый платеж, обязательство по возврату которого ничем не обеспечено, то он сможет потребовать возврата денег. Это никак не повлияет на отношения по договору в целом: такое требование не будет рассматриваться как отказ от договора. При этом норвежское законодательство достаточно гибко: если застройщик нуждается в денежных средствах для того, чтобы завершить строительство, он может предоставить покупателю титульное обеспечение, передав ему право собственности в отношении земельного участка [1, с. 228].

Вместе с тем требование покупателя о возврате необеспеченных авансовых платежей не имеет приоритета по отношению к требованиям иных кредиторов застройщика при определении порядка их удовлетворения застройщиком. Таким образом, в случае банкротства застройщика покупатель оказывается в положении, которое ничем не отличается от положения подрядчика, которому застройщик не оплатил фактически выполненные работы.

Однако наиболее последовательно данная модель представлена в Германии и Австрии, где приняты специальные законы, регулирующие деятельность агентов по недвижимости и застройщиков (*Makler- und Bauträgerverordnung (MaBV)* и *Bauträgervertragsgesetz (BTVG)* соответственно). Специальное регулирование призвано разрешить конфликт интересов между застройщиком и покупателем, поскольку застройщик заинтересован в получении оплаты от покупателя как можно быстрее, что позволит ему финансировать строительство, в то время как покупатель нуждается в защите от банкротства.

Покупатель заключает с застройщиком т.н. *Bauträgervertrag* – договор, который сочетает в себе элементы договора купли-продажи и договора на выполнение строительных работ, не являясь при этом ни тем, ни другим, а образуя самостоятельный по своей направленности вид договора. Поскольку этот договор содержит в том числе обязательство

о передаче права собственности на землю, он должен быть удостоверен нотариусом.

При этом в поземельную книгу вносится запись о т.н. уведомлении о приоритете. Ближайшим функциональным аналогом такой записи в рамках российского правопорядка является регистрация договора участия в долевом строительстве.

Регистрация уведомления о приоритете позволяет достичь трех целей:

1. Предотвращение регистрации новых уведомлений в течение срока действия уведомления о приоритете
2. Обеспечение публичности притязаний покупателя
3. Защита покупателя в случае несостоятельности застройщика. При этом наличие регистрации уведомления о приоритете означает, что управляющий в деле о несостоятельности должен исключить из конкурсной массы и передать покупателю земельный участок в том виде, в котором он находится.

Таким образом, после возбуждения дела о банкротстве застройщика единое до этого обязательство передать покупателю право собственности на земельный участок и построить дом как бы распадается на два самостоятельных обязательства [1, с. 220]:

1. обязанность передать земельный участок со всеми его существенными составными частями, которые в рамках российского правопорядка именовались бы объектом незавершенного строительства.
2. требование о завершении строительства или о возврате ранее уплаченных денежных средств, превышающих стоимость фактически выполненных работ. Применительно к данному требованию покупатель занимает положение обычного кредитора.

В Объединенных Арабских Эмиратах закон, регулирующий приобретение строящейся недвижимости появился в 2008 г. после событий, которые развернулись в эмирате Дубаи, где за год до этого рынок недвижимости потряс кризис, вызванный широко распространившейся практикой двойных продаж.

Покупатель заключает договор купли-продажи с условием внесения первоначального взноса, в размере до 20% цены договора. Договор регистрируется в т.н. временном реестре недвижимости, а оставшаяся часть выплачивается только после завершения строительства объекта. При этом все расчеты осуществляются с использованием счетов эскроу.

Кроме того, в ОАЭ установлена особая процедура одностороннего внесудебного расторжения договора застройщиком в случае неисполнения покупателем обязанности по внесению платежей:

1. Застройщик должен уведомить Земельный департамент Дубая (DLD) о невыполнении обязательств покупателем.
2. Земельный департамент направляет покупателю уведомление о возможном прекращении

договора в случае, если соответствующее обязательство не будет исполнено в течение 30 дней.

3. По истечении 30-дневного периода DLD публикует свой отчет, включающий основные сведения о текущем статусе завершения проекта и соблюдении застройщиком своих обязательств по договору.

Значение этого отчета заключается в том, что DLD отменит регистрацию Соглашения о купле-продаже (SPA) по запросу застройщика без необходимости обращения в суд [3].

3-я модель правового регулирования предполагает запрет на совершение сделок, направленных на куплю-продажу будущей недвижимости, часто под страхом уголовного наказания.

Данная модель распространена в арабских странах Ближнего Востока: Омане, Бахрейне, Саудовской Аравии. В Бахрейне запрет за продажу будущей недвижимости сочетается с обязанностью осуществлять расчеты с покупателями с использованием счетов эскроу в течение 6 месяцев после ввода объекта в эксплуатацию. В случае передачи покупателю вещи ненадлежащего качества средства на счете эскроу будут использованы для возврата покупателю цены договора полностью, если он сочтет нужным отказаться от него, либо части цены, если сочтет необходимым потребовать ее уменьшения [2].

В Саудовской Аравии продажи будущей недвижимости были запрещены еще в 2009 году под влиянием упомянутых выше событий в соседнем эмирате Дубаи. Для того, чтобы привлечь денежные средства на стадии строительства в Саудовской Аравии необходимо особое разрешение комитета, в состав которого входят должностные лица четырех ведомств: Министерства торговли и промышленности и Министерства по делам муниципалитетов и сельских районов, а также Валютного агентства Саудовской Аравии и Генеральной комиссии по жилищному строительству. Комитет разрешит продажу недвижимости до завершения строительства только в том случае, если застройщик соответствует требованиям к финансовому состоянию и может подтвердить свою техническую квалификацию.

Данный порядок действовал вплоть до 2016 года, когда Кабинет Министров королевства принял Постановление № 536, касающееся Положений о продаже или аренде объектов строящейся недвижимости. Саудовская Аравия воспользовалась опытом ОАЭ, установив требования к лицензированию застройщиков, порядку ведения счетов эскроу, принципам регистрации проектов недвижимости и их рекламе [5].

Подводя итог следует констатировать, что проведенным исследованием не удалось обнаружить сколько-нибудь существенной корреляции между особенностями правового регулирования в сфере приобретения строящейся недвижимости и принятой в той или иной юрисдикции модели оборота недвижимости существующей: регулирование

в сфере строящейся недвижимости в целом не зависит от того, руководствуется ли законодатель концепцией множественности объектов недвижимости или рассматривает в качестве недвижимой вещи лишь земельный участок, а также от того, какое значение имеет государственная регистрация прав на недвижимое имущество – правоустанавливающее или правоподтверждающее, передается ли право посредством одного договора или требует фактической передачи имущества и внесения записи о передаче в поземельную книгу.

Видимо следует сделать вывод, что вопрос правового регулирования оборота будущей недвижимости не является чисто правовым. Скорее это вопрос государственной политики в сфере обеспечения доступности жилья и привлечения инвестиций. При этом следует отметить, что система гарантий соблюдения или восстановления прав покупателей будущей недвижимости, помимо традиционных для гражданского права способов обеспечения исполнения обязательств (залог, гарантии, поручительство), включает в себя следующие элементы в различном их сочетании, характерном для каждого отдельного правопорядка:

1. институциональные гарантии (учреждение объединений профессиональных участников строительного рынка, которые обеспечивают возврат произведенных покупателями платежей в случае банкротства застройщика)
2. требования, предъявляемые к застройщику и раскрытию им информации в отношении строящегося объекта.
3. структурирование сделки по приобретению будущей недвижимой вещи так, чтобы объем уплаченных покупателем денежных средств не превышал бы стоимости выполненных на объекте работ.

Литература

1. Martínez Velencoso, Luz M. *Transfer of Immovables in European Private Law (The Common Core of European Private Law)* / Luz M. Martínez Velencoso, S. Bailey, A. Pradi. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – XXX, 420 p. – ISBN: 978-1-108-71702-1. – Text: непосредственный.
2. Bahrain to ban off-plan sale of properties. – 27.05.2014. – Text: electronic // Trade Arabia Middle East & GCC business information Portal: [site]. – URL: http://www.tradearabia.com/news/CONS_258880.html?_x_tr_sch=http&_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 20.01.2022)
3. Explanatory Notes on Article (11) of Law No. (19) of 2017 Amending Law No. (13) of 2008 Regulating the Interim Real Property Register in the Emirate of Dubai. – Text: electronic // Supreme Legislation Committee in the Emirate of Dubai: [site]/ – 2018. – URL: [https://dip.dubai.gov.ae/Legislation%20Reference/2018/Explanatory%20Notes%20on%20Article%20\(11\)%20of%20](https://dip.dubai.gov.ae/Legislation%20Reference/2018/Explanatory%20Notes%20on%20Article%20(11)%20of%20)

[Law%20No.%20\(19\)%20of%202017.html#_ftn1](#) (дата обращения: 20.01.2022).

4. Judgement of 01.04.2004 in Case C-237/02 *Freiburger Kommunalbauten GmbH Baugesellschaft & Co. KG vs. Ludger und Ulrike Hofstetter*. – Text: electronic // Court of Justice of the European Union: [site]. – URL: <https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?cid=7538351&dir=&docid=49062&doclang=EN&mode=lst&occ=first&pageIndex=0&part=1> (дата обращения: 20.01.2020). – Режим доступа: свободный.
5. Saudi Arabia bans off-plan property sales. – 10.03.2009. – Text: electronic // The world's leading construction website: [site]. – URL: <https://www.building.co.uk/news/saudi-arabia-bans-off-plan-property-sales/3135761.article> (дата обращения: 20.01.2022)
6. Бевзенко, Р.С. Выбор правовой политики в сфере регулирования покупки гражданами строящегося жилья / Р.С. Бевзенко. – Текст: электронный // Закон.ру – первая социальная сеть для юристов: [сайт]. – URL: https://zakon.ru/blog/2013/01/15/vybor_pравовой_politiki_v_sfere_regulirovaniya_pokupki_grazhdanami_stroyash-hegosya_zhilya (дата обращения: 20.01.2022)

LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN THE FIELD OF ACQUISITION OF RESIDENTIAL REAL ESTATE UNDER CONSTRUCTION: TYPOLOGY OF FOREIGN EXPERIENCE

Alyoshin D. Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the analysis of foreign experience in the legal regulation of relations in the field of acquiring «off-plan» property. The author, following the classification of R.S. Bevzenko, identifies three main areas of legal policy in this area. At the same time, the criteria for attributing the national legal order to one or another group is the presence of special regulation of issues related to the specifics of the conclusion, execution, termination and legal nature of contracts concluded with the developer, as well as the legal status of the buyer of real estate under construction in the event of bankruptcy of the developer. The author comes to the conclusion that the question of choosing one or another model of legal regulation of the «off plan» property is not purely legal. Rather, it is a matter of public policy in the field of ensuring affordable housing and attracting investment.

Keywords: developer, off plan property sales, escrow account, methods of ensuring the fulfillment of obligations.

References

1. Martínez Velencoso, Luz M. *Transfer of Immovables in European Private Law (The Common Core of European Private Law)* / Luz M. Martínez Velencoso, S. Bailey, A. Pradi. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – XXX, 420 p. – ISBN: 978-1-108-71702-1. – Text: direct.
2. Bahrain to ban off-plan sale of properties. – 27.05.2014. – Text: electronic // Trade Arabia Middle East & GCC business information Portal: [site]. – URL: http://www.tradearabia.com/news/CONS_258880.html?_x_tr_sch=http&_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (accessed: 20.01.2022)
3. Explanatory Notes on Article (11) of Law No. (19) of 2017 Amending Law No. (13) of 2008 Regulating the Interim Real Property Register in the Emirate of Dubai. – Text: electronic // Supreme Legislation Committee in the Emirate of Dubai: [site]/ – 2018. – URL: [https://dip.dubai.gov.ae/Legislation%20Reference/2018/Explanatory%20Notes%20on%20Article%20\(11\)%20of%20Law%20No.%20\(19\)%20of%202017.html#_ftn1](https://dip.dubai.gov.ae/Legislation%20Reference/2018/Explanatory%20Notes%20on%20Article%20(11)%20of%20Law%20No.%20(19)%20of%202017.html#_ftn1) (accessed: 20.01.2022).

4. Judgement of 01.04.2004 in Case C-237/02 Freiburger Kommunalbauten GmbH Baugesellschaft & Co. KG vs. Ludger und Ulrike Hofstetter. – Text: electronic // Court of Justice of the European Union: [site]. – URL: <https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?cid=7538351&dir=&docid=49062&doclang=EN&mode=lst&occ=first&PageIndex=0&part=1> (accessed: 01/20/2020). – Access mode: free.
5. Saudi Arabia bans off-plan property sales. – 10.03.2009. – Text: electronic // The world's leading construction website: [site]. – URL: <https://www.building.co.uk/news/saudi-arabia-bans-off-plan-property-sales/3135761.article> (accessed: 20.01.2022)
6. Bevzenko, R.S. The choice of legal policy in the field of regulating the purchase of housing under construction by citizens / R.S. Bevzenko. – Text: electronic // Law.<url> is the first social network for lawyers: [website]. – URL: https://zakon.ru/blog/2013/01/15/vybor_pravovoj_politiki_v_sfere_regulirovaniya_pokupki_grazhdanami_stroyashhegosya_zhilya (accessed: 20.01.2022)

Проблемы правового регулирования дискриминации педагогических работников при доступе к труду

Гирин Вадим Андреевич,

аспирант, кафедра конституционного и административного права; Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: vadim.girin@gmail.com

В статье автором проанализирован ряд положений Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с Трудовым кодексом Российской Федерации. В настоящее время проблема дискриминации довольно актуальна и имеет место быть де-факто при реализации педагогами своих конституционных прав. Автор указывает, что в данной работе ставится под вопрос правовое регулирование процедуры приема на работу в контексте возможности отстранения от работы работников – педагогов, подвергшихся или подвергающихся уголовному преследованию, то есть производится сравнение двух институтов трудового права с целью обобщения имеющихся недостатков правового регулирования и поиска возможных путей решения проблемы. Автором проблема дискриминации при приеме на работу рассмотрена не только с точки зрения защиты самих работников, но также автор размышляет над допустимостью такой дискриминации в целях защиты детства и юности. Автором приводится резюме его научных изысканий, предлагаются возможные пути заполнения образовавшихся лакун.

Ключевые слова: дискриминация, конституционно право на труд, Конституция, педагогическая деятельность.

Целью настоящей работы является анализ трудового законодательства во взаимосвязи с Конституцией России, а также законодательные предложения с целью минимизации дискриминации конституционных прав педагогических работников на равноправный доступ к труду. Как известно, Конституцией России предусмотрено равенство всех граждан перед законом. Вместе с тем, ограничения прав допускается законом или судом. Рассматривая равенство граждан перед законом через призму возможности ограничения их прав следует, что не только права должны быть равны, но и ограничения должны налагаться с учетом равенства, ведь правовое государство – есть государство, где равенство перед законом абсолютно.

Автором рассмотрена проблема дискриминации в сфере трудовых отношений. Проблема дискриминации хорошо известна и довольно обсуждается в научном сообществе, между тем, дискриминация в образовании исследована недостаточно подробно, не проработаны возможные пути устранения правовых пробелов в регулировании исследуемой темы. Проблема ограничения прав и свобод преподавателей нуждается в более полной законодательной проработке, при которой необходимо учитывать, как мнения авторитетных ученых в данной области, так и непосредственно мнение самих преподавателей, как лиц, чьи права затрагиваются напрямую. Проблемой дискриминации в образовании занимались такие авторы, как Н.А. Деменева, М.Г. Лордкипанидзе. Так, Н.А. Деменева, в одной из своих статей, отмечает общую недопустимость дискриминационной политики в государстве [1], однако не касается каких-либо частных вопросов. Лордкипанидзе М.Г., в свою очередь, отмечает наличие дискриминационных проблем только со стороны работодателей [2]. Кратко проблема дискриминации затрагивается и у С.М. Новорадовой-Василиади [3]. Автором были также изучены диссертационные исследования, где так или иначе обзревается и анализируется правовое положение преподавателей и профессорско-преподавательского состава. Исходя из изученного материала, автором сформулирован вывод о том, что хотя проблема дискриминации и изучается учеными, однако актуальных, конкретных работ, последовательно анализирующих вопросы дискриминации именно с точки зрения юридической науки сквозь призму Конституции, на настоящий момент определенно недостаточно. Проводя настоящее исследование, автором были отмечены лакуны в правовом регулировании допуска к конкретной профессии – про-

фессии преподавателя, установленные Трудовым кодексом Российской Федерации [4]. Следует отметить, что такое ограничение является своего рода законной дискриминацией, однако неурегулированность некоторых аспектов в полной мере приводит к актуальным проблемам на данный момент, с чем сталкиваются образовательные учреждения в целом и преподаватели, претендующие на замещения должностей, в частности.

Дискриминации как понятию неоднократно давались те или иные определения, однако, на взгляд автора, как таковая дефиниция дискриминации преподавателей в труде не сформулирована и до сегодняшнего дня. Автор определяет дискриминацию преподавателей в трудовой сфере противоправным деянием, умышленно или в форме неосторожности, как действием, так и бездействием ограничивающее права одного преподавателя противопоставлением другому с последствием в виде ограничений на трудовую деятельность. С другой стороны, законная дискриминация в труде выражается в ограничении индивидуума на доступ к профессии путем введения законодательных ограничений.

Само собой разумеющимся видится тот факт, что далеко не во всех учреждениях образования имеется штатная должность юриста, в связи с чем лица, не обладающие юридическими познаниями вынуждены трактовать те или иные нормы права так, как понимают их они, неся риск негативных последствий своих решений. Данная статья может быть использована в сфере трудовых отношений между потенциальным работником и работодателем – образовательной организацией, как основа для более глубокого исследования данной области, а также с целью формирования законодательной инициативы, в случае такой необходимости.

Рассматривая Трудовой кодекс России, можно отметить, что главой 52 ТК РФ вводится ограничительный ценз, не допускающий к занятию педагогической деятельностью лиц имевших или имеющих судимости по тем или иным статьям, что в целом является поводом для дискуссии. Как известно, в соответствии со статьей 86 Уголовного кодекса Российской Федерации [5] судимость погашается по истечению определенного количества лет после отбытия наказания (в зависимости от тяжести преступления). Та же статья, декларирует, что погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, предусмотренные кодексом, связанные с судимостью. Интересен для исследователя и тот факт, что последствия аннулируются лишь предусмотренные УК РФ, в связи с чем, конечно, ограничение прав другими законами легально, но на взгляд автора не совсем оправданно.

Статьей 331 ТК РФ устанавливаются определенные категории преступлений, совершив которые гражданин может быть ограничен в праве на труд. К примеру, преступления против жизни и здоровья, половой неприкосновенности, против общественного порядка и далее – закрытый пере-

чень. С одной стороны, такое ограничение не вызывает вопросов, ведь одна из обязанностей государства – гарантировать безопасность своих граждан, а человек, который совершил преступление с точки зрения морали видится деструктивным индивидуумом и не должен быть допущен к работе в социальной, образовательной и иных приоритетных сферах труда в государстве. С другой же стороны, ограничивая пожизненно гражданина в занятии педагогическим ремеслом, даже после снятия или погашения судимости когда-либо по статьям главы 16 УК РФ, Трудовой кодекс допускает к работе в образовании, в частности с детьми, лиц с погашенной или снятой судимостью – лиц совершивших, например разбой (статья 162 УК РФ), который является хоть и преступлением, сопровождающимся применением насилия, но относящийся к категории преступлений в сфере экономики. В то же время, лицо совершившее грабеж, что по части 1 статьи 161 УК РФ, что является преступлением средней тяжести, после отбытия наказания сразу может приступить к занятиям с детьми, так как в данном случае ожидать погашения судимости нет необходимости в силу трудового закона.

Анализируя вышеизложенное, автор полагает оправданным введение с одной стороны ценза при трудоустройстве на должность преподавателя на равнозначные по номенклатуре должности при наличии неснятой или непогашенной судимости по любым общественно-опасным деяниям, наказание за которые предусмотрены уголовным законом, но с другой стороны возникает вопрос, должно ли государство вмешиваться в трудовые взаимоотношения между работником и работодателем, пускай даже такие отношения связаны с социально значимой для государства категорией работников? Полагаю, что, так как Основным законом страны Россия провозглашена правовым государством, то в правовом государстве, при снятии или погашении судимости, лицо не должно подвергаться дискриминации в любых областях, так как уже подверглось исправлению в рамках пенитенциарной системы. Фактически же, законодатель, устанавливая запрет на занятие педагогической деятельностью для лиц ранее судимых, установил дополнительное пожизненное наказание, не установленное при этом Уголовным кодексом и не назначенное судом.

Рассуждая о легальности вышеизложенного, логичным видится вывод, что законодатель, вводя вышеописанное регулирование в уголовный закон исходил из гарантий безопасности для социально незащищенных граждан – детей, однако при этом же данное ограничение относится и вышей школе также, где зачастую проходят обучение уже совершеннолетние граждане. Также возникает вопрос, не является ли обязанностью государства соблюдать права и свободы всех категорий граждан и не противопоставлять одних другим? Кроме того, известно, что основной задачей исправительной системы является собственно исправление, ликвидация девиантности поведения, с осво-

бождением после отбытия наказания социально адаптированных граждан, а не установление им дополнительных ограничений в труде, не установленные судом. Ведь именно суд, ограничивая человека в занятии той или иной деятельностью, определяет в полной мере все обстоятельства дела и либо назначает, либо не назначает дополнительное наказание. Трудовой же кодекс, на взгляд автора не должен регулировать данные правоотношения, поскольку принимая спорные положения законодатель не мог загодя знать при каких обстоятельствах может быть совершено то или иное преступление.

Вместе с тем, все же именно наличие неснятой или непогашенной судимости, по мнению автора, является допустимым цензом, так как де-факто устанавливается именно судом, как последствие привлечения индивидуума к ответственности.

Наравне со сказанным, автору видится дискриминационным факт того, что лицо которое считается привлеченным, к примеру, к административной ответственности никак не ограничено в работе с детьми или в иной социально-значимой сфере. Так, лицо совершившее хоть и не преступление, а правонарушение, в частности, дорожно-транспортное происшествие с меньшим вредом, но все же повлекшее вред здоровью (легкий, средний вред здоровью) не ограничено в праве на труд, а лицо допустившее дорожно-транспортное происшествие, повлекшее тяжкий вред здоровья или смерть человека ограничено в занятии педагогической деятельности навсегда. Да, как известно, в данной норме присутствует исключение – когда специально уполномоченная комиссия исполнительного органа власти может допустить такое лицо к работе преподавателем, однако практику применения данного исключения определить не представилось возможным ввиду отсутствия публикаций таких актов. Вместе с тем, допуская тот факт, что ограничения введенные законодателем оправданы и соразмерны, нельзя не задаться вопросом: почему, лицо, допустившее побои или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, ответственность за которые наступает в соответствии со статьей 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не ограничено в праве на социально значимую работу [6]?

Подводя итог исследования, можно сделать вывод, что ограничивая в праве на занятие педагогической деятельностью исключительно срочно (на определенный срок) государство могло бы соблюсти баланс конституционных прав человека в части недопустимости дискриминации за те поступки, за которые уже гражданин понес наказание и в тоже время конституционных прав на защиту детства, на недопустимость ведения лицами, склонными к противоправным действиям, образовательной деятельности, ведь не зря статьей 17 Основного закона четко декларируется невозможность осуществления прав одних граждан в нарушении прав других.

Литература

1. Деменева Н.А. Дискриминация в сфере образования // Интерактивная наука. – 2016. – № 10. – С. 189–191
2. Лордкипанидзе М.Г. Некоторые аспекты защиты от дискриминации и нарушений трудовых прав педагогических работников высших учебных заведений // В сборнике: Современные проблемы гуманитарных и естественных наук материалы XXXI международной научно-практической конференции. Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований» – 2016. С. 176–180
3. Новрадова-Василиади С.М. Особенности правового регулирования рабочего времени отдельных категорий работников в Российской Федерации (на примере научно- педагогических работников высших учебных заведений) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 2(23). С. 36–43.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 07.01.2002. – N 1 (Ч. 1). – Гл. 52.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 86.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – ст. 6.1.1.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF DISCRIMINATION OF PEDAGOGICAL WORKERS IN ACCESS TO WORK

Girin V.A.

St. Petersburg State University of Economics

In the article the author analyzes a number of provisions of the Constitution of the Russian Federation in relation to the Labour Code of the Russian Federation. At present, the problem of discrimination is rather acute and there is a de facto need for teachers to exercise their constitutional rights. The author points out that this work calls into question the legal regulation of the employment procedure in the context of the possibility of suspending from work teachers who have been or are being prosecuted that is, a comparison of two labour law institutions in order to generalize the existing shortcomings of legal regulation and to find possible ways of solving the problem. The author not only examined the issue of discrimination in employment from the point of view of the protection of the employees themselves, but also considers the permissibility of such discrimination in order to protect children and youth. The author provides a summary of his scientific research, suggests possible ways to fill the gaps.

Keywords: Discrimination, constitutional right to work, Constitution, pedagogical activity.

References

1. Demeneva N.A. Discrimination in education // Interactive science. – 2016. – No. 10. – P. 189–191
2. Lordkipanidze M.G. Some aspects of protection against discrimination and violations of labor rights of pedagogical workers of higher educational institutions // In the collection: Modern problems of the humanities and natural sciences materials of the XXXI international scientific and practical conference. Sci-

- entific and Information Publishing Center "Institute for Strategic Studies" – 2016. S. – 176–180
3. Novradova-Vasiliadi S.M. Peculiarities of legal regulation of working hours of certain categories of workers in the Russian Federation (on the example of scientific and pedagogical workers of higher educational institutions) // Bulletin of the South-Western State University. Series: History and law. 2017. Vol. 7, No 2(23). pp. 36–43.
 4. Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 No. 197-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 07.01.2002. – N 1 (Part 1). – Ch. 52.
 5. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 06/17/1996. – No. 25. – Art. 86.
 6. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated 30.12.2001 No. 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 07.01.2002. – No. 1 (part 1). – Art. 6.1.1.

Актуальные вопросы правового регулирования рынка цифровых технологий

Глускер Евгений Александрович,

аспирант, Департамент правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: eglusker@yandex.ru

Статья посвящена особенностям правового регулирования рынка цифровых технологий. В статье автором дана краткая характеристика рынку цифровых технологий, определена цель цифровой трансформации как необходимая для дальнейшего развития правового регулирования антимонопольного законодательства. Автор затрагивает такие термины как «доминирующее положение», «цифровая платформа», «сетевой эффект» без которых нельзя полностью раскрыть вопрос регулирования рынка цифровых технологий. Автор отмечает необходимость проведения работ по дальнейшему правовому регулированию рынка цифровых технологий. Автор приходит к выводу, что ключевой отличительной чертой антимонопольного регулирования рынка цифровых технологий в России, является такая черта, как гибкость. По мнению автора, при формировании нормативно-правовых актов необходимо оценивать конкурентные отношения всех участников как в сфере «традиционной», так и «цифровой» экономики. Также автор приходит к выводу о том, что рынки формируются настолько стремительно, что антимонопольные органы не успевают изучить их в достаточной мере, что в свою очередь негативно отражается на правовом регулировании.

Ключевые слова: рынок цифровых технологий, доминирующее положение, большие данные, цифровизация, сетевой эффект, цифровая платформа.

Цифровые технологии преобразовали отрасли и предприятия, а также изменили роли людей, продуктов и платформ в ключевых секторах экономики, включая финансы, транспорт, туризм, логистику, здравоохранение, образование, сельское хозяйство и многие другие. Цифровые платформы изменили экономику ведения бизнеса через границы, снизив стоимость международных взаимодействий и транзакций. Они создают рынки и сообщества пользователей в глобальном масштабе, предоставляя предприятиям огромную базу потенциальных клиентов и эффективные способы их достижения.

Кроме того, люди напрямую участвуют в глобализации, используя цифровые платформы для доступа к информации, обучения, поиска работы, демонстрации своего таланта и создания социальных сетей[4]. Участники получают социальные льготы от услуг электронного правительства, имеют финансовую поддержку, совершают покупки в Интернете, получают выгоду от онлайн-образования или получают помощь в удаленных медицинских учреждениях. Уже ожидалось, что использование и ценность данных, цифровых технологий, использующих данные, и цифровых платформ, которые используются в нашей повседневной жизни, будут расти по мере того, как обработка и анализ все больших объемов данных становятся проще благодаря все более сложным технологиям.

Согласно прогнозам роста IDC DataSphere, «объем генерируемых цифровых данных вырастет с 33 ZB в 2018 году до 175 ZB к 2025 году, где зеттабайт (ZB) равен миллиарду терабайт или триллиону гигабайт [7]. Например, глобальный интернет-трафик оценивается в 3 ZB в 2020 году, что эквивалентно тому, что каждый человек в странах-членах АТЭС транслирует 28 часов видео высокой четкости в месяц.

В Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» [3] выделяется такая национальная цель развития как цифровая трансформация.

Отдельно стоит отметить, что цифровая экономика и проблемы ее правового регулирования стали важнейшей темой научных дискуссий последних лет.

Пандемия COVID-19 ускорила реализацию этой цели: в начале пандемии темпы внедрения цифровых технологий выросли на пять лет вперед всего за восемь недель, поскольку предприятия, школы и государственный сектор перенесли свои процессы, взаимодействие и предоставление услуг в онлайн в ответ на ограничения мобильности. Секторы, связанные с цифровыми технологиями,

которые ускорил COVID-19, те, которые связаны с удаленной работой с использованием видеоконференций, электронной коммерцией, удаленным и дистанционным обучением, связанными цепочками поставок, онлайн-платежами и финансами, а также облачными вычислениями. И это лишь некоторые из них, которые вероятно, станут далеко более укоренившимися и вездесущими особенностями экономики, способами ведения бизнеса и социального поведения[8]. Эти изменения оказывают структурное воздействие на экономику с точки зрения занятости, экономического роста и социальных возможностей; но также с точки зрения развития бизнес-моделей цифровых платформ, заменяющих или дополняющих традиционные каналы новостей, коммуникации, торговли и развлечений, а также моделей торговли внутри экономик и между ними. Это меняет ландшафт для политиков и регулирующих органов. По мере трансформации отраслей, рынков и стратегий ценообразования традиционный отраслевой подход к установлению политики будет все чаще не обеспечивать ожидаемый экономический рост и результаты социального развития. Еще более сложной задачей является работа регулирующего органа, поскольку традиционный подход, ориентированный на управление рисками, не обеспечивает ожидаемого регулирующего контроля или адекватной защиты потребителей.

Например, Uber, Grab и Go-Jek – это таксомоторные компании или компании-разработчики программного обеспечения?

Является ли Alipay банком или небанковским финансовым учреждением, или это технологическая (или электронная коммерция) компания?

Более того, что такое «монополия» и как следует оценивать адекватную рыночную конкуренцию, когда платформы или агрегаторы часто присутствуют в нескольких секторах?

Ранее доминирующие регулируемые компании уступили позиции новой волне компаний «следующего поколения». Рыночные определения, жизненно важные для регулирующих органов при определении, например, «значительной рыночной власти», все чаще воспринимаются как менее эффективные перед лицом межотраслевой поддержки цифрового бизнеса и межотраслевых моделей рыночной поддержки или субсидирования.

Кроме того, в условиях растущей зависимости от Интернета из-за пандемии стала более очевидной решающая роль цифровых платформ в обеспечении доступа к товарам и услугам, а также их контроль над ключевыми каналами распространения, выступая в качестве шлюзов на рынках и пользователей. Это ставит перед регулирующими органами новые задачи, в том числе связанные с конкуренцией, а также с безопасностью, конфиденциальностью и защитой прав потребителей, а также с пересечением различных политик и правил.

В результате управление, подотчетность и прозрачность бизнеса цифровых платформ подверга-

ются более тщательному изучению. Эти проблемы не уникальны для одной экономики.

Стоит выделить следующие документы, регулирующие цифровые рынки в Российской Федерации. К таким документам можно отнести Ведомственную программу цифровой трансформации Федеральной антимонопольной службы на 2021–2023 годы[1], Национальный план (дорожную карту) развития конкуренции на 2021–2025 годы[2].

Цифровизация требует изучения того, кто должен регулировать различные аспекты участия в цифровом рынке, кто должен обеспечивать подотчетность (и правоприменение), и как эти полномочия продолжают эффективно работать в развитие цифровой экономики. Все чаще изучаются и ставятся под сомнение пересечения, а во многих случаях и дублирования ответных мер регулирующих органов – от антимонопольного законодательства и политики в области конкуренции до требований управления данными и возникающих политических соображений. Нахождение на этом пересечении – и интеграции – между политикой в области конкуренции и более широким цифровым регулированием будет иметь решающее значение для обеспечения эффективной и соответствующей цели разработки политики для цифровых рынков.

В этой связи нужно определиться что из себя представляет рынок цифровых технологий. Отдельно стоит заметить, что определение рынка основано на тестах взаимозаменяемости, которые помогают определить соответствующий рынок антимонопольных продуктов, и эти тесты были установлены на фоне статических рынков. Динамические характеристики цифровых рынков делают определение соответствующего рынка особенно сложным [9]. Цифровые рынки обладают рядом характеристик, которые заметно отличаются от более традиционных статических рынков. Эти характеристики должны быть отражены в разграничении соответствующих товарных рынков для целей законодательства о конкуренции, в том числе в российском законодательстве, что на данный момент не сделано.

Такие характеристики включают в себя: динамичный характер цифровых рынков, существование рынков с нулевой ценой или рыночных сторон, характер некоторых цифровых рынков по принципу «победитель получает все». [5, с. 639–653]. Большие данные и большая аналитика являются краеугольными камнями цифровой рыночной среды, управляемой данными, и крайне важно хорошо понимать их. Кроме того, платформы (также называемые многосторонними рынками) стали популярной бизнес-моделью, которую необходимо понимать вместе с прямыми и косвенными сетевыми эффектами, на которые опирается такая платформа. Тесно связанные с платформами, создаются цифровые экосистемы, которые могут привести к блокировке потребителей и снижению конкуренции. Это идет рука об руку со все более сложной конгломератной структурой компании [6]. Цифро-

визация экономики привела к появлению рынков, на которых идентичные или похожие предложения можно купить «офлайн» (например, печатные книги в книжном магазине) или «онлайн» (например, печатные книги через интернет-магазин или электронные книги). Здесь возникает вопрос, могут ли онлайн- и офлайн-рынки конвергировать или они представляют собой отдельные релевантные рынки [10]. Там, где одна сторона рынка получает услуги в обмен на данные, а не за плату в денежном выражении, традиционные экономические инструменты для определения рынка не могут применяться напрямую [11].

Адекватный анализ конкуренции двусторонних платформ требует, чтобы определение рынка не определяло возможность балансировки про- и антиконкурентных эффектов или влияния на благосостояние различных групп потребителей.

Таким образом, когда признано, что взвешивание различных и расходящихся эффектов разрешено или даже требуется, если эти эффекты относятся к одному рынку, то применение такого взвешивания должно быть разрешено или необходимо точно так же для кросс-группы.

Юридическое понятие «рынок» не следует толковать как требующее оплаты одной стороной другой цены. Недостаточно рассматривать деятельность на «неоплачиваемой стороне» платформы только косвенно, путем включения ее в анализ антимонопольного законодательства «платной стороны» платформы. Такой подход исключил бы определенные виды деятельности и привел бы к положительным или отрицательным последствиям для благосостояния потребителей с точки зрения законодательства о конкуренции. Вместо этого практика конкуренции должна просто признать, что могут существовать «рынки» для продуктов, предлагаемых бесплатно, то есть без денежного вознаграждения со стороны тех, кто получает продукт. «Рынок» как понятие закона о конкуренции следует понимать как состоящий из сделок между двумя или более сторонами, из которых по крайней мере одна действует в экономических целях. Это очевидно в тех случаях, когда продукт предоставляется за вознаграждение. Кроме того, в случаях, когда продукт предлагается бесплатно, достаточно продемонстрировать, что деятельность является частью широкой или долгосрочной стратегии получения дохода.

Новые бизнес-модели меняют то, что значит быть покупателем/продавцом, производителем/потребителем, работодателем/наемным работником, эффективно размывая, бросая вызов и даже отбрасывая традиционные роли и обязанности. Широко известные как «двусторонние рынки», цифровые платформы обслуживают и, возможно, используют две стороны рынка – как потребителей, так и бизнес-поставщиков, – которые были объединены для обмена продуктами или услугами. Яркими примерами таких двусторонних или многосторонних цифровых платформ являются

Amazon, Facebook и Uber. Когда цифровые платформы выступают в качестве посредников между двумя или более сторонами, часто неясно, является ли платформа стороной контракта или кто юридически считается трейдером или действует от имени трейдера. Этот переход к новым цифровым бизнес-моделям уже оказывает влияние ключевых областях, таких как политика в области конкуренции, трудовое законодательство, налоговая система и системы социального обеспечения, и становится все более интенсивной по мере того, как поставщики медицинских услуг, финансовые консультанты, страховые компании, юридические фирмы, университеты и тысячи других секторов приближают свои услуги к пользователям через границы. сгибание платформ и приложений. Этот сдвиг оказывает беспрецедентное давление на регуляторов и политиков. С институциональной и административной точки зрения их роли остаются неизменными; антимонопольный орган наблюдает за вопросами конкуренции, трудовой орган контролирует вопросы, связанные с работой и занятостью.

Тем не менее ландшафт, в котором они работают, быстро меняется и больше не следует строго разделенным иерархиям. Цифровизацию и то, как она меняет рынки и создает новые, в первую очередь необходимо понять в контексте того, как законодательство о конкуренции и более широкое регулирование сосредоточены на «цифровых» вопросах (таких как защита данных и конфиденциальность, защита прав потребителей, ответственность посредников и т.д.), к каким цифровым рынкам и к каким субъектам этих цифровых рынков применяется. Предположение о том, что правила могут разрабатываться медленно и преднамеренно – и в разрозненных условиях – и затем оставаться неизменными в течение длительных периодов времени, больше не актуально в динамично и постоянно меняющихся трансграничных рынках. По мере появления новых бизнес-моделей и услуг перед регулирующими и директивными органами стоит задача создания или изменения правил, обеспечения их соблюдения и доведения их до сведения общественности с беспрецедентной скоростью. И они должны делать это, работая в устаревших рамках и пытаясь способствовать инновациям.

С одной стороны, цифровые рынки и связанные с ними сетевые эффекты способствуют концентрации рынков. С другой стороны, конечные пользователи могут получать цифровые услуги одновременно по нескольким каналам. Можно утверждать, что эти функции и делают рынки конкурентно способными.

Регулирование заинтересовано в том, чтобы условия не были антиконкурентными. В частности, в случае социальных сетей сетевые эффекты помогают ускорить масштабирование в силу того факта, что партнерские компании должны находиться в тех же сетях, что и те, с кем они общаются, например Facebook или LinkedIn. Сочетание

масштаба и охвата ставит перед регулирующими органами новые задачи. Одна из проблем состоит в том, чтобы просто получить представление о том, как работают эти все более сложные предприятия. И поскольку многие из этих рынков являются двусторонними, то есть они предоставляют услуги поставщикам и другим компаниям цепочки поставок, а также обеспечивают продажи и услуги конечным пользователям, существует сеть транзакций и условий, связанных с этими транзакциями, которые открывают опасность антиконкурентного поведения. Многие из этих опасностей уже существуют в цифровом мире, например, связанные контракты, которые не позволяют поставщикам использовать альтернативные платформы или использовать вводящие в заблуждение тактики продаж с потребителями. Добавление цифровых технологий к этим процессам открывает больше возможностей для злоупотреблений, например, встроенные алгоритмы, которые отслеживают поведение клиентов. На уровне бизнеса эти глобальные компании часто используют регулятивный арбитраж для перемещения своих активов и счетов за продажу, чтобы избежать местных правил и налогов. Различные регулирующие юрисдикции, которые не находятся в тесной гармонии, используют разные стандарты и не имеют договоров или договоренностей об установлении эквивалентности друг друга, создают пробелы в глобальной торговой системе для такого арбитража. Кроме того, когда счета за продажу товаров и услуг выставляются в одной стране, а покупатель проживает в другой, регулирующим органам необходимо установить критерий для оценки того, какой географический рынок задействован. Эти вопросы в настоящее время являются предметом обсуждения в рамках ОЭСР для достижения согласованности и определенности во всем мире.

Таким образом, в данной статье была принята попытка рассмотреть особенности правового регулирования рынка цифровых технологий. По мнению автора, при формировании нормативно-правовых актов следует оценивать конкурентные отношения всех участников как в сфере «традиционной», так и «цифровой» экономики.

Отдельно стоит заметить, что на данный момент в российском законодательстве отсутствует понятие рынка цифровых технологий.

Специфические характеристики цифровых рынков представляют собой серьезную проблему для разграничения соответствующего рынка антимонопольных продуктов, оценки рыночной власти, понимания антиконкурентных соглашений и злоупотреблений, а также вопроса контроля за слияниями. Как подчеркивалось на протяжении всей статьи, это те проблемы, с которыми национальные органы по вопросам конкуренции, в том числе Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации сталкиваются в своей повседневной работе по обеспечению соблюдения законодательства о конкуренции. Хотя раздаются голоса,

утверждающие, что законодательство о конкуренции уже достаточно гибко, чтобы приспосабливаться к цифровым рынкам без изменения закона, этот довольно прагматичный подход необходимо понимать в свете того, насколько обременительно вносить изменения в договоры. В некоторых аспектах гибкость законодательства о конкуренции вполне может достичь своего предела, и необходимо будет найти альтернативные способы тонкой настройки законодательства о конкуренции с учетом потребностей цифровых рынков.

Литература

1. Ведомственная программа цифровой трансформации Федеральной антимонопольной службы на 2021–2023 годы (приложение № 8 к протоколу президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 21.05.2021 № 14). // [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru/law/vedomstvennaia-programma-tsifrovoi-transformatsii-federalnoi-antimonopolnoi-sluzhby/> (дата обращения: 20.03.2022).
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2021 г. № 2424-р. // [Электронный ресурс]: URL: <http://government.ru/docs/all/136435/> (дата обращения: 20.03.2022).
3. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Цифровая трансформация глазами мирового сообщества. McKinsey // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/business%20functions/mckinsey%20digital/our%20insights/digital%20globalization%20the%20new%20era%20of%20global%20flows/mgi-digital-globalization-full-report.pdf> (дата обращения 20.03.22).
5. Baye, Michael R. (2008): Market Definition and Unilateral Competitive Effects in Online Retail Markets. *Journal of Competition Law & Economics*, p. 639–653.
6. Bourreau, Marcand de Streel, Alexandre (2019): Digital Conglomerates and EU Competition Policy. // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.crid.be/pdf/public/8377.pdf> (дата обращения 20.03.22).
7. Tom Coughlin. 175 Zettabytes By 2025 // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.forbes.com/sites/tomcoughlin/2018/11/27/175-zettabytes-by-2025/> (дата обращения 25.03.22).
8. McKinsey Digital (2020) The COVID-19 recovery will be digital: A plan for the first 90 days, // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/the-covid-19-recovery-will-be-digi->

tal-a-plan-for-the-first-90-days // (дата обращения 20.03.22).

9. OECD (2014): Data-Driven Innovation for Growth and Well-Being. // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.oecd.org/sti/inno/data-driven-innovation-interim-synthesis.pdf> // (дата обращения 20.03.22).
10. Robertson, Viktoria H.S.E. (2017): Delineating Digital Markets under EU Competition Law: Challenging or Futile? *Competition Law Review*, p. 131–151.
11. Vestager, Margrethe (2019): Defining Markets in a New Age. Speech. 9.12.2019. [Электронный ресурс]: URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2019-2024/vestager/announcements/defining-markets-new-age_en/ (дата обращения 20.03.22).

ACTUAL QUESTIONS OF LEGAL REGULATION OF THE DIGITAL TECHNOLOGY MARKET

Glusker E.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the peculiarities of legal regulation of the digital technology market. The article gives a brief description of the digital technology market. The author defines the goal of digital transformation as necessary for the further development of the legal regulation of antimonopoly legislation. In addition, the author touches upon such terms as “dominant position”, “digital platform”, “network effect” without which it is impossible to fully disclose the issue of regulating the digital technology market. The author notes the need for work on further legal regulation of the digital technology market. The author comes to the conclusion that the key distinguishing feature of antimonopoly regulation, including in Russia, is such a feature as flexibility. According to the author, when forming regulatory legal acts, one should evaluate the competitive relations of all participants in both the “traditional” and “digital” economy. The author also comes to the conclusion that the markets are formed so rapidly that the antimonopoly authorities do not have time to study them sufficiently, which in turn negatively affects the legal regulation.

Keywords: digital technology market, dominance, big data, digitalization, network effect, digital platform.

References

1. Departmental program for the digital transformation of the Federal Antimonopoly Service for 2021–2023 (Appendix No. 8 to the minutes of the Presidium of the Government Commission on Digital Development, the Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and the Conditions for Doing Business as of May 21, 2021 No. 14). // [Electronic resource]: URL: <https://sudact.ru/law/vedomstvennaia-programma-tsifrovoi-transformatsii-federalnoi-antimonopolnoi-sluzhby/> (Accessed: 20.03.2022).
2. Order of the Government of the Russian Federation dated September 2, 2021 No. 2424-r. // [Electronic resource]: URL: <http://government.ru/docs/all/136435/> (Accessed: 20.03.2022).
3. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030»// ATP «Consultant-Plus».
4. Digital transformation through the eyes of the global community. McKinsey// [Electronic resource]: URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/business%20functions/mckinsey%20digital/our%20insights/digital%20globalization%20the%20new%20era%20of%20global%20flows/mgi-digital-globalization-full-report.pdf/> (accessed 20.03.22).
5. Baye, Michael R. (2008): Market Definition and Unilateral Competitive Effects in Online Retail Markets. *Journal of Competition Law & Economics*, p. 639–653.
6. Bourreau, Marcand de Streel, Alexandre (2019): Digital Conglomerates and EU Competition Policy. // [Electronic resource]: URL: <http://www.crid.be/pdf/public/8377.pdf/> (Accessed: 20.03.2022).
7. Coughlin Tom.175 Zettabytes By 2025 // [Electronic resource]: URL: <https://www.forbes.com/sites/tomcoughlin/2018/11/27/175-zettabytes-by-2025/> (Accessed: 20.03.2022).
8. McKinsey Digital (2020) The COVID-19 recovery will be digital: A plan for the first 90 days, // [Electronic resource]: URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/the-covid-19-recovery-will-be-digital-a-plan-for-the-first-90-days/> (Accessed: 20.03.2022).
9. OECD (2014): Data-Driven Innovation for Growth and Well-Being. // [Electronic resource]: URL: <https://www.oecd.org/sti/inno/data-driven-innovation-interim-synthesis.pdf> / (Accessed: 20.03.2022).
10. Robertson, Viktoria H.S.E. (2017): Delineating Digital Markets under EU Competition Law: Challenging or Futile? *Competition Law Review*, p. 131–151.
11. Vestager, Margrethe (2019): Defining Markets in a New Age. Speech. 9.12.2019. [Electronic resource]: URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2019-2024/vestager/announcements/defining-markets-new-age_en/ (Accessed: 20.03.2022).

Антимонопольный контроль в сфере закупок отдельными видами юридических лиц

Дегтев Геннадий Валентинович,

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой управления государственными и муниципальными закупками ГАОУ ВО «Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова»
E-mail: ugmzmag@yandex.ru

Сергеева Светлана Александровна,

кандидат экономических наук, научный сотрудник кафедры Управления активами МГИМО МИД России
E-mail: ugmzmag@gmail.com

Вохмянин Денис Владимирович,

магистрант кафедры управления государственными и муниципальными закупками ГАОУ ВО «Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова»
E-mail: ugmzmag@yandex.ru

Антимонопольный контроль в сфере закупок отдельными видами юридических лиц – актуальная проблема, требующая глубокого теоретического изучения, практического обоснования и разработки конкретных инструментов, подходов к повышению качества закупок в рамках Федерального закона № 223-ФЗ. При принятии Закон № 223-ФЗ был достаточно рамочным, но в последнее время наблюдается тенденция к детальной регламентации правил проведения закупок отдельными видами юридических лиц. Правила, установленные Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», при проведении закупок применяет достаточно широкий круг заказчиков. Авторы статьи предлагают изменения в существующее законодательство по вопросу о предусмотрении ограничений по субъектному составу лиц, полномочных на подачу жалоб, исходя из реальной возможности (например, соответствие требованиям, установленным в документации) и заинтересованности конкретного лица в участии в данной закупке, по аналогии с Законом о контрактной системе.

Ключевые слова: закупки отдельными видами юридических лиц, контроль, антимонопольный контроль.

Стремительное и непредсказуемое изменение структуры национальных и трансграничных товарных рынков, динамичное развитие информационных технологий, внедрение технологий искусственного интеллекта, робототизация и многие другие факторы привели к трансформации методов и инструментов контроля в целом и антимонопольного контроля в частности [2;4;5]. М.А. Егорова, Е.С. Хохлов (2021) отмечают, что потребность в обеспечении социально-экономического благополучия граждан обусловила объективную необходимость принятия комплекса мер по реформированию системы государственного контроля [1]. Авторы обосновано утверждают, что целью нового контроля необходимо рассматривать целый комплекс важных задач, среди которых:

- стимулирование предпринимательской активности;
- снижение административной нагрузки на проверяемых лиц со стороны уполномоченных органов государственной власти и др.

Е. Пластинина, В. Абрамов (2019) указывают на нестабильность экономической ситуации как на фактор во многом определяющий изменения системы управления организацией, в том числе и в сфере закупок. При этом они отмечают, что государственные заказчики, которые проводят закупочную деятельность на основании Федерального Закона N 223-ФЗ, могут более гибко выстраивать договорную работу с контрагентами, оперативно реагировать на изменения во внешней среде [3].

Правила, установленные Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон № 223-ФЗ), при проведении закупок применяет достаточно широкий круг заказчиков. При этом, если при принятии Закона № 223-ФЗ он был достаточно рамочным, то в последнее время имеется тенденция на детальную регламентацию правил проведения закупок отдельными видами юридических лиц.

Одним из примеров выступают изменения, внесенные в части закрепления порядка проведения закупок среди субъектов малого и среднего предпринимательства, где закреплены достаточно строгие правила проведения таких закупок с минимальной долей вариативности для заказчика, при их регламентации в своих внутренних документах.

Вместе с тем, основные правила осуществления закупок закрепляются именно заказчиками в своих Положениях о закупках.

Основным механизмом обеспечения соблюдения и защиты прав участников при проведении

закупок, а также общего соблюдения законности при осуществлении закупочной деятельности выступает институт обжалования.

Частями 9 и 10 статьи 3 Закона № 223-ФЗ закреплено право участника закупки на судебное обжалование и обжалование в антимонопольном органе.

При этом, обжалование в антимонопольном органе выступает более «мобильным» механизмом, ввиду ускоренной процедуры рассмотрения и принятия решения по сравнению с судебным разбирательством, ввиду чего в настоящее время является преимущественным механизмом.

Согласно части 10 статьи 3 Закона № 223-ФЗ право обжалования в антимонопольный орган принадлежит любому участнику закупки. Указанной нормой также закреплена перечень случаев, в которых участник вправе обратиться в антимонопольный орган. Антимонопольный орган обладает широкой компетенцией при рассмотрении жалоб участников. Перечень случаев видоизменился после внесения Федеральным законом от 31.12.2017 № 505-ФЗ изменений в Закон № 223-ФЗ. Если до внесения данных изменений возникали споры относительно ограниченной компетенции антимонопольного органа при рассмотрении жалоб, то скорректированный пункт 1 части 10 исключил вариативность толкования, предоставив антимонопольному органу самые широкие полномочия.

Рассмотрение поступающих от участников закупок жалоб производится уполномоченным органом на основании статьи 18.1 Федерального закона № 135 (закон о защите конкуренции).

Участники закупки имеют право обжаловать следующие действия:

- заказчика;
- комиссии по осуществлению закупок;
- оператора электронной площадки.

Частью 4 статьи 18.1 Закона о защите конкуренции установлен предельный срок обжалования. Участник закупки вправе подать жалобу не позднее 10 дней со дня размещения в ЕИС итогового протокола закупки, а если закупка признана несостоявшейся или договор по ее результатам не заключен – не позднее 3 месяцев с даты размещения итогового протокола. При этом, если обжалуются действия, совершенные после окончания срока приема заявок жалобу вправе подать только участник, подавший заявку (часть 11 статьи 3 Закона № 223-ФЗ, часть 2 статьи 18.1 Закона о защите конкуренции).

Жалобы, поданные с нарушением указанных сроков и правил, оставят без рассмотрения.

Также следует уделить внимание вопросу, в какой антимонопольный орган следует подавать жалобу. О распределении компетенции между центральным аппаратом Федеральной антимонопольной службы и ее территориальными органами указано в письмах ФАС России № ИА/6011 от 01.03.2012 и от 05.07.2019 № ИА/57470/19.

Так, к компетенции центрального аппарата ФАС относятся:

- заявления заказчиков о включении в реестр недобросовестных поставщиков при закупке товаров, работ, услуг на сумму, превышающую 1 млрд руб.;
- жалоб на действия (бездействие) отдельных заказчиков, указанных ФАС России при закупке, превышающей стоимость в сто миллионов рублей, а также на действия операторов электронных площадок при осуществлении закупок такими заказчиками и заявлений таких заказчиков о включении в реестр недобросовестных поставщиков. В перечень отдельных заказчиков ФАС России включил наиболее крупных заказчиков, например таких как, ОАО РЖД, ПАО «НК «Роснефть», ПАО «ВТБ», АО «Мосинжпроект», Госкорпорация «Росатом»;
- жалобы на бездействие или действия операторов электронных площадок и государственных заказчиков;
- жалобы на действия оператора электронной площадки из перечня распоряжением Правительства Российской Федерации от 12.07.2018 № 1447-р (отобранных для осуществления государственных и муниципальных закупок) вне зависимости от стоимости закупки.

Во всех остальных случаях жалобы рассматриваются территориальными органами Федеральной Антимонопольной Службы России по месту нахождения заказчика той закупки, которая выступает предметом обжалования.

Требования к содержанию и обязательные реквизиты жалобы закреплены в части 6 статьи 18.1 Закона о защите конкуренции.

Так жалоба должна содержать:

- наименование, указание на место нахождения, почтовый адрес, номер контактного телефона организатора торгов, оператора электронной площадки, акты и (или) действия (бездействие) которых обжалуются;
- наименование, сведения о месте нахождения (для юридического лица), фамилию, имя, отчество, сведения о месте жительства (для физического лица) заявителя, почтовый адрес, адрес электронной почты, номер контактного телефона, номер факса;
- указание на обжалуемые торги, адрес сайта, на котором размещена информация о закупках;
- указание на обжалуемые действия (бездействие) организатора торгов, оператора электронной площадки, конкурсной или аукционной комиссии;
- перечень документации, прилагаемой к жалобе.

Таким образом, закон не предъявляет требований к определенной форме жалобы, а лишь устанавливает перечень общих сведений, которые она должна содержать.

В течение 3 рабочих дней с даты поступления жалобы антимонопольный орган должен при на-

личии оснований, содержащихся в части 9 статьи 18.1 Закона о защите конкуренции, вернуть жалобу заявителю или принять ее к рассмотрению уведомив в указанный срок стороны и разместив в ЕИС сведения о поступившей жалобе.

Вернуть жалобу антимонопольный орган может в следующих случаях:

если в направленной жалобе отсутствует подпись или она подписана лицом, полномочия которого не подтверждены документами;

- если в направленной жалобе не указаны обязательные реквизиты и сведения;
- наличия вступившего в законную силу судебного акта, в котором содержатся выводы о наличии или об отсутствии нарушения в обжалуемых актах и (или) действиях (бездействии) организатора торгов, оператора электронной площадки, конкурсной или аукционной комиссии;
- антимонопольным органом принято решение относительно обжалуемых актов и (или) действий (бездействии) организатора торгов, оператора электронной площадки, конкурсной или аукционной комиссии.

Законом установлен срок рассмотрения антимонопольным органом жалобы – 7 рабочих дней с даты поступления жалобы. При этом, за антимонопольным органом сохраняется право на однократное продление такого срока на равнозначный период, при необходимости затребования дополнительных документов. Таким образом, предельный срок рассмотрения жалобы может составлять 14 рабочих дней с даты ее поступления.

Рассмотрение жалобы происходит при участии сторон, которые вправе представлять пояснения по жалобе. Рассмотрение жалобы, хотя в законе об этом нет отдельного упоминания, как например, в Законе о контрактной системе, может происходить в дистанционном формате. Следует отметить, что данный формат рассмотрения жалоб при сохранении принципа состязательности сторон и доступа к защите прав, позволяет существенно сократить временные затраты.

На момент рассмотрения жалобы закупка подлежит приостановке в части заключения договора, что дополнительно обеспечивает соблюдение прав участника закупки.

По результатам рассмотрения жалобы комиссия принимает решение:

- признать жалобу обоснованной и выдать предписание (предписание не выдается, если на момент рассмотрения договор уже заключен);
- признать жалобу необоснованной.

При этом, комиссия вправе выдать предписание, если в ходе рассмотрения жалобы будут выявлены иные нарушения при проведении закупки.

Таким образом, комиссия фактически не связана только доводами жалобы, а вправе широко изучить материалы закупки, в целях исследования соблюдения законодательства.

Предписание обязательно для исполнения и может содержать, например, следующие требования:

- внесение изменений в документацию и извещение о закупке;
- отменить протокол, составленный в ходе закупки, и повторно рассмотреть и (или) провести оценку заявок с учетом вынесенного решения;
- аннулировать закупку.

Неисполнение предписания влечет привлечение лица, которому оно выдано, к административной ответственности в соответствии с частью 2.1 статьи 19.5 КоАП и влечет наложение наказания в форме административного штрафа на должностных лиц в размере от восемнадцати тысяч до двадцати тысяч рублей либо дисквалификацию на срок до трех лет; на юридических лиц – от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей.

Ввиду широкого круга заказчиков по закону № 223-ФЗ доля указанных закупок достаточно велика, а соответственно и доля жалоб, поступающих на нарушения при их проведении достаточно большая. Вместе с тем, нередко жалобы подаются лица, не имеющие интереса в участии в закупке, что в свою очередь сильно затягивает и усложняет закупку без реализации действительных прав лица на защиту.

На основе вышеизложенного видится целесообразным рассмотрение внесения в Федеральный Закон № 223-ФЗ возможности ограничения по субъектному составу лиц, полномочных на подачу жалобы, исходя из реальной возможности (например, соответствие требованиям, установленным в документации) и заинтересованности конкретного лица в участии в данной закупке, по аналогии с Законом о контрактной системе.

Литература

1. Егорова М.А. Современные проблемы анализа товарных рынков для целей антимонопольного регулирования / М.А. Егорова, Е.С. Хохлов // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 1 (122). – С. 111–119.
2. Кожина К.Е., Артюшенко Д.В. Ценовые алгоритмы как инструмент ведения бизнеса: антимонопольные риски и вопросы допустимости // Российское конкурентное право и экономика. 2019. N 4. С. 54–59
3. Пластинина Е., Абрамов В. Выбор нескольких победителей по результатам конкурентной закупки // Прогноз.ру. 2019. N 9. С. 57–60
4. Писенко К.А., Славинский П.В. Риск – ориентированный подход в антимонопольном контроле в Российской Федерации как предмет научного исследования // Административное право и процесс», 2021, N 3
5. Попондопуло В.Ф. К вопросу о необходимости внедрения специализированной системы антимонопольного комплаенса / В.Ф. Попондопуло, Д.А. Петров // Актуальные вопросы современного конкурентного права: сборник научных трудов. Вып. 3. / ответственный редактор М.А. Егорова. Москва: Юстицинформ, 2019. С. 105–111.

6. Тархова К.В. Эволюция антимонопольного регулирования в России в цифровую эпоху / К.В. Тархова, В.И. Алифиров, О.Н. Горохова // Цифровое право. – 2020. – Т. 1, № 4. – С. 38–55.

ANTIMONOPOLY CONTROL IN THE FIELD OF PROCUREMENT BY CERTAIN TYPES OF LEGAL ENTITIES

Degtev G.V., Sergeeva S.A., Vokhmyanin D.V.

Moscow City University of Management of the Government of Moscow named after Yu.M. Luzhkov; MGIMO MFA of Russia

Antimonopoly control in the field of procurement by certain types of legal entities is an urgent problem that requires in-depth theoretical study, practical justification and development of specific tools, approaches to improve the quality of procurement within the framework of Federal Law No. 223-FZ. When adopted, Law No. 223-FZ was quite a framework, but recently there has been a tendency towards detailed regulation of the rules for procurement by certain types of legal entities. The rules established by the Federal Law of July 18, 2011 No. 223-FZ "On the Procurement of Goods, Works, Services by Certain Types of Legal Entities" are applied by a fairly wide range of customers when making purchases. The authors of the article propose changes to the existing legislation on the issue of providing restrictions on the subject composition of persons authorized to file complaints, based on the real possibility (for example,

compliance with the requirements established in the documentation) and the interest of a particular person in participating in this procurement, by analogy with the Law about the contract system.

Keywords: purchases by certain types of legal entities, control, antimonopoly control.

References

1. Egorova M.A. Egorova M.A., Khokhlov E.S. Modern problems of analysis of commodity markets for the purposes of antimonopoly regulation // Actual problems of Russian law. – 2021. – V. 16, No. 1 (122). – pp. 111–119.
2. Kozhina K.E., Artyushenko D.V. Price Algorithms as a Business Tool: Antimonopoly Risks and Permissibility Issues // Russian Competition Law and Economics. 2019. N 4. S. 54–59
3. Plastinina E., Abramov V. Selection of several winners based on the results of competitive procurement // Progoszakaz.rf. 2019. N 9. S. 57–60
4. Pisenko K.A., Slavinsky P.V. Risk-oriented approach in antimonopoly control in the Russian Federation as a subject of scientific research // Administrative law and process", 2021, N 3
5. Popondopulo V.F. On the issue of the need to introduce a specialized system of antimonopoly compliance / V.F. Popondopulo, D.A. Petrov // Topical issues of modern competition law: a collection of scientific papers. Issue. 3. / executive editor M.A. Egorova. Moscow: Yustitsinform, 2019. S. 105–111.
6. Tarkhova K.V. Evolution of antimonopoly regulation in Russia in the digital age / K.V. Tarkhova, V.I. Alifirov, O.N. Gorokhova // Digital Law. – 2020. – V. 1, No. 4. – S. 38–55.

К вопросу о статусе выбывшего члена совета директоров акционерного общества

Козина Елена Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: eakozina@msal.ru

Статья посвящена исследованию статуса выбывшего члена совета директоров акционерного общества, поскольку неопределенность данной дефиниции порождает нестабильную правоприменительную практику в сфере стратегического управления акционерными обществами. Автор ретроспективно рассматривает основания, порядок, правовые последствия признания члена совета директоров выбывшим через призму позиций Высшего арбитражного суда РФ, Верховного Суда РФ, арбитражных судов нижестоящих инстанций, положений об органах управления публичных акционерных обществ. Анализ судебной практики демонстрирует отождествление статуса выбывшего члена совета директоров со статусом члена совета директоров, полномочия которого прекращены по предусмотренным законом основаниям, в связи с чем в статье приводится их сопоставление по таким критериям, как основания возникновения, правовые последствия прекращения членства и выбытия из совета директоров, возможность восстановления объема полномочий члена совета директоров. По итогам исследования автор приходит к выводу о несовпадении статуса выбывшего члена совета директоров и члена совета директоров с прекратившимися полномочиями, в связи с чем дает рекомендацию по определению в законе правовых последствий признания члена совета директоров выбывшим.

Ключевые слова: акционерное общество, совет директоров, выбывший член совета директоров, кумулятивное голосование, прекращение полномочий члена совета директоров, статус члена совета директоров, отказ от полномочий члена совета директоров.

В свете множественного выхода из советов директоров российских публичных акционерных обществ граждан иностранных государств в феврале-марте настоящего года особую актуальность приобретает вопрос статуса выбывшего члена совета директоров. Как следует из открытых источников, независимые директора с иностранным гражданством покинули наблюдательные советы и советы директоров ПАО «Северсталь», ПАО «Сбербанк», АО «РЖД», ПАО «СИБУР», ПАО «Мегафон», ПАО «НК «Роснефть» и ряда иных российских компаний. Не обозначая предпосылки такой тенденции, которые выходят за рамки предмета настоящей статьи, обозначим правовые последствия отказа от членства в совете директоров для деятельности этого органа общества, но прежде отметим, что, говоря о насущности обозначенного правового вопроса, не следует ограничиваться геополитическими причинами. Нередко возможность выбытия члена из совета директоров общества используется в качестве способа противостояния в корпоративном конфликте. Для наглядности дадим оценку ситуации, в которой многолетние партнерские отношения двух участников непубличной корпорации под воздействием субъективных факторов переросли в противостояние мажоритарного и миноритарного акционеров. Как известно, любой корпоративный конфликт имеет своей предпосылкой утрату взаимного доверия участниками корпоративных отношений, и именно по этой причине в описываемом примере миноритарный акционер намеревался избрать свою кандидатуру в орган контроля, а именно на позицию ревизора акционерного общества. Согласно пункту 6 статьи 85 Закона «Об акционерных обществах» акции, принадлежащие членам совета директоров общества или лицам, занимающим должности в органах управления общества, не могут участвовать в голосовании при избрании членов ревизионной комиссии (ревизора) общества. При этом преобладающий в уставном капитале акционер на протяжении ряда лет избирался в совет директоров акционерного общества и, оценив перспективу невозможности своего участия в голосовании по вопросу об избрании ревизора, что позволило бы другому акционеру избрать на общем собрании свою кандидатуру ревизора, он принял решение покинуть совет директоров общества до проведения годового общего собрания акционеров посредством направления в общество уведомления об отказе от своих полномочий. При этом содержание Закона «Об акционерных обществах» (абз. 2 п. 6 ст. 85) не позволяет односложно

ответить на вопрос о том, может ли после подачи такого заявления выбывший член совета директоров голосовать по вопросу избрания ревизора, что в свою очередь имеет особое значение для «судьбы» корпоративных отношений между акционерами обществ, так как создает риски судебных тяжб между ними как после принятия решения на общем собрании, так и по итогам деятельности ревизора общества. Предпосылкой для развития корпоративного конфликта является неопределённость в том, влечет ли подача заявления о выходе из совета директоров прекращение статуса члена совета директоров.

Абстрагируясь от обозначенного примера в связи с тем, что не только заявление о выходе может являться основанием для признания члена совета директоров выбывшим, сформулируем проблему как отсутствие в правоприменительной практике однозначного подхода к соотношению статусов выбывшего члена совета директоров и члена совета директоров, полномочия которого прекращены досрочно решением общего собрания или в связи с истечением корпоративного года, на который он был сформирован (далее по тексту – член совета, полномочия которого прекращены). Использование законодателем дефиниции «выбывший член совета директоров» без определения в акционерном законе оснований и последствий признания таковым является предпосылкой указанной правовой неопределенности и достаточным основанием для обсуждения заданной темы.

В положениях Закона «Об акционерных обществах» содержится всего шесть упоминаний выбывших членов совета директоров, каждое из которых связано с изменением порядка принятия решений по отдельным вопросам компетенции данного органа управления общества. Голоса выбывших членов совета директоров не учитываются при голосовании по вопросам, требующим единогласного решения всех членов совета директоров либо тремя четвертями голосов (далее по тексту также – шесть вопросов компетенции):

- об увеличении уставного капитала общества путем размещения дополнительных акций (абз. 3 п. 2 ст. 28 Закона «Об акционерных обществах»);
- о размещении обществом облигаций, конвертируемых в акции, и иных эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в акции (абз. 3 п. 2 ст. 33 Закона «Об акционерных обществах»);
- о включении лиц, выдвинутых акционерами или советом директоров реорганизуемого общества кандидатами, в список членов коллегиального исполнительного органа, ревизионной комиссии и по вопросу об утверждении лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа каждого общества, создаваемого путем реорганизации в форме слияния, разделения или выделения (абз. 4 п. 8 ст. 53 Закона «Об акционерных обществах»);
- о приостановлении полномочий единоличного исполнительного органа общества, об образо-

вании временного единоличного исполнительного органа общества и о проведении внеочередного общего собрания акционеров для решения вопроса о досрочном прекращении полномочий единоличного исполнительного органа общества и об образовании нового единоличного исполнительного органа общества или о передаче полномочий единоличного исполнительного органа общества управляющей организации или управляющему (если образование исполнительных органов осуществляется общим собранием акционеров и право принимать соответствующие решения предусмотрено уставом) (абз. 3 п. 4 ст. 69 Закона «Об акционерных обществах»);

- об образовании временного единоличного исполнительного органа общества и о проведении внеочередного общего собрания акционеров для решения вопроса о досрочном прекращении полномочий единоличного исполнительного органа общества и об образовании нового исполнительного органа общества или о передаче полномочий единоличного исполнительного органа общества управляющей организации или управляющему (если образование исполнительных органов осуществляется общим собранием акционеров и единоличный исполнительный орган общества не может исполнять свои обязанности) (абз. 4 п. 4 ст. 69 Закона «Об акционерных обществах»);
- об определении цены (денежной оценки) имущества при совершении сделки в случае, если количество директоров, не заинтересованных в совершении сделки, составляет менее определенного уставом кворума для проведения заседания совета директоров общества (абз. 5 п. 1 ст. 77 Закона «Об акционерных обществах»);
- о согласии на совершение или о последующем одобрении крупной сделки, предметом которой является имущество, стоимость которого составляет от 25 до 50 процентов балансовой стоимости активов общества (абз. 1 п. 2 ст. 79 Закона «Об акционерных обществах»).

Следует обратить внимание на тот момент, что приведенные нормы содержат исключительно правило, не позволяющее учитывать голоса выбывших членов совета директоров при принятии решения, но оно не содержит запрета на учет выбывшего члена в действующем составе совета директоров при определении кворума заседания, в повестку которого помимо обозначенных шести вопросов, не требующих голосования выбывшего члена, включены иные вопросы компетенции совета директоров. В силу изложенного не можем принять аргументацию о том, что «последствием выбытия конкретного члена из состава совета директоров является ... запрет на учет голоса выбывшего члена совета директоров при определении кворума для проведения заседания совета директоров» [9]. Наиболее убедительной представляется позиция, согласно которой выбывшие члены

совета директоров не влияют на такую величину, как количество поданных голосов, определяемое от числа присутствующих на собрании, но они учитываются при подсчёте присутствующих из числа избранных членов совета, то есть при выявлении кворума для действительности заседания [2].

Полагаем, что выбытие члена из совета не влечет исключение его фигуры из числа действующих членов совета при соотношении с числом явившихся на заседание членов совета для цели определения кворума заседания совета директоров по всем иным вопросам компетенции данного органа акционерного общества. Из данной позиции следует вывод о том, что признание члена совета директоров выбывшим не влечет прекращения членства в совете независимо от объективности причин такого выбытия. Иными словами, статус выбывшего члена совета директоров по объему прав не равнозначен статусу члена совета директоров, чьи полномочия прекращены. В первом случае имеется, как минимум, право учета голоса при определении кворума на каждом заседании совета, независимо от повестки и содержания предлагаемых для голосования вопросов. Во втором – полномочия членов совета директоров прекращаются в полном объеме, за исключением ситуации, урегулированной ст. 66 Закона «Об акционерных обществах», при которой члены совета директоров по истечении срока, на который был избран совет, сохраняют право инициировать годовое общее собрание акционеров.

Основания прекращения членства в совете директоров и основания признания члена совета директоров выбывшим не совпадают, что является дополнительной аргументацией для вывода о несовпадении рассматриваемых статусов. В частности, статус члена совета директоров прекращается в силу одного из двух фактов: истечение периода времени, на который был избран совет, а именно до следующего годового общего собрания акционеров, либо решение общего собрания акционеров о досрочном прекращении полномочий всех членов совета директоров. Независимо от того, функционировал совет весь корпоративный год или прекратил деятельность досрочно по воле высшего органа управления, все члены совета директоров утрачивают данный статус одновременно. Принято считать, что предпосылкой прекращения членства в совете всех лиц является единовременность их избрания единой командой, которая только «синхронно может уйти в отставку» [7, 18, 20]. Полагаем, что причиной совпадения момента утраты полномочий всех членов совета директоров является применение кумулятивного порядка голосования при избрании персонала в данный орган управления. Распределение голосов акционеров между заявленными кандидатами в силу рейтингового подхода исключает избрание одного или нескольких членов совета директоров при сохранении полномочий иных членов действующего состава, в том числе, с целью замены выбывших членов совета директоров. В свою очередь,

это делало бесперспективной возможность досрочного прекращения полномочий одного или нескольких членов совета, которая была предусмотрена статьей 66 Закона «Об акционерных обществах» в редакции Федерального закона № 5-ФЗ от 24.02.2004 [19].

Рассматривая перечень оснований для признания члена совета директоров выбывшим, дадим ретроспективную оценку изменениям круга фактов, с которыми судебная практика связывала возникновение статуса выбывшего члена совета директоров. Обращение к позициям судов объясняется тем, что, как было уже отмечено, Закон «Об акционерных обществах» не содержит перечня таких оснований, и, устраняя данный пробел, суды высшей инстанции не отличались стабильностью позиции. Высший арбитражный суд РФ, а затем Верховный Суд РФ в течение семнадцати лет (с 2001 по 2018 годы) неоднократно меняли подход в части отнесения тех или иных событий и действий к числу оснований для признания члена совета директоров выбывшим.

После законодателя впервые «фигура» выбывшего члена совета директоров была обозначена в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 13.03.2001 № 62 [3]. Помимо умерших лиц к выбывшим были отнесены те члены совета, чьи полномочия прекращены досрочно решением общего собрания акционеров. Аналогичный подход, который условно можно разделить на признание объективной причины невозможности осуществления функций члена совета директоров (смерть физического лица) и субъективной причины в форме воли юридического лица, выраженной решением общего собрания акционеров о прекращении полномочий членов совета, представлен в последующих актах Высшего арбитражного суда РФ, а именно, в Постановлениях Пленумов ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 [14] и от 16.05.2014 № 28 [15]. Указание в данных Пленумах Высшего Арбитражного суда РФ на то, что решение общего собрания акционеров о досрочном прекращении полномочий члена является частным случаем выбытия из совета директоров, о чем свидетельствует словесный оборот «выбывшими, в частности, являются...», послужило поводом для рекомендации, представленной в юридической публицистике, предусматривать иные основания для отнесения члена совета к числу выбывших в уставе или внутреннем положении об органе управления общества [8]. В силу данной предпосылки получила весьма широкое распространение практика указания в уставах и внутренних документах акционерных обществ таких дополнительных оснований для выбытия члена совета, как невозможность осуществлять соответствующие функции по причине тяжелой болезни, продолжительного нахождения за пределами РФ, отбывания уголовного наказания в местах лишения свободы, поступления в общество заявления члена совета директоров о сложении полномочий. И стоит признать, что до 2018 года в судебной практике преобладала

позиция о том, что член совета директоров не может считаться выбывшим по основанию, которое не предусмотрено уставом общества или положением о совете директоров [13]. Однако арбитражные суды при оценке доказательств с целью установления статуса выбывшего члена совета, как правило, при рассмотрении споров о признании недействительными крупных сделок или решений об их одобрении, не оценивали приведенные причины, по которым лицо не реализует полномочия члена совета директоров, в качестве оснований признания его выбывшим. В частности, выход из совета по воле самого члена, выраженной в адресованном обществу заявлении, арбитражные суды до 2018 года не признавали основанием для вывода о выбытии заявителя из совета директоров [5, 17].

Очевидно, что позиция Высшего Арбитражного суда РФ и, как следствие, арбитражных судов нижестоящих инстанций, заключалась в признании статуса выбывшего члена совета исключительно в силу двух фактов: инициатива общества в лице высшего органа управления, а именно, решение общего собрания акционеров, и объективная физическая невозможность исполнения обязанностей члена совета директоров в силу юридического факта смерти. При этом признание физического лица судом умершим (ст. 42 ГК РФ), безвестно отсутствующим (ст. 45 ГК РФ), недееспособным (ст. 29 ГК РФ), ограниченно дееспособным (ст. 30 ГК РФ), каждое из которых влечет прекращение либо ограничение статуса субъекта гражданских правоотношений, тем не менее, до 2018 года не принимались арбитражной практикой в качестве основания признания лица выбывшим из органа управления акционерного общества. Это упущение в определенной мере устранил Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 27 от 26.06.2018 [16], причислив к числу выбывших членов совета директоров умершего, лишенного дееспособности и ограниченного в дееспособности решением суда, но тем не менее, оставив без внимания подтвержденные в судебном порядке юридические факты безвестного отсутствия и объявления лица умершим, что следует оценивать как неоправданный пробел в указанных разъяснениях.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 27 от 26.06.2018 дополнило основания выбытия члена из совета директоров фактом его дисквалификации, под которым понимается лишение лица права занимать определенные должности вследствие привлечения к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 47 Уголовного кодекса РФ, либо запрет занимать руководящие должности в исполнительном органе управления юридического лица, входить в совет директоров, осуществлять предпринимательскую деятельность по управлению юридическим лицом, а также осуществлять предпринимательскую деятельность по управлению юридическим лицом в качестве меры административного наказания,

предусмотренной ст. 3.11 Кодекса об административных правонарушениях РФ. Не углубляясь в дискуссию о возможности применения ст. 47 УК РФ в качестве основания дисквалификации члена совета директоров [1], отметим, что минимальный срок, на который лицо может быть лишено права занимать должности в органах управления юридического лица, составляет шесть месяцев в рамках как уголовной, так и административной ответственности.

Оценивая Постановление Пленума ВС от 26.06.2018 № 27 в части указания на признание дисквалифицированного лица выбывшим из совета директоров, отметим, что соответствующее разъяснение не содержит уточнения момента, с которого данный субъект приобретает статус выбывшего члена совета. Полагаем, Верховный Суд РФ руководствовался очевидностью того, что таким моментом является вступление в законную силу обвинительного приговора суда по уголовному делу либо иного судебного акта о привлечении к административной ответственности [4]. Однако, не для всех участников корпоративных отношений это столь очевидно, поскольку до сих пор во внутренних положениях публичных акционерных обществ имеют место ссылки на включение в реестр дисквалифицированных лиц в качестве основания для признания члена совета директоров выбывшим [10].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 27 предусматривает новое основание для признания члена совета директоров выбывшим, которое ранее не признавалось таковым судебной практикой. Речь идет о проявлении воли члена совета директоров, направленной на отказ от полномочий члена совета директоров посредством уведомления об этом акционерного общества.

Верховный Суд РФ отмечает, что для возникновения статуса выбывшего члена совета директоров необходима совокупность следующих условий:

- 1) факт поступления в общество заявления члена совета директоров в письменной форме,
- 2) в заявлении должен быть выражен однозначный и безусловный отказ от полномочий,
- 3) заявление должно поступить в общество заблаговременно до заседания совета директоров.

Уточнение момента поступления в общество соответствующего заявления представляется не случайным комментарием. Он позволяет сделать вывод о том, речь в нём идет именно о том заседании совета директоров, в повестке которого имеется вопрос из шести вопросов компетенции совета. Поступление в общество такого заявления до заседания совета директоров с иной повесткой дня не будет иметь каких-либо последствий для правомочности заседания и принятых на нём решений, поскольку кворум на таком заседании будет определяться с учетом фигуры выбывшего члена совета директоров.

Полагаем, что отказ от полномочий члена совета директоров влечет возникновение статуса выбывшего члена совета только в том случае, если она не только выражена, но и донесена до совета директоров, то есть заявление должно фактически поступить в общество. Несмотря на то, что в Постановлении Пленума ВС РФ № 27 используется словосочетание «отказ должен быть сделан» вместо более конкретизированной формулировки «отказ должен поступить в общество», следует понимать, что с учетом положений ст. 165.1 ГК РФ в разъяснении Верховного Суда РФ речь идет о факте поступления в общество письменного отказа члена совета директоров от его полномочий.

Обозначенные три условия для возникновения статуса выбывшего члена совета директоров в связи с его отказом от полномочий являются достаточными и исчерпывающими. Они в полной мере позволяют отнести рассматриваемое основание выбытия из совета к числу субъективных, то есть зависящих исключительно от воли конкретного субъекта, а именно, воли самого члена совета директоров. В этой связи требует критичной оценки судебная практика, которая, по нашему мнению, содержит некий порок в понимании порядка и последствий отказа от полномочий члена совета директоров. К примеру, судебные акты по делу № А40–230926/15–158–1938, включая Определение Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии. Решением суда первой инстанции, оставленным в силе судами вышестоящих инстанций, было отказано в удовлетворении требования о признании недействительным решения совета директоров, согласно которому лицо признавалось «избранным членом совета директоров общества, выбывшим из состава совета директоров в связи с непризнанием им легитимности данного совета директоров, письменно неоднократно выраженным нежеланием работать в этом составе совета директоров Общества» [12]. Верховный Суд Российской Федерации при рассмотрении жалобы пришел к выводу о том, что «суды правомерно отказали в удовлетворении заявленных требований о признании недействительным решения совета директоров общества, ... констатировали его законность, подтвержденную впоследствии общим собранием акционеров Общества» [6]. С таким судебским усмотрением сложно согласиться, потому что, во-первых, решение о статусе лица, входящего в совет директоров, не может приниматься на уровне органа управления, членом которого он является, поскольку это вопрос исключительной компетенции того вышестоящего органа, который формирует совет директоров, то есть общего собрания акционеров. Во-вторых, нельзя говорить о решении какого-либо органа управления как условии для изменения объема полномочий члена совета директоров и признании его выбывшим, если такое выбытие происходит по воле самого члена совета директоров.

Как отмечалось выше, если член совета директоров добровольно отказывается от полномочий, то возникновение статуса выбывшего члена совета директоров привязано к моменту поступления в общество его письменного заявления, но не к факту принятия решения общим собранием акционеров по вопросу о признании его выбывшим, поскольку воля этого органа общества, равно как и воля иного органа управления юридического лица, не может изменять или прекращать статус одного члена совета директоров. Такая правовая возможность предусмотрена ст. 66 Закона «Об акционерных обществах» исключительно для прекращения полномочий всех членов совета директоров, когда все лица утрачивают членство без какой-либо перспективы его восстановления в совете директоров данного созыва.

Для статуса выбывшего члена совета есть возможность восстановления всего объема полномочий после того, как отпали основания его выбытия. К примеру, отмена судебного акта о привлечении к уголовной или административной ответственности, предусматривающего дисквалификацию лица в качестве меры наказания; истечение срока, на которое лицо было дисквалифицировано, отмена решения суда о признании лица безвестно отсутствующим, умершим, недееспособным, ограниченным в дееспособности. Эти факты являются основанием для прекращения статуса выбывшего члена совета и восстановления лица в статусе члена совета директоров общества, но при условии, что к моменту их совершения не истек корпоративный год, на который был избран совет директоров, в состав которого входит указанное лицо (очевидно, что такая условная «пластичность» полномочий выбывшего члена совета директоров исключается в случае выбытия из совета в силу факта смерти лица). В этой связи заслуживают положительной оценки внутренние акты акционерных обществ (положения о совете директоров), предусматривающие восстановление прав и обязанностей члена совета директоров с момента прекращения фактов и событий, послуживших основанием для признания его выбывшим [11]. Вывод о возможности восстановления статуса члена совета директоров после признания его выбывшим применим и к такому основанию выбытия, как отказ члена совета директоров от его полномочий в форме письменного заявления. В этой связи представляется последовательным подход, согласно которому при наличии заявления выбывшего по указанному основанию члена совета директоров, содержащего намерение вернуться к выполнению обязанностей члена совета директоров либо отзыв ранее поданного отказа от полномочий, статус такого члена совета директоров восстанавливается в полном объеме полномочий.

Обобщая промежуточные суждения, сделанные при сопоставлении статуса выбывшего члена совета директоров и члена совета, полномочия которого прекращены, приходим к выводу о том, что

данные дефиниции не совпадают по следующим трём критериям.

1. **Основания возникновения статуса** выбывшего члена совета не совпадают с основаниями прекращения членства в совете директоров. Статус члена совета директоров прекращается по закрытому кругу оснований, и таких всего два: истечение корпоративного периода, на который избирался совет в фиксированном составе, и досрочное прекращение полномочий всех членов совета по решению общего собрания акционеров. Воля этого органа управления акционерного общества может повлечь прекращение полномочий всех членов совета, но не одного или нескольких лиц, входящих в его состав. Круг оснований для признания члена совета директоров выбывшим является неопределенным в Законе «Об акционерных обществах», и те основания, которые раскрывает в своих разъяснениях Верховный Суд РФ, сводятся к зависящим от воли самого члена совета директоров (заявление об отказе от полномочий), и не зависящим от нее. Последние, в свою очередь, можно условно разделить на объективные (смерть, признание умершим, лишением дееспособности, ограниченным в дееспособности) и субъективные (дисквалификация по решению суда или иного уполномоченного органа, признание безвестно отсутствующим).

2. По **правовым последствиям** прекращения членства в совете и выбытие из совета директоров также не равнозначны, поскольку в первом случае полномочия прекращаются в полном объеме, за исключением правила, предусмотренного ст. 66 Закона «Об акционерных обществах», а во втором имеются основания говорить не о прекращении, а о сокращении объема полномочий. Такими основаниями являются, во-первых, необходимость учета фигуры выбывшего члена совета директоров для определения кворума всех заседаний совета директоров, во-вторых, обязанность учета голоса такого члена при принятии решений по всем вопросам, за исключением шести вопросов компетенции совета директоров.

3. По **возможности восстановления объема правомочий** утратившего статус члена совета директоров и выбывшего члена совета директоров также нет совпадения: в первом случае полномочия прекращаются в полном объеме без возможности их восстановления, в последнем – имеется юридически оправданная возможность восстановления полного объема полномочий у выбывшего члена совета директоров, за исключением выбытия из совета по факту смерти лица.

Полагаем, что приведенное сопоставление статусов демонстрирует востребованность определения в Законе «Об акционерных обществах» правовых последствий признания члена совета директоров выбывшим и последующего разъяснения на уровне суда высшей инстанции порядка выбытия лица из совета по каждому из перечня оснований, который должен быть закрытым и исключающим противоречивую судебную оценку.

Литература

1. Ангазаров О.В. Наказание по ч. 1 ст. 47 УК РФ необходимо распространять на лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих организациях – Законность. 2011. № 11 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.
2. Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции. Монография. М., 2006. – С. 161.
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.03.2001 № 62 «Обзор практики разрешения споров, связанных с заключением хозяйственными обществами крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // СПС «КонсультантПлюс», 2022.
4. Маковская А.А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ и комментарий законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». – М., 2020 – С. 63.
5. Определение ВАС РФ от 08.04.2009 № ВАС-2253/09 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.
6. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС17–2510 от 13.04.2017 по делу № А40–230926/2015 [Электронный ресурс]: URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 14.03.2022).
7. Осипенко О.В. Актуальные проблемы системного применения инструментов корпоративного управления и акционерного права. М., 2018. – С. 203.
8. Осипенко О.В. Акционерное общество. Корпоративные процедуры. Общее собрание акционеров и совет директоров (книга 1). – М., 2009 – С. 278.
9. Павлова К.П. Порядок прекращения полномочий членов совета директоров (наблюдательного совета) акционерного общества. – Юрист. 2013. № 7 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.
10. Положение о Совете директоров ПАО «АФК Система» [Электронный ресурс]: URL: <https://sistema.ru/about/corpmanage/docs> (дата обращения: 14.03.2022).
11. Положение о Совете директоров ПАО «Северсталь» [Электронный ресурс]: URL: <https://severstal.com/rus/about/corporative/official-documents/> (дата обращения: 14.03.2022).
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.12.2016 по делу № А40–230926/2015 // СПС «Консультант Плюс», 2022.
13. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24.12.2014 № Ф06–18590/2013 по делу № А65–5339/2014; Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 20.05.2015 по делу № А19–16619/2014 // СПС «Консультант Плюс», 2022.
14. Постановление Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // СПС «КонсультантПлюс», 2022.

15. Постановление Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» // СПС «КонсультантПлюс», 2022.
16. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 26.06.2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // СПС «КонсультантПлюс», 2022.
17. Постановление ФАС Московского округа от 29.12.2008 № КГ-А41/10991–08 по делу № А41–6075/08 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.
18. Телюкина М.В. Комментарий к Федеральному закону «Об акционерных обществах» (постатейный). М., 2005. – С. 417.
19. Федеральный закон 24.02.2004 № 5-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах»// Собрание законодательства РФ. 2004. № 11. Ст. 913.
20. Фомина О.Н. Правовое положение предпринимательской корпорации в США и акционерного общества в Российской Федерации: Сравнительно – правовой анализ. М., 2016. – С. 112.

ON THE STATUS OF AN OUTGOING MEMBER OF A JOINT STOCK COMPANY'S BOARD OF DIRECTORS

Kozina E.A.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The paper is exploring the status of an outgoing member of the Board of Directors of a joint-stock company, since the uncertainty of this definition leads to unstable law implementation practice in the field of strategic management of joint-stock companies. The author retrospectively reviews the grounds, procedure, legal consequences of recognizing a member of the Board of Directors as ex-director through the prism of the Supreme Court of Arbitration of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, the arbitration courts of inferior instances, regulations on the management bodies of public joint stock companies. The analysis of court practice shows that the status of the outgoing member of the Board of Directors is identified with the status of the member of the Board of Directors whose powers were terminated on the grounds stipulated by law. Therefore, the paper compares them according to the criteria of occurrence, legal consequences of termination of membership and exit from the Board of Directors, possibility to reestablish the powers of the Board of Directors member. The author concludes that the status of an outgoing member of the Board of Directors and the member of the Board of Directors with terminated powers do not coincide, thereby giving recommendations for legal consequences of recognition of a member of the Board of Directors as outgoing member according to the law.

Keywords: corporate law, joint-stock company, governing body, board of directors, outgoing member of the board of directors, cumulative voting, termination of powers of a member of the board of directors, status of a member of the board of directors, resignation of a member of the board of directors.

References

1. Angazarov O.V. Punishment under Part 1 of Art. 47 of the Criminal Code of the Russian Federation must be extended to persons performing managerial functions in commercial organizations – Legality. 2011. No. 11 // SPS «ConsultantPlus», 2022.
2. Dolinskaya V.V. Joint stock law: main provisions and trends. Monograph. M., 2006. – P. 161.
3. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated March 13, 2001 No. 62 «Overview of the practice of resolving disputes related to the conclusion of large transactions and transactions by business entities in which there is an interest» // SPS «ConsultantPlus», 2022.
4. Makovskaya A.A. Large transactions and interested party transactions: analysis and commentary on the laws «On Joint Stock Companies» and «On Limited Liability Companies». – M., 2020 – S. 63.
5. Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 04/08/2009 No. VAS-2253/09.
6. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES17–2510 dated April 13, 2017 in case No. A40–230926/2015 [Electronic resource]: <https://kad.arbitr.ru> (accessed 03/14/2022).
7. Osipenko O.V. Actual problems of systematic application of corporate governance tools and corporate law. M., 2018. – P. 203.
8. Osipenko O.V. Joint-stock company. corporate procedures. General Meeting of Shareholders and the Board of Directors (book 1). – M., 2009 – S. 278.
9. Pavlova K.P. The procedure for terminating the powers of members of the board of directors (supervisory board) of a joint-stock company. – Lawyer. 2013. No. 7 // SPS «ConsultantPlus», 2022.
10. Regulations on the Board of Directors of PJSC AFK Sistema [Electronic resource]: <https://sistema.ru/about/corpmanage/docs> (accessed 03/14/2022).
11. Regulations on the Board of Directors of PAO Severstal [Electronic resource]: <https://severstal.com/rus/about/corporative/official-documents> (accessed 03/14/2022).
12. Decree of the Arbitration Court of the Moscow District dated December 22, 2016 in case No. A40–230926 / 2015. SPS «ConsultantPlus», 2022.
13. Decree of the Arbitration Court of the Volga District dated December 24, 2014 No. F06–18590/2013 in case No. A65–5339/2014; Resolution of the Fourth Arbitration Court of Appeal dated May 20, 2015 in case No. A19–16619/2014. SPS «ConsultantPlus», 2022.
14. Decree of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated November 18, 2003 No. 19 «On Some Issues of Applying the Federal Law «On Joint-Stock Companies» // SPS «ConsultantPlus», 2022.
15. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of May 16, 2014 No. 28 «On some issues related to contesting major transactions and transactions with interest» // SPS «ConsultantPlus», 2022.
16. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 26, 2018 No. 27 «On contesting major transactions and transactions in which there is an interest» SPS «ConsultantPlus», 2022.
17. Decree of the FAS MO of December 29, 2008 No. KG-A41 / 10991–08 in case No. A41–6075 / 08.
18. Telyukina M.V. Commentary on the Federal Law «On Joint-Stock Companies» (item-by-article). M., 2005. – P. 417.
19. Federal Law 24.02.2004 No. 5-FZ «On Amendments to the Federal Law «On Joint Stock Companies»// Collected Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 11. Art. 913.
20. Fomina O.N. Legal status of an entrepreneurial corporation in the USA and a joint-stock company in the Russian Federation: Comparative legal analysis. M., 2016. – P. 112.

Категория оспоримости в гражданском процессе: на примере сделок с недвижимостью

Мусин Дамир Ильдарович,

аспирант кафедры гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации работы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: Volnov06@mail.ru

В публикации затрагивается тема оспоримости дел с недвижимостью в гражданском процессе. Ежедневно в мире совершаются сотни тысяч сделок – от простой покупки в магазине до заключения международных соглашений.

Увеличение количества и видов сделок, вместе с естественным отсутствием возможности постоянного изменения законодательства, ведут к тому, что институт недействительности сделок постоянно используется недобросовестными контрагентами. Предотвратить подобные действия был призван Федеральный закон от 07.05.2013 г. N 100 – ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и ст. 1153 части третьей ГК РФ, который, как раз уточняет и регламентирует процесс правового проведения сделок. Однако, попытки найти лазейку в законодательстве для недобросовестного выполнения заявленных обязательств одной из сторон ведут к увеличению количества исков в подобных спорных ситуациях.

Предмет исследования составляют нормы гражданского права на основе Гражданского кодекса Российской Федерации.

Постоянные изменения вида совершаемых сделок вызывают попытки найти и выделить проблематику и попытаться описать механизмы, которые помогут уменьшить количество сделок, вызывающих вопросы.

Ключевые слова: гражданское право, гражданское процессуальное право, недвижимость, оспаривание сделок в гражданском процессе, оспоримость.

Для получения точного определения понятия «оспоримая сделка» следует обратиться к статье 166 ГК РФ. Там сказано, что оспоримой является сделка не действительная по основаниям, установленным законом, в силу признания ее таковой судом по иску, заявленному стороной сделки или иным лицом, указанным в законе. Проще говоря, оспоримой можно назвать сделку, которая является недействительной по решению суда, но которая, в силу разных обстоятельств, может стать действительной. Для полного понимания данного понятия стоит выделить основные признаки:

- оспоримой является сделка, если был установлен факт противоречия или несоответствия интересам определенного лица;
- Принимать участие в процессе оспаривания законности сделки могут лица, чьи интересы были нарушены в ходе совершения сделки. Исключением являются сторонние лица, чьи права и интересы также были нарушены в ходе совершения сделки;
- если лицо, имеющее юридическое право оспорить результат сделки, признает или одобряет результат сделки, то в дальнейшем это лицо не имеет возможности участвовать в оспаривании результатов сделки;
- должны быть установлены четкие временные рамки на возможность оспаривания решения суда.
- Должен присутствовать установленный факт деяния, повлекшего за собой нарушение охраняемых законодательством прав и интересов. Из-за обилия случаев в правовой практике встречается большое количество различных по сути оспоримых сделок. Оспоримые сделки, которые могут стать недействительными, принято разделять на несколько основных категорий:
 - сделки, суть которых нарушает нормы законодательства;
 - сделки юридических лиц, в результате которых были оказаны услуги функционально несоответствующие тому, как это закреплено в ст. 173 ГК РФ;
 - сделки, которые были совершены в обход уполномоченного органа или лица или же сделки, которые не были им одобрены, а также сделки, в ходе которых уполномоченное лицо превысило свои полномочия;
 - сделки, которые не были одобрены третьими лицами, но проведение сделки подразумевало их непосредственное или косвенное участие;
 - сделки с участием граждан РФ, которые не достигли возраста совершеннолетия;

- в сделке участвовало лицо, признанное судом ограниченно дееспособным, а также сделки при участии дееспособного лица, которое в ходе совершения сделки не могло управлять и контролировать свои действия или находилось в значительном заблуждении;
- сделки, если будет доказано, что на их непосредственное заключение повлияли действия насильственного или мошеннического характера. В более общем виде оспоримые сделки принято разделять на:

- сделки, которые признаны оспоримой из-за определенной причины, перечисленной выше;
- сделки, которые признаны оспоримыми из-за нарушений одной из характерных черт, например порок воли.

Для того чтоб оспоримая сделка решением суда была признана недействительной, одна из сторон сделки должна предоставить требование о разбирательстве. Также подобное требование может предоставить уполномоченное третье лицо, если это лицо не нарушает законность, как это зафиксировано в п. 2 ст. 166 ГК РФ.

Должен быть соблюден ряд условий, которые прописаны в этой же статье Гражданского кодекса, иначе оспоримую сделку не признают недействительной. Сделка признается недействительно если:

- В ходе заключения и выполнения сделки были нарушены юридически закрепленные права и интересы, а также, если результатом совершения сделки стали неблагоприятные последствия для лица, которое оспаривает результаты сделки и саму сделку;
- Если неправомерные последствия (нарушение прав) от сделки коснулись третьего лица.

У суда нет полномочий самостоятельно оценивать оспоримую сделку как действительную без соответствующих требований. Правом оспорить правовой статус сделки имеют стороны, участвующие в сделке или лица, имеющие на то полномочия согласно закону.

Существует также ряд ограничений на возможность оспорить сделку. Сторона не сможет этого сделать, если:

- своими действиями одна из сторон дала понять, что соглашается на условия сделки и желает ее сохранить, хотя отдавала себе отчет, что есть основания для оспаривания;
- прослеживаются недобросовестные действия одной из сторон, не смотря на то, что сторона апеллирует к недействительности сделки, но ее действия показывают, что сделка действительна;
- одна из сторон сделки приняла на себя обязательства в выполнении определенных услуг, которые в итоге были выполнены недобросовестно, не полностью или вообще не выполнены. Однако, в данном случае стоит учесть исключения, прописанные в статьях 173, 178 и 179.

Важным моментом является соблюдение срока исковой давности, которое для подобных дел установлено и закреплено в ст. 181 ГК РФ. Согласно данной статье срок, в который сторона имеет пра-

во оспорить сделку не должен превышать один год с того момента, как истец узнал об обстоятельствах, по которым сделку можно считать недействительной. Если причиной совершения сделки было насилие или угрозы, то в таком случае год отсчитывается с момента прекращения насильственных действий или поступления угроз.

Согласно законодательству, оспоримой сделка является до тех пор, пока судом она не будет признана недействительной. После решения суда сделку признают недействительной, за редкими исключениями, с момента ее заключения. Этим исключениями являются случаи, когда в силу определенных причин, например нахождения на иждивении, суд может объявить о прекращении ее последствий только на предстоящее время.

Если сделка касалась имущественных вопросов, то судом также решается вопрос о возвращении данного имущества. В ГК РФ есть четко регламентированные способы возврата имущества, полученного в результате проведения сделки, признанной недействительной:

- Стороны должны вернуть друг другу то, что получили от противоположной стороны в ходе сделки (в юридической практике это называется двусторонняя реституция);
- Одна сторона сделки возвращает все второй стороне, а вторая сторона отдает все, что получила в ходе сделки, в пользу государства (односторонняя реституция).

Если одна из сторон сделки не имеет возможности выполнить решение суда по возврату, если это касается имущества, услуг или определенных работ, то возможна компенсация в финансовом эквиваленте. Также есть вероятность того, что блага, полученные в ходе сделки обеими сторонами, будут переданы в счет государства, если будут не выполнены условия, поставленные судом.

Отдельно стоит выделить случаи с финансовыми операциями, такими как заем и разные виды кредитов. Если судом будет установлен факт неправомерности условий заключения сделки, то подобная сделка может быть прекращена на будущее время.

Не смотря на постоянно возникающие прецеденты в современной судебной практике, которые касаются разрешения вопросов, касающихся установления правомерности сделок, стоит отметить, что в ГК РФ достаточно подробно прописаны основные определения по данной тематике. Итак, оспоримая сделка – это сделка, которая является недействительной, но у одной из сторон сделки есть возможность, по которой эта сделка может быть признана действительной в установленном ГК РФ порядке. Категории оспоримых сделок предусмотрены законом, в случае установления категории суд уполномочен определять последствия недействительности сделки.

В случаях с приобретением или получением имущества в ходе проведения сделки, которая признается недействительной, суд рассматривает вопрос о возвращении данного имущества.

В заключении, хотелось бы отметить, что с каждым годом количество рассматриваемых исков в гражданском процессе, о признании сделок недействительными, увеличивается в геометрической прогрессии. Зачастую недобросовестная сторона, в попытках уклониться от исполнения собственных обязательств, подает иски о признании сделок недействительными.

Стоит отметить, что в современных условиях дальнейшее развитие правового института недействительных сделок должно является одной из приоритетных целей в улучшении гражданского законодательства. Следует найти тонкую грань между гибкостью, охватывающей большое количество прецедентов в подобных ситуациях, и упорядоченной единообразной системой практики применения правовых норм.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 03.03.2014. – N 9. – Ст. 851;
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019). – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 02.12.2017);
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс;
4. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС Консультант Плюс;
5. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания). – М.: Бератор-Пресс, 2018. – 65 с.;
6. Игнатов С.Л. Комментарии к подразделу 4 «Сделки. Решения собраний. Представительство». Деловой двор, 2013г// СПС Гарант;
7. Новицкий И.Б. «Сделки. Исковая давность». С изм. И доп. – И.Б. Новицкий – М.: Юрайт, 2016 г. – 209 с.;
8. Садиков О.Н. Гражданское право Российской Федерации. Учебник – О.Н. Садиков. – М.: Инфа-М, 2017–608 с.;
9. Суханова Е.А. Гражданское право: В 4 т. Том 1: Общая часть: Учебник 3-е издание, переработанное и дополненное. / Е.А Суханова. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2016–452 с.;
10. Тузов Д. О., Недопущение реституции и конфискация при недействительности сделок: Теоретический очерк. / Д.О. Тузов. – М.: Статут, 2018. – 112 с.;
11. Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. / Ф.С. Хейфец. – М.: Юрайт, 2016. –164 с.

THE CATEGORY OF CONTESTABILITY IN CIVIL PROCEEDINGS: ON THE EXAMPLE OF REAL ESTATE TRANSACTIONS

Musin D.I.

The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

The publication touches on the topic of the challenge of real estate cases in civil proceedings. Hundreds of thousands of transactions are made every day in the world – from a simple purchase in a store to the conclusion of international agreements.

The increase in the number and types of transactions, together with the natural lack of the possibility of permanent changes in legislation, lead to the fact that the institution of invalidity of transactions is constantly used by unscrupulous counterparties. Federal Law No. 100 – FZ of 07.05.2013 “On Amendments to Subsections 4 and 5 of Section I of Part One and Article 1153 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation, which clarifies and regulates the process of legal transactions, was designed to prevent such actions. However, attempts to find a loophole in the legislation for the unfair fulfillment of the stated obligations of one of the parties lead to an increase in the number of lawsuits in such controversial situations. The subject of the study is the norms of civil law based on the Civil Code of the Russian Federation.

Constant changes in the type of transactions being made cause attempts to find and highlight problems and try to describe mechanisms that will help reduce the number of transactions that raise questions.

Keywords: civil law, civil procedural law, real estate, contesting transactions in civil proceedings, disputability.

References

1. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993, (subject to amendments made by the Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 N 6-FKZ, of December 30, 2008 N 7-FKZ, of February 5, 2014 N 2-FKZ, dated 07/21/2014 N 11-FKZ) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 03.03.2014. – N 9. – Art. 851;
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on March 18, 2019, as amended on July 3, 2019). – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of access: 02.12.2017);
3. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 “On the application by the courts of certain provisions of Section 1 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” // ATP Consultant Plus;
4. Federal Law No. 14-FZ of February 8, 1998 (as amended on April 23, 2018) “On Limited Liability Companies” // SPS Consultant Plus;
5. Gutnikov O.V. Invalid transactions in civil law (theory and practice of challenging). – М.: Berator-Press, 2018. – 65 p.
6. Ignatov S.L. Comments to Subsection 4 “Transactions. Meeting decisions. Representation”. Business Yard, 2013// SPS Garant;
7. Novitsky I.B. “Deals. Limitation of actions”. With rev. And extra. – I.B. Novitsky – М.: Yurayt, 2016–209 p.;
8. Sadiikov O.N. Civil law of the Russian Federation. Textbook – O.N. Sadiikov. – М.: Infa-M, 2017–608 p.;
9. Sukhanova E.A. Civil law: In 4 volumes. Volume 1: General part: Textbook 3rd edition, revised and supplemented. / E.A. Sukhanova. – М.: Moscow State University named after M.V. Lomonosov, 2016–452 p.;
10. Tuzov D. O., Prevention of restitution and confiscation in case of invalidity of transactions: Theoretical essay. / BEFORE. Aces. – М.: Statute, 2018. – 112 p.;
11. Kheifets F.S. Invalidity of transactions under Russian civil law. / F.S. Heifetz. – М.: Yurayt, 2016. –164 p.

Специфика рассмотрения дел об усыновлении российских детей иностранными гражданами в условиях COVID-19

Небесная Елизавета Олеговна,

аспирант, кафедра гражданского процесса, ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: 9631149307@mail.ru

В статье анализируется специфика рассмотрения дел об усыновлении российских детей иностранными гражданами в условиях COVID-19. Рассматриваются понятия трансграничного усыновления и интересов ребёнка, особенности процедуры усыновления российских детей иностранными гражданами и сопряжённые с ней сложности. Приводятся основные международные документы и стандарты, касающиеся вопросов защиты прав и интересов ребёнка, и российская законодательная база трансграничного усыновления. Выявляются проблемы международного усыновления российских детей, связанные как со спецификой российского правового регулирования данного процесса, так и с ограничениями, введёнными в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19. Отмечаются возможности нарушения прав детей при рассмотрении дел об усыновлении, обусловленные чрезмерной сложностью и продолжительностью процедуры международного усыновления российских детей.

Ключевые слова: международное усыновление, дела об усыновлении, российские дети, иностранные граждане, COVID-19.

Введение

Усыновление относится к сфере частного права и затрагивает сложную категорию отношений в семье – между родителями и детьми [1]. В данном контексте институт международного усыновления становится ещё сложнее, поскольку сопряжён с передачей ребёнка, являющегося гражданином одного государства, родителям, живущим в другом государстве и имеющим с ним правовую связь. Законодатель и правоприменитель в первую очередь исходят из интересов и прав детей, вследствие чего вынуждены крайне осмотрительно подходить к регулированию правоотношений в области международного усыновления, тщательно прорабатывая условия международных договоров, заключаемых в данной сфере.

При трансграничном усыновлении под интересом ребёнка понимается осуществление права на жизнь и воспитание в семье, дающей заботу и эмоциональную поддержку и способной создать благоприятные условия для воспитания и всестороннего развития [2]. В российской практике ребёнок помещается в иностранную семью только в случае, если в стране происхождения не нашлось семьи, способной обеспечить его воспитание и надлежащий уход. Дополнительным фактором сложности для иностранцев, желающих усыновить российского ребёнка, стала пандемия COVID-19, в целях борьбы с которой был изменён порядок въезда иностранных граждан в Россию в сторону временного ограничения движения через границу государства [3]. Ограничения, введённые в условиях пандемии, заметно отразились на институте международного усыновления, что делает актуальным исследование его положения в этот период.

Целью работы является изучение специфики рассмотрения дел об усыновлении российских детей иностранными гражданами в условиях COVID-19. Для её достижения были использованы методы анализа и синтеза научных публикаций и литературных источников по рассматриваемой теме.

Особенности усыновления российских детей иностранными гражданами

Под международным усыновлением понимаются случаи усыновления детей, которые являются гражданами одного государства, лицами, имеющими гражданство другого государства [4]. В современном мире отсутствует единая политика и единый подход к вопросу международного усыновления,

что сопряжено с оценкой данного явления с позиции не только права, но и социально-демографического явления, философской и морально-этической категории. Существующие стандарты прав ребёнка допускают трансграничное усыновление в случае, когда устройство ребёнка в семью в стране происхождения не представляется возможным.

Международное сообщество, признавая значимость данного института с учётом его общечеловеческого значения, разности подходов в его законодательном регулировании на уровне отдельных государств и широкой распространённости вынужденной детской миграции, разработало и утвердило обширный перечень документов, непосредственно или косвенно затрагивающих вопросы международного усыновления. К числу основных документов, касающихся вопросов защиты прав ребёнка, относятся:

1. Конвенция о правах ребёнка 1989 г. [5]. Её ст. 21 прямо посвящена вопросам усыновления.
2. Гаагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в сфере иностранного усыновления 1993 г. [6].
3. Европейская конвенция об усыновлении детей 2008 г. [7].
4. Декларация о социальных и правовых принципах в сфере защиты и благополучия детей, в особенности при передаче детей на воспитание и в случае их усыновления на национальном и международном уровнях 1986 г. [8].

Несмотря на то, что Россия не ратифицировала часть международных договоров, в её законодательстве для упорядочения процедуры международного усыновления осуществляется работа по разработке и заключению двусторонних соглашений с государствами, чьи граждане чаще всего усыновляют российских детей. Подобные договоры о сотрудничестве заключены с Италией, Францией и Испанией.

Основные положения, устанавливающие для иностранных граждан возможность усыновления детей из России, изложены в ст. 165 Семейного кодекса РФ (СК РФ) [9]. Её ключевая идея базируется на приоритете прав и интересов ребёнка, поэтому в случае их нарушения усыновление не может быть произведено, а при завершённости этого процесса следует отмена усыновления в судебном порядке [10]. В случае трансграничного усыновления ребёнка, проживающего за пределами России, процедура признаётся действительной только при условии, что было получено предварительное разрешение от органа исполнительной власти, функционирующего на территории субъекта РФ, где ребёнок либо его родители проживали до выезда за границу.

Ключевой задачей государства является контроль за соблюдением прав и законных интересов детей, являющихся его гражданами [11]. Однако в силу того, что юрисдикция России заканчивается на её границе, российские органы опеки и попечительства имеют мало возможностей для контро-

ля жизни и воспитания детей, усыновлённых иностранцами за рубежом. При этом после успешного завершения процесса усыновления российская юрисдикция в отношении ребёнка не прекращается: в трёхмесячный срок с момента въезда усыновителей в государство проживания они обязаны поставить ребёнка на учёт в консульском учреждении либо российском консульском отделе посольства, в котором он будет числиться до достижения совершеннолетия. Если же усыновители переезжают, на них возлагается обязанность по информированию о данном факте прежнего консульского учреждения и постановке ребёнка на учёт в новом.

При рассмотрении дел об усыновлении российских детей иностранными гражданами суд руководствуется нормами ст. 273 Гражданского процессуального кодекса РФ, в соответствии с которой при рассмотрении дела об усыновлении должны присутствовать усыновители, прокурор, представители органа опеки и попечительства и сам ребёнок, достигший четырнадцатилетнего возраста [12]. Ст. 57 СК РФ устанавливает, что каждый ребёнок имеет право на выражение своего мнения при решении любого вопроса, касающегося его интересов, что включает и право быть выслушанным в суде. На практике судьи, действуя в интересах детей, выясняют их мнение во всех случаях при достижении ими десятилетнего возраста. Также увеличивается количество прецедентов, когда в судебном заседании было заслушано мнение детей младше десяти лет [13]. Такая ситуация возможна благодаря рассмотрению не только возраста, но и зрелости ребёнка, уровня его умственного и психического развития.

Проблемы международного усыновления в условиях COVID-19

Согласно статистике, за последнее десятилетие наблюдается существенное сокращение числа рассматриваемых дел о международном усыновлении. Так, в 2019 г. было рассмотрено 203 дела о международном усыновлении, что на 20, 7% меньше по сравнению с 2018 г. (256 дел) и на 53,1% меньше, чем в 2016 г. (433 дела) [14]. В 2020 г. количество дел данной категории уменьшилось ещё сильнее – на 79% по сравнению с 2019 г. – и составило всего 42 дела [15]. При этом подавляющее большинство дел рассматривается с удовлетворением требования.

Согласно пояснению Верховного Суда, наблюдаемое в 2020 г. снижение количества дел о трансграничном усыновлении было в значительной степени обусловлено распространением на территории России новой коронавирусной инфекции и принятием соответствующих мер по противодействию её распространению, включая и прекращение с марта 2020 г. международного авиасообщения. Однако пандемия COVID-19 во многом стала не причиной приостановки рассмотрения дел о международном усыновлении, а только предло-

гом для продолжения уже выстроенной государственной политики в данной сфере [16].

Важным этапом процедуры трансграничного усыновления является личное знакомство усыновителей с ребёнком и установление с ним контакта, а также прохождение психолого-педагогической и правовой подготовки в предусмотренном п. 6 ст. 127 СК РФ порядке [17]. Российские суды с большим вниманием подходят к отбору и оценке иностранных граждан, что обусловлено значительным количеством случаев жестокого обращения с детьми, вывезенными за рубеж. Подобное внимание весьма оправдано, однако в ситуациях, когда у иностранных граждан и ребёнка устанавливается прочная эмоциональная связь, оно может негативно сказаться на психическом здоровье последнего. В условиях пандемии, когда уже установившие контакт с ребёнком усыновители не имели возможности приехать в Россию и в лучшем случае могли поддерживать общение по видеосвязи, дети испытывали дополнительный стресс [18]. С учётом же частого наличия у детей, усыновляемых иностранными гражданами, серьёзных заболеваний, актуальным становится вопрос о действительном соблюдении прав и интересов ребёнка.

Процедура международного усыновления крайне сложна на каждом из её этапов: при сборе и подаче необходимого пакета документов, проверке и подготовке иностранных усыновителей к принятию ребёнка в семью и при защите прав и интересов ребёнка после его вывоза за границу [19]. В то же время чрезмерная строгость института международного усыновления также приводит к нарушению прав ребёнка на жизнь и воспитание в семье, на знание своих родителей, на получение их заботы и на совместное с ними проживание [20]. В связи с этим часто практикуемое в период пандемии отложение судебного заседания об усыновлении вследствие невозможности въезда усыновителей на территорию России и дальнейшее оставление заявления без рассмотрения по существу представляется сомнительным и требует более гибкого и взвешенного подхода к соблюдению интересов ребёнка.

Заключение

Распространение новой коронавирусной инфекции оказало существенное влияние на российскую практику в делах международного усыновления. В силу стагнации всех процессов на фоне ухудшающейся эпидемиологической обстановки и ограничений международного сообщения между государствами для иностранных граждан значительно усложнился процесс усыновления российских детей. Несмотря на готовность иностранных граждан выполнять все необходимые для завершения процедуры действия, российские суды в период пандемии часто инициировали отложение судебного заседания об усыновлении по причине невозможности въезда заявителя на территорию России, в дальнейшем оставляя

заявления без рассмотрения по существу. Наиболее уязвимой стороной в этой ситуации становятся дети, для психического здоровья которых крайне важно, чтобы временной промежуток между знакомством с будущими родителями и реальным попаданием в семью был минимальным. Кроме того, значительная часть российских детей, усыновляемых иностранными гражданами, имеет тяжёлые патологии и задержки развития, что повышает важность ускорения процесса усыновления. Поскольку забота о ребёнке является приоритетом института усыновления, в практику российских судов важно вводить дистанционные технологии, способствующие сокращению продолжительности процедуры усыновления.

Литература

1. Ткачук Ю.А. Проблемы коллизионного регулирования международного усыновления // *Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн.* – 2020. – № 11(75). – С. 12–14.
2. Калмыкова П.С., Варенникова В.А., Кадырова Л.Ф. Основы усыновления детей иностранными гражданами по законодательству Российской Федерации // *Интерактивная наука.* – 2021. – № 5 (60). – С. 105–107.
3. Распоряжение Правительства РФ от 27.03.2020 N 763-р (ред. от 29.03.2022) «О временном ограничении движения через автомобильные, железнодорожные, пешеходные, речные и смешанные пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, а также через сухопутный участок российско-белорусской государственной границы» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348748/ (дата обращения: 06.04.2022).
4. Алешукина С.А. Международное усыновление: социально-правовой аспект // *Социально-правовые аспекты трансформации института современной семьи в контексте реализации государственной семейной политики: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвящённой 25-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации / под общ. ред. О.Ю. Ильиной.* – 2020. – С. 7–15.
5. Конвенция о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 06.04.2022).
6. Конвенция о защите детей и сотрудничестве в области межгосударственного усыновления (Гаага, 29 мая 1993 г.) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. – URL: <https://base.garant.ru/2556181/> (дата обращения: 06.04.2022).
7. Европейская конвенция об усыновлении детей (пересмотренная) ETS N 202 (Страсбург,

- 27 ноября 2008 г.) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. – <https://base.garant.ru/70313260/> (дата обращения: 06.04.2022).
8. Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях (Принята резолюцией 41/95 Генеральной Ассамблеи ООН от 3 декабря 1986 года) [Электронный ресурс] // АО «Кодекс». – <https://docs.cntd.ru/document/1902307?section=text> (дата обращения: 06.04.2022).
 9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 06.04.2022).
 10. Аграшева О.Е. Особенности усыновления (удочерения) российских детей иностранными гражданами // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 9. – С. 181–191.
 11. Тамонина Н.С. Проблемы правового регулирования опеки и попечительства при усыновлении иностранцами // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 2–2 (41). – С. 190–193.
 12. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 10.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 06.04.2022).
 13. Иванова А.А., Мелешко Я.С. Проблемы правового регулирования усыновления (удочерения) несовершеннолетних граждан РФ иностранными гражданами // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – 2021. – № 12 (63). – 10 с.
 14. «Обзор практики рассмотрения в 2019 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356731/ (дата обращения: 06.04.2022).
 15. «Обзор практики рассмотрения в 2020 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 02.06.2021) [Электронный ресурс] // Законы, кодексы, нормативные и судебные акты. – URL: <https://legalacts.ru/sud/obzor-praktiki-rassmotreniia-v-2020-godu-oblastnymi-i-ravnymi-im-sudami-del-ob-usynovlenii-detei-inostrannymi-grazhdanami-ili-licami-bez-grazhdanstva-ili-licami-bez-grazhdanstva-a-takzhe-grazhdanami-rossiyskoy-federatsii-pостоянно-prozhivayushimi-za-predelami-territorii-rossiyskoy-federatsii/>
 16. Кулимбетова Е.Д., Юсупова А.Ф. Усыновление детей иностранными гражданами на примере «Закона Димы Яковлева» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. № 12–4 (63). – С. 86–90.
 17. Абдрахманова Д.И., Брежнев И.Д., Галютдинова Л.Ю. К вопросу о некоторых особенностях усыновления российских детей иностранными гражданами // Научные междисциплинарные исследования. – 2020. – № 8–2. – С. 52–63.
 18. Горковская М. Забытые системой: усыновить российских сирот в эпоху COVID-19 [Электронный ресурс] // euronews. – 2020. – URL: <https://ru.euronews.com/2020/11/12/web-russia-coronavirus-adoption> (дата обращения: 06.04.2022).
 19. Сбитнев В.С. Актуальные проблемы в сфере трансграничного усыновления // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 14. – С. 319–332.
 20. Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка. – М., 2020. – 190 с.

THE SPECIFICITY OF CONSIDERATION OF CASES ON THE ADOPTION OF RUSSIAN CHILDREN BY FOREIGN CITIZENS UNDER THE CONDITIONS OF COVID-19

Nebesnaya E.O.
Saratov State Law Academy

The article analyzes the specifics of the consideration of cases on the adoption of Russian children by foreign citizens in the context of COVID-19. The concepts of cross-border adoption and the interests of the child, the features of the procedure for the adoption of Russian children by foreign citizens and the difficulties associated with it are considered. The main international documents and standards relating to the protection of the rights and interests of the child, and the Russian legal framework for cross-border adoption are given. The problems of international adoption of Russian children are identified, related both to the specifics of the Russian legal regulation of this process, and to the restrictions imposed in connection with the spread of the coronavirus infection COVID-19. The possibility of violation of the rights of children in the consideration of cases of adoption, due to the excessive complexity and length of the procedure for the international adoption of Russian children, is noted.

Keywords: international adoption, adoption cases, Russian children, foreign citizens, COVID-19.

References

1. Tkachuk Yu.A. Problems of conflict regulation of international adoption // *Universum: economics and jurisprudence: electronic magazine* – 2020. – No. 11(75). – S. 12–14.
2. Kalmykova P.S., Varennikova V.A., Kadyrova L.F. Fundamentals of the adoption of children by foreign citizens under the laws of the Russian Federation // *Interactive Science*. – 2021. – No. 5 (60). – S. 105–107.
3. Order of the Government of the Russian Federation of March 27, 2020 N 763-r (as amended on March 29, 2022) "On the temporary restriction of traffic through automobile, rail, pedestrian, river and mixed checkpoints across the state border of the Russian Federation, as well as through the land section of the Russian-Belarusian State Border" [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348748/ (date of access: 04/06/2022).
4. Aleshukina S.A. International adoption: social and legal aspect // *Socio-legal aspects of the transformation of the institution of the modern family in the context of the implementation of state family policy: a collection of articles based on the materials*

- of the international scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of the adoption of the Family Code of the Russian Federation / ed. ed. O. Yu. Ilyina. – 2020. – P. 7–15.
5. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on November 20, 1989) (entered into force for the USSR on September 15, 1990) [Electronic resource] // ATP Consultant Plus. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (date of access: 04/06/2022).
 6. Convention on the Protection of Children and Cooperation in the Field of Interstate Adoption (The Hague, May 29, 1993) [Electronic resource] // GARANT.RU. – URL: <https://base.garant.ru/2556181/> (date of access: 04/06/2022).
 7. European Convention on the Adoption of Children (revised) ETS N 202 (Strasbourg, November 27, 2008) [Electronic resource] // GARANT.RU. – <https://base.garant.ru/70313260/> (date of access: 04/06/2022).
 8. Declaration on social and legal principles relating to the protection and well-being of children, especially when placing children in foster care and adoption at the national and international levels (Adopted by resolution 41/95 of the UN General Assembly of December 3, 1986) [Electronic resource] // JSC “Kodeks”. – <https://docs.cntd.ru/document/1902307?section=text> (date of access: 04/06/2022).
 9. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 N 223-FZ (as amended on July 2, 2021) [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (date of access: 04/06/2022).
 10. Agrasheva O.E. Peculiarities of adoption (adoption) of Russian children by foreign citizens // Issues of Russian justice. – 2020. – No. 9. – P. 181–191.
 11. Tamonina N.S. Problems of legal regulation of guardianship and guardianship in the case of adoption by foreigners // International Journal of the Humanities and Natural Sciences. – 2020. – No. 2–2 (41). – S. 190–193.
 12. Code of Civil Procedure of the Russian Federation No. 138-FZ dated November 14, 2002 (as amended on December 30, 2021, as amended on March 10, 2022) (as amended and supplemented, effective from February 1, 2022) [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (date of access: 04/06/2022).
 13. Ivanova A.A., Meleshko Ya.S. Problems of legal regulation of adoption (adoption) of minor citizens of the Russian Federation by foreign citizens // Scientific and practical electronic journal Alley of Science. – 2021. – No. 12 (63). – 10 s.
 14. “Review of the practice of consideration in 2019 by regional and equal courts of cases on the adoption of children by foreign citizens or stateless persons, as well as citizens of the Russian Federation permanently residing outside the territory of the Russian Federation” (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 08.07.2020) [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356731/ (date of access: 04/06/2022).
 15. “Review of the practice of consideration in 2020 by regional and equal courts of cases on the adoption of children by foreign citizens or stateless persons, as well as citizens of the Russian Federation permanently residing outside the territory of the Russian Federation” (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 02.06.2021) [Electronic resource] // Laws, codes, normative and judicial acts. – URL: <https://legalacts.ru/sud/obzor-praktiki-rassmotreniia-v-2020-godu-oblastnymi-i-ravnymi-im-sudami-del-ob-usynovlenii-detei-inostrannymi-grazhdanami-ili/> (date of access: 04/06/2022).
 16. Kulimbetova E.D., Yusupova A.F. Adoption of children by foreign citizens on the example of “Dima Yakovlev’s Law” // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2021. No. 12–4 (63). – S. 86–90.
 17. Abdrakhmanova D.I., Brezhnev I.D., Galyautdinova L. Yu. To the question of some features of the adoption of Russian children by foreign citizens // Scientific interdisciplinary research. – 2020. – No. 8–2. – S. 52–63.
 18. Gorkovskaya M. Forgotten by the system: adopting Russian orphans in the era of COVID-19 [Electronic resource] // euronews. – 2020. – URL: <https://ru.euronews.com/2020/11/12/web-russia-coronavirus-adoption> (date of access: 04/06/2022).
 19. Sbitnev V.S. Actual problems in the field of cross-border adoption // Issues of Russian justice. – 2021. – No. 14. – P. 319–332.
 20. Annual report on the activities of the Commissioner under the President of the Russian Federation for the rights of the child. – M., 2020. – 190 p.

Правовое регулирование возмещения вреда по договору морской перевозки груза в российском и международном праве

Цмай Василий Васильевич,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой юридического факультета, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения»
E-mail: kaf95@guap.ru

Пискун Лидия Павловна,

аспирант кафедры государственного и международного права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный морской технический университет»
E-mail: lidia2442@yandex.ru

В рамках настоящей статьи авторами предпринята попытка провести сравнительное исследование правового регулирования возмещения ущерба, возникающего в процессе морской перевозки груза, исходя из имеющихся подходов, представленных такими международно-правовыми актами как Гаагские правила, Гамбургские правила и Роттердамские правила для использования полученных выводов в целях совершенствования российского морского законодательства в части возмещения ущерба за нарушение условий договора морской перевозки грузов. Кроме того, исследованы некоторые положения перечисленных международно-правовых актов, касающиеся определения того, что есть процесс морской перевозки грузов, каков основной принцип возмещения вреда, возникшего в результате морской перевозки грузов, влияние указанных международно-правовых актов на действующий Кодекс торгового мореплавания РФ, а также пределы ответственности перевозчика.

Ключевые слова: Гаагско-Висбийские правила, Гамбургские правила, Роттердамские правила, груз, договор морской перевозки груза, ответственность перевозчика.

Закрепленное в Гражданском Кодексе РФ определения следует, что законодатель понимает под *договором перевозки груза* договор, в соответствии с которым одна сторона – перевозчик обязуется доставить вверенный ей отправителем груз в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу (грузополучателю), а вторая сторона – отправитель груза обязуется уплатить за перевозку установленную плату[5].

Вышеприведенное определение позволяет выявить *основные характеристики* договора перевозки груза, а именно: возмездность, поскольку перевозчик получает установленную плату за доставку груза; взаимность, так как указанный договор порождает у всех участников процесса перевозки грузов взаимные обязанности в отношении друг друга; а также реальность ввиду того, что договор считается заключённым с момента принятия перевозчиком оговорённого груза.

Дефиниция того, что есть договор морской перевозки груза изложено в пункте 1 статьи 115 Кодекса торгового мореплавания РФ: по договору морской перевозки груза перевозчик обязуется доставить груз, который ему передал или передаст отправитель, в порт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу (далее – получатель), отправитель или фрахтователь обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату (фрахт)[6].

Действующий Кодекс торгового мореплавания РФ во многом воспроизвел положения международно-правовых актов, регламентирующих морскую перевозку груза, речь о которых пойдёт далее.

Данный кодифицированный акт по смыслу статьи 166 указывает на три основных способа причинения вреда морским перевозчиком: утрата груза, повреждение принятого груза, а также просрочка его доставки (несоблюдение сроков перевозки)[6].

Под возмещением ущерба следует понимать компенсацию имущественного ущерба, возникшего в случае причинения вреда.

Таким образом, под *международно-правовым регулированием возмещения ущерба за нарушение условий договора перевозки груза морем* следует понимать совокупность международно-правовых норм, регламентирующих ответственность морского перевозчика за понесённые грузовладельцем убытки, возникшие в процессе морской перевозки груза, её пределы, а также порядок предъявления к нему требований, касающихся их возмещения.

Основу международно-правового регулирования возмещения ущерба в случае нарушения условий договора морской перевозки груза составляют такие международно-правовые документы как Гагско-Висбийские правила 1924 г. и Гамбургские правила 1978 г. Именно эти международные конвенции закрепили и развили положения о возмещении ущерба в процессе морской перевозки грузов.

Помимо этих двух указанных конвенций существуют также некоторые другие разработанные мировым сообществом документы в области регулирования процесса перевозки груза морем, например, менее популярные и относительно недавние Роттердамские правила 2008 г., Конвенцию по облегчению международного морского судоходства 1965 г., которая содержит небольшое количество положений о возмещении ущерба, а также некоторые иные акты регионального значения.

Более подробно рассмотрим положения перечисленных международно-правовых актов, а также проведём их сравнительно-правовой анализ в части ответственности перевозчика и порядка предъявления к нему требований с целью дальнейшего возмещения им ущерба.

1921 год ознаменовался проведением сессии Ассоциации международного права (англ. International Law Association.) в Гааге, которая состоялась во многом благодаря Великобритании, которая издавна считается крупной морской державой.

Результатом детального обсуждения участников сессии становятся Гагские правила 1924 г. (англ. the Hague Rules), известные также как Международная конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте (англ. International Convention for the Unification of Certain Rules of Law Relating to Bills of Lading.). Данная Конвенция была принята под эгидой Международной торговой палаты (англ. International Chamber of Commerce (ICC) в 1924 г., однако вступила в силу в 1931 г.

Позднее, в 1968 году в результате внесения некоторых правок, введенных дополнительным Протоколом, данный международно-правовой акт стал именоваться Гагско-Висбийские правила (англ. the Hague – Visby Rules) (Правила Гаага-Висби).

Примечательно, что именно Гагско-Висбийские правила содержат определение процесса перевозки грузов (пункт «е» статьи 1), который представляет собой временной период с момента погрузки грузов на борт судна до их выгрузки с судна[1].

Кроме того, пункт «b» статьи 1 Гагско-Висбийских правил содержит одно из первых определений договора морской перевозки: «Договор перевозки» применяется исключительно к договору перевозки, удостоверенному коносаментом или любым подобным ему документом, являющимся основанием для морской перевозки грузов; он применяется также к коносаменту или подобному ему документу, выданному на основании чартера, с того момента, когда такой коноса-

мент или документ регулирует отношения между перевозчиком и держателем этого коносамента или документа[1].

В качестве основного принципа ответственности перевозчика был выбран *принцип презумпции виновности перевозчика*, который по своему правовому смыслу толкует все неустрашимые противоречия, возникающие в процессе возмещения убытков, в пользу грузовладельца.

Несмотря на это, Гагско-Висбийские правила впервые сформулировали и закрепили положения, исключаящие ответственность перевозчика. Эти обстоятельства представлены в виде «закрытого» перечня в пункте 2 статьи 4 правил (действия, небрежность или упущения капитана, члена экипажа, лоцмана или служащих перевозчика в судовождении или управлении судном; пожар; непреодолимая сила и т.д.[1]).

Первоначально пределы ответственности перевозчика устанавливались при помощи такой единицы расчётов как франки Пуанкаре (65,5 мг золота 900 пробы):

- 10 000 франков Пуанкаре за место (единицу) груза;
- 30 франков Пуанкаре за один килограмм брутто (вес груза вместе с упаковкой) повреждённого (утраченного) груза.

Протокол 1979 года к Гагско-Висбийским правилам изменил единицу расчётов на специальные права заимствования (англ. Special Drawing Rights (SDR)), представляющие собой международный резервный актив.

Данное нововведение установило следующие пределы ответственности перевозчика:

- 666,67 SDR за место (единицу) груза;
- 2 SDR за один килограмм брутто повреждённого (утраченного) груза.

SDR с тех пор начали применяться для расчётов между государствами-членами Международного валютного фонда (англ. International Monetary Fund (IMF)). Для государств, таковыми не являющимися, по-прежнему использовались франки Пуанкаре.

На сегодняшний день участниками Гагско-Висбийских правил являются более 80 государств, в числе которых такие государства как Австралийский Союз, Королевство Бельгия, Венгрия, Королевство Дания, Республика Италия, Республика Кипр, Российская Федерация, Япония.

Другим ключевым международно-правовым документом, который регулирует отношения, возникающие в процессе осуществления морской перевозки грузов, является Конвенция ООН о морской перевозке грузов – Гамбургские правила 1978 г. (англ. the Hamburg Rules)[2]. Правила вступили в действие в 1992 году, сразу же после того, как необходимое количество государств, равное 20, ратифицировало их.

Отметим, что за основу Гамбургских правил были взяты Гагско-Висбийские правила, однако они не смогли стать правовым «инструментом» Международного сообщества, позволяющим

упростить и унифицировать морскую перевозку грузов. В частности, это подтверждается относительно небольшим количеством государств, подписавшим и ратифицировавшим их (чуть более 30), из которых ни одно не является крупной морской державой.

Так, например, такие крупные судоходные государства как Бразилия, США и ФРГ подписали данную Конвенцию, однако не ратифицировали её, даже при условии того, что Гамбургские правила, в отличие от Гаагско-Висбийских, «охватывают» также перевозку животных, грузов на палубе и перевозку опасных грузов[2], а следовательно, имеют более «широкую» сферу применения.

В отличие от Гаагских правил, Гамбургские правила не содержат чёткого сформулированного понятия «перевозка грузов», однако подробно определяя в пункте 6 статьи 1, что такое «договор морской перевозки», а именно: любой договор, в соответствии с которым перевозчик за уплату фрахта обязуется перевезти груз морем из одного порта в другой; однако договор, охватывающий перевозку морем, а также перевозку каким-либо иным способом, рассматривается как договор морской перевозки для целей настоящей Конвенции лишь в той степени, в какой он относится к перевозке морем[2].

Гамбургские правила аналогичным образом, что и Гаагские правила, обозначили принцип презумпции виновности перевозчика, а также установили пределы ответственности перевозчика и во франках Пуанкаре, и в SDR, несколько расширив их по сравнению с Гаагскими правилами.

При этом необходимо отметить, что Гамбургские правила сохранили принцип презумпции виновности перевозчика в общем виде, используя формулировку «разумно требоваться» применительно к перевозчику и его служащим в части требуемых от них мер (статья 5)[2], в то время как Гаагско-Висбийские правила представили данный принцип в виде закрытого перечня обстоятельств, исключающих ответственность перевозчика, как это было отмечено ранее.

Гамбургскими правилами обозначены следующие пределы ответственности перевозчика:

- 12500 франков Пуанкаре (835 SDR) за место (единицу) груза;
- 37,5 франков Пуанкаре (2,5 SDR) за один килограмм брутто повреждённого (утраченного) груза.

SDR аналогичным образом, что и в Гаагско-Висбийских правилах применяются для расчётов между государствами-членами Международного валютного фонда; для государств, таковыми не являющимися, используются франки Пуанкаре.

Конвенция по облегчению международного морского судоходства 1965 г. (англ. Convention on Facilitation of International Maritime Traffic (FAL-65), разработанная силами Международной морской организацией (англ. International Maritime Organization (IMO)) не даёт определения морской перевозки груза из-за сферы правового регулирования, кото-

рая сосредоточена на мерах по облегчению международного морского судоходства и упрощении оформления портовых формальностей, при этом в данной Конвенции неоднократно используется сам термин «договор морской перевозки груза».

Нельзя не отметить Конвенцию ООН о договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов (англ. United Nations Convention on Contracts for the International Carriage of Goods Wholly or Partly by Sea)[4], которая известна также под названием Роттердамские правила.

Указанная Конвенция была принята под руководством Генеральной Ассамблеи ООН в 2008 году.

Обязательным условием вступления данной Конвенции в силу является её ратификация не менее чем 20 иностранными государствами, что прямо закреплено в её тексте[4].

Заметим, что в случае присоединения к Роттердамским правилам, государство будет обязано денонсировать другие Конвенции в области морской перевозки грузов, участницей которых оно является[4].

На сегодняшний день 26 государств уже подписали Роттердамские правила. В их числе Греция, Дания, Нидерланды, Норвегия, США, Франция, Швеция. Однако только 5 государств ратифицировали их (Бенин, Испания, Камерун, Конго и Того) [7].

Цель Роттердамских правил состоит в создании современных международных правил единого стандарта, которые предоставили бы правовую определенность существующей торговой практике между государствами.

Роттердамские правила, так же, как и Гаагские, Гаагско-Висбийские и Гамбургские правила, направлены на защиту прав и интересов в первую очередь грузоперевозчика от потенциально невыгодных ему условий договора морской перевозки.

Роттердамские правила представили понятие перевозки при помощи двух отдельных определений: «линейная» и «нелинейная» перевозка. При этом, так как Роттердамские правила регулируют также наземную составляющую перевозок, они содержат новеллу в виде понятия «перевозка до или после морской перевозки» [4] (статья 26).

Согласно пункту 1 статьи 12 Роттердамских правил, период ответственности перевозчика за груз на основании положений этих Правил начинается с момента получения перевозчиком или исполняющей стороной груза для перевозки и заканчивается моментом сдачи груза[4].

Таким образом, положение Гаагско-Висбийских правил, заложивших положение об ответственности перевозчика с момента приема груза на борт, окончательно исчезло в том подходе, который представлен в Роттердамских правилах.

Отметим, что в целях возмещения ущерба данная Конвенция использует исключительно SDR: 875 SDR за место (единицу) груза или же 3 SDR за один килограмм брутто повреждённого (утраченного) груза[4].

Заключение. Подведя итог, следует отметить, что в вопросах правового регулирования возмещения ущерба за нарушение условий договора морской перевозки груза рассмотренные выше морские конвенции несколько устарели.

Гаагско-Висбийские и Гамбургские правила практически никак не затрагивают сферу электронного документооборота не только в вопросах возмещения ущерба, но и в вопросах организации морской перевозки грузов.

Представляется, что современные компьютерные технологии на сегодняшний день развиты в достаточной мере, чтобы обеспечить потребности участников морской перевозки груза в том необходимом для её осуществления объеме электронной документации.

Более современные и соответствующие сложившимся правовой действительности и научно-техническому прогрессу Роттердамские правила нуждаются в адаптации их положений к иным международным конвенциям, затрагивающим перевозку грузов морем.

Литература

1. Международная конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте (Гаагско-Висбийские правила). URL: <http://zakonrus.ru/asmap/convbill.htm>
2. Конвенция ООН о морской перевозке грузов (Гамбургские правила). URL: <https://miripravo.ru/gallery/ltr6-hamburg-rules.pdf>
3. Конвенция по облегчению международного морского судоходства 1965 г.
4. Конвенция ООН о договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов (Роттердамские правила). URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/rotterdam-rules-r.pdf>
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410. (пункт 1 статьи 785).
6. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ. – СЗ РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2207.
7. Статус Конвенции ООН о договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов. URL: https://uncitral.un.org/en/texts/transportgoods/conventions/rotterdam_rules/status

LEGAL REGULATION OF DAMAGE COMPENSATION BY THE CONTRACT OF SEA CARGO IN RUSSIAN AND INTERNATIONAL LAW

Tsmai V.V., Piskun L.P.

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation; St. Petersburg State Maritime Technical University

The article analyses a legal regulation of damage compensation in the process of sea cargo carriage, based on the available approaches presented by such international legal acts as the Hague Rules, the Hamburg Rules and the Rotterdam Rules to use the findings in order of improvement the Russian maritime legislation of damage compensation of the contract of sea cargo carriage violation. In addition, some provisions of these international legal acts concerning the definition of what is the process of sea transportation of cargo, what is the basic principle of damage compensation resulting from the sea transportation of cargo, the impact of these international legal acts on the Code of Merchant Shipping of the Russian Federation, as well as the limits of liability of the carrier.

Keywords: the Hague-Visby Rules, the Hamburg Rules, the Rotterdam Rules, cargo, sea cargo carriage, carrier's liability.

References

1. International Convention on the Unification of Certain Rules on Bills of Lading (Hague-Visby Rules). URL: <http://zakonrus.ru/asmap/convbill.htm>
2. UN Convention on the Carriage of Goods by Sea (Hamburg Rules). URL: <https://miripravo.ru/gallery/ltr6-hamburg-rules.pdf>
3. Convention on the Facilitation of International Maritime Navigation, 1965
4. UN Convention on Contracts for the International Carriage of Goods Wholly or Partly by Sea (Rotterdam Rules). URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media_documents/unc/ru/rotterdam-rules-r.pdf
5. The Civil Code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 No. 14-FZ // The Civil Code of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Article 410. (paragraph 1 of Article 785).
6. Code of Merchant Shipping of the Russian Federation of 30.04.1999 No. 81-FZ. – FZ of the Russian Federation. – 1999. – No. 18. – St. 2207.
7. Status: United Nations Convention on Contracts for the International Carriage of Goods Wholly or Partly by Sea. URL: https://uncitral.un.org/en/texts/transportgoods/conventions/rotterdam_rules/status

Правовая модель обеспечения установления сервитута по требованию арендатора господствующего земельного участка

Рычков Михаил Евгеньевич,

студент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

E-mail: michail-er@mail.ru

В статье исследует вопрос допустимости арендатором господствующего земельного участка, находящегося в частной собственности, требовать установления сервитута в пользу арендованного земельного участка. Исследование проводилось на основе анализа положений гражданского законодательства, а также выработанной судебной практикой правового подхода к указанной проблеме. Также был проведен анализ правовой модели, реализованной законодателем применительно к арендаторам земельного участка, находящегося в публичной собственности. По результатам проведенного исследования был сделан вывод о том, что сложившейся правовой подход не отвечает потребностям гражданско-правового оборота и нуждается в законодательном изменении, была предложена новая правовая модель, позволяющая наиболее быстрым и эффективным путем обеспечить арендатору господствующего земельного участка нормальное владение и пользование арендованным земельным участком.

Ключевые слова: право требовать установления сервитута, арендатор господствующего земельного участка.

I. Лица, имеющие права требовать установления сервитута

В соответствии с пунктом 1 и пунктом 4 статьи 274 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) правом требовать установления сервитута обладают собственники господствующего земельного участка, а также лица, которым земельный участок предоставлен на праве пожизненного наследуемого владения или праве постоянного (бессрочного) пользования.

Анализируя приведенные выше положения законодательства, можно прийти к выводу о том, что законодатель предоставил право требовать установления сервитута лишь тем лицам, чьи права владения и пользования таким земельным участком не ограничены временным промежутком.

Таким образом, становится очевидным, что арендатор господствующего земельного участка не наделен правом требовать установления сервитута в отношении арендованного земельного участка.

Видится, что подобные ограничения обусловлены правовыми последствиями установления сервитута.

В соответствии с пунктом 5 статьи 274 ГК РФ собственник участка, обремененного сервитутом, вправе требовать от лиц, в интересах которых установлен сервитут, соразмерную плату за пользование участком.

В соответствии с пунктом 1 статьи 275 ГК РФ сервитут сохраняется в случае перехода прав на земельный участок, который обременен этим сервитутом, к другому лицу.

Анализируя приведенные выше положения законодательства, можно сделать следующие выводы:

- сервитут обладает свойством следования, в связи с чем порождает правовые последствия как для первоначального правообладателя, так и для последующих;
- ограниченное право пользование чужим земельным участком (сервитут) является платным, в связи с чем правообладатель земельного участка, в пользу которого установлен сервитут, несет издержки, связанные с его установлением.

Таким образом, представляется, что законодатель сознательно не предоставил арендаторам, как временным пользователям земельного участка, права требовать установления сервитута, в связи с тем, что они не будут нести издержки, связанные с установлением сервитута после прекращения арендных отношений.

При этом необходимо отметить, что арендаторы земельного участка не имеют права ни требовать установления сервитута, ни заключать соглашения с другим землепользователем об установлении сервитута в отношении арендованного земельного участка.

Указанного правового подхода придерживается, в том числе и судебная практика. Так, Верховного Суда РФ в своем определении от 15.01.2015 № 308-ЭС14–7676 по делу № А53–22912/2013 указал, что доводы о том, что арендатор земельного участка вправе требовать установления сервитута от собственника или иного лица смежного земельного участка, основаны на неверном толковании положений статьи 274 ГК РФ. Судом указано, что арендатор земельного участка не является обладателем вещного права, в связи с чем не имеет права требовать установления сервитута в пользу арендованного им земельного участка.

II. Правовой подход, выработанный судебной практикой

Выработанный Верховным судом РФ правовой подход, основанный на буквальном толковании положений пункта 1 и 4 статьи 274 ГК РФ, поставил перед участниками гражданско-правового оборота и правоприменительной практикой закономерный вопрос о том, что делать арендатору в случае, если использование земельного участка без установления сервитута является невозможным?

Судебная практика, разрешая указанную проблему, пришла к следующим выводам. Так, Верховный Суд РФ в своем определении от 22.01.2018 № 306-ЭС17–1831 по делу № А55–8502/2016 указал, что арендатор в случае невозможности использования недвижимого имущества по назначению в отсутствие сервитута не лишен возможности разрешения вопроса об установлении сервитута через арендодателя.

Развивая указанную правовую позицию, суды стали отказывать в удовлетворении требований арендаторов об установлении сервитута в пользу арендованного земельного участка, указывая, что арендатор не лишен возможности обратиться с договорным иском к арендодателю.

Так, Арбитражный суд Волго-Вятского округа в своем постановлении от 12.04.2019 № Ф01–1149/2019 по делу № А29–10746/2017 отказал в признании за арендатором земельного участка права ограниченного пользования (сервитута) частью смежного земельного участка, принадлежащего на праве собственности ответчику. Судом указано, **что установление сервитута возможно по иску арендодателя (собственника имущества), который обязан обеспечить арендатору (истцу) беспрепятственное использование предоставленного в аренду имущества (статьи 611 и 612 Гражданского кодекса Российской Федерации).**

Исходя из изложенного, следует, что в случае, если использование земельного участка невоз-

можно без установления сервитута, то надлежащим способом защиты нарушенного права для арендатора такого земельного участка является предъявление договорных требований к арендодателю по правилам главы 34 ГК РФ.

Очевидно, что подобный правовой подход не отвечает сложившимся потребностям гражданско-правового оборота, существенно затрудняет и замедляет достижение арендатором земельного участка желаемого результата (установление сервитута).

III. Сравнительный анализ положений земельного и гражданского законодательства

Нельзя не отметить, что земельное законодательство предоставляет арендатором земельных участков права, соразмерные правам собственника земельного участка (п. 1 ст. 41 ЗК РФ).

Правовое регулирование установления сервитута в отношении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, установлено в главе V.3. Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ).

Пунктом 1 статьи 39.24 ЗК РФ установлено, что в случае, если находящийся в государственной или муниципальной собственности земельный участок предоставлен в постоянное (бессрочное) пользование, пожизненное наследуемое владение, либо в аренду или безвозмездное пользование на срок более чем один год, соглашение об установлении сервитута заключают землепользователь, землевладелец, арендатор земельного участка.

При этом по общему правилу согласие в письменной форме уполномоченного органа на заключение такого соглашения не требуется (п. 1, п. 3 ст. 39.24 ЗК РФ).

В силу пункта 4 статьи 39.24 ЗК РФ арендатор или землепользователь, которому земельный участок предоставлен на праве безвозмездного пользования, вправе заключать соглашение об установлении сервитута на срок, не превышающий срока действия договора аренды земельного участка или договора безвозмездного пользования земельным участком.

Анализируя положения данной статьи, мы видим, что законодателем реализована правовая модель, при которой арендатор служащего земельного участка самостоятельно заключает соглашение об установлении сервитута в отношении такого земельного участка на период действия арендных отношений.

Таким образом, законодатель установил такое правовое регулирование, при котором права арендатора земельного участка в период действия арендных отношений сопоставимы с правами собственника земельного участка.

Подобный правовой подход представляется наиболее разумным и обоснованным, поскольку именно арендатор в период действия арендных отношений является лицом, осуществляющим непосредственное владение и пользование таким земельным участком, в связи с чем именно его

права и интересы затрагиваются установлением каких-либо обременений в отношении такого земельного участка.

Правовой подход, обеспечивающий защиту прав и интересов лица, осуществляющего непосредственное владение и пользование земельным участком, нашел свое отражение и в судебной практике.

Так, Арбитражный суд Северо-Западного округа в своем постановлении от 02.12.2021 № Ф07–15293/2021 по делу № А66–17054/2019 указал, что **ответчики (администрация и третье лицо), заключив соглашение об установлении сервитута в отношении земельного участка, нарушили права истца, как арендатора данного земельного участка, возникшие из ранее заключенного на длительный срок договора аренды.**

В свою очередь права собственника земельного участка, переданного в аренду, не нарушаются, так как любые достигнутые арендатором земельного участка договоренности и заключенные соглашения действительны лишь в период действия арендных отношений.

IV. Динамика

По мере осознания несостоятельности сложившегося правового подхода законодатель, суды и государственные органы постепенно пересматривают свою правовую позицию относительно данной проблемы.

А. Законодательные изменения

Президентом РФ в Государственную Думу РФ был внесен законопроект № 47538–6 о внесении изменений в части первую, вторую и третью ГК РФ, а также отдельные законодательные акты РФ.

В указанном проекте были затронуты, в том числе, положения законодательства, касающиеся установления сервитута.

Так, в соответствии с пунктом 6 статьи 301 проекта сервитут может быть установлен по требованию лица, имеющего ограниченное вещное право, включающее правомочия владения и пользования господствующей или служащей вещью. Такое лицо пользуется всеми правами, а также несет все обязанности, предусмотренные правилами настоящей главы для собственников господствующей или служащей вещи.

Таким образом, арендатор земельного участка в период действия арендных отношений фактически наделяется правами и обязанностями собственника, в том числе, наделяется правом требования установления сервитута.

Подобный правовой подход, практически полностью повторяет правовой подход, отраженный в земельном законодательстве.

Между тем, нерешенным остался вопрос следования сервитута после прекращения арендных отношений, в связи с чем нельзя говорить о том, что был найден баланс между интересами собственника и интересами арендатора земельного участка.

Однако, в соответствии с пунктом 2 статьи 301.5 законопроекта при отпадении обстоятельств, вызвавших необходимость установления сервитута, он может быть прекращен по требованию любого из собственников вещей, связанных сервитутом.

При таких обстоятельствах, собственник земельного участка не лишен возможности после завершения арендных отношений в одностороннем прекратить действие сервитута, что обеспечит в должной мере сохранение статуса «qwo», существовавшего до вступления в арендные отношения.

Б. Изменение практики судов и государственных органов

Арбитражный суд Псковской области в своем решении от 03.11.2021 по делу № А52–2665/2021 рассмотрел иск о признании недействительным соглашения об установлении сервитута, заключенного между арендатором земельного участка и Росимуществом (собственником земельного участка).

Как следует из материалов дела, арендатор господствующего земельного участка обратился в Росимущество с требованием об установлении сервитута с целью обеспечения прохода и проезда к господствующему земельному участку, не имеющему доступа к землям общего пользования.

По результатам рассмотрения поступившего требования Росимуществом и арендатором господствующего земельного участка было заключено соглашение об установлении сервитута, из пункта 1.1. которого прямо следует, что собственником господствующего земельного участка является иное лицо.

При таких обстоятельствах, государственный орган в лице Росимущества прямо допускает возможность заключение соглашения об установлении сервитута с лицом, не являющимся собственником господствующего земельного участка, что свидетельствует об изменении сложившегося правового подхода.

Арбитражный суд Псковской области, отказывая в удовлетворении искового заявления, указал следующее: **«В данном случае сервитут установлен с целью обеспечения доступа общества к земельному участку и объектам недвижимости, которые находятся у него в аренде, что соответствует существу законодательного регулирования, предусмотренного статьей 274 ГК РФ».**

Решение Арбитражного суда Псковской области от 03.11.2021 было оставлено без изменения постановлением Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.03.2022.

Четырнадцатый арбитражный апелляционный суд в своем постановлении сделал следующие выводы: **«Сам по себе факт заключения Управлением соглашения не с собственником земельного участка, а с арендатором, в обеспечение его основных потребностей, не может свидетельствовать о нарушении публичных интересов».**

Таким образом, суды первой и апелляционной инстанции пришли к обоснованному выводу о том,

что заключенное соглашение об установлении сервитута между Росимуществом и арендатором господствующего земельного участка соответствует существу и целям законодательного регулирования, предусмотренного статьей 274 ГК РФ, не может быть признано недействительным лишь по формальным основаниям.

V. Выводы

На основании проведенного анализа положений гражданского и земельного законодательства, оценки сложившейся судебной практики, можно сделать следующие выводы:

1. Наличие формальных ограничений в положениях ГК РФ на установление сервитута по требованию арендатора господствующего земельного участка, находящегося в частной собственности, не отвечает сложившимся потребностям гражданско-правового оборота, в связи с чем нуждается в изменении.

2. Наиболее эффективная и разумная правовая модель должна выстраиваться следующим образом:

- стремление к наиболее быстрой и эффективной защите прав и интересов лица, осуществляющего непосредственное владение и пользование земельным участком, вне зависимости от наличия или отсутствия у лица вещного права в отношении такого земельного участка,
- сохранение существовавшего статуса «qwo» до вступления в арендные отношения.

Таким образом, обоснованным и перспективным представляется правовой подход, согласно которому арендатор господствующего земельного участка имеет право требовать установления сервитута, однако после завершения арендных отношений сервитут прекращается.

Литература

1. Гражданской кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ.
3. Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 16.02.2022).
4. Законопроект № 47538–6 о внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также отдельные законодательные акты Российской Федерации.
5. Тоточенко Д.А. Споры, связанные с установлением сервитута на земельные участки / Д.А. Тоточенко // Нотариус. 2017. № 7. // СПС КонсультантПлюс.
6. Краснова Т.С. Установление сервитута по требованию арендатора земельного участка. По мотивам одного определения Верховного Суда РФ / Т.С. Краснова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 3. // СПС КонсультантПлюс.

7. Жмурко С.Е. Земельный участок и постройки: особенности владения, пользования и распоряжения / С.Е. Жмурко // Редакция «Российской газеты». 2018. выпуск 10 // СПС КонсультантПлюс.
8. Определение Верховного суда Российской Федерации от 15.01.2015 № 308-ЭС14–7676 по делу № А53–22912/2013.
9. Определение Верховного суда Российской Федерации от 22.01.2018 № 306-ЭС17–1831 по делу № А55–8502/2016.
10. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12.04.2019 № Ф01–1149/2019 по делу № А29–10746/2017.
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.12.2021 № Ф07–15293/2021 по делу № А66–17054/2019.
12. Решение Арбитражного суда Псковской области от 03.11.2021 по делу № А52–2665/2021.
13. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.03.2022 по делу № А52–2665/2021.

THE LEGAL MODEL FOR ENSURING THE ESTABLISHMENT OF AN EASEMENT AT THE REQUEST OF THE TENANT OF A DOMINANT LAND PLOT

Rychkov M.E.

Saint-Petersburg State University

The article examines the question of the permissibility of the tenant of the dominant land plot, which is privately owned, to demand the establishment of an easement in favor of the leased land plot. The research was conducted on the basis of the analysis of the provisions of civil legislation, as well as the legal approach to this problem developed by judicial practice. An analysis of the legal model implemented by the legislator in relation to tenants of a publicly owned land plot was also carried out. Based on the results of the conducted research the conclusion was made that the current legal approach does not meet the needs of the civil-law turnover and requires legislative change, a new legal model was proposed that allows the tenant of the dominant land plot to ensure normal possession and use of the leased land plot in the fastest and most effective way.

Keywords: right to demand the establishment of an easement, tenant of the dominant land plot.

References

1. Civil Code of Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 № 51-FZ.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated 26.01.1996 N 14-FZ.
3. The Russian Federation Land Code” from 25.10.2001 N 136-FZ (as amended on 16.02.2022).
4. Draft law N 47538–6 on introducing amendments to Part One, Part Two and Part Three of the Civil Code of the Russian Federation, as well as certain legislative acts of the Russian Federation.
5. Totochenko D.A. Disputes associated with the establishment of easement on land plots / D.A. Totochenko // Notary. 2017. № 7. // SPC ConsultantPlus.
6. Krasnova T.S. Establishment of easement at the request of the tenant of the land plot. On the motives of one definition of the Supreme Court of the Russian Federation / T.S. Krasnova // Bulletin of economic justice of the Russian Federation. 2020. № 3. // СПС КонсультантПлюс.
7. Zhmurko S.E. Land plot and buildings: peculiarities of possession, use and disposal / S.E. Zhmurko // Editorial Office of Rossiyskaya Gazeta. 2018. issue 10 // SPC ConsultantPlus.
8. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation from 15.01.2015 № 308-ES14–7676 on case № А53–22912/2013.

9. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.01.2018 № 306-ES17–1831 in case № А55–8502/2016.
10. Ruling of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of 12.04.2019 № F01–1149/2019 in case № А29–10746/2017.
11. Ruling of the Arbitration Court of the Northwestern District of 02.12.2021 № F07–15293/2021 in case № А66–17054/2019.
12. The decision of the Arbitration Court of the Pskov region from 03.11.2021 in case № А52–2665/2021.
13. Decision of the Fourteenth Arbitration Court of Appeal of 22.03.2022 in case № А52–2665/2021.

Специальные административные районы Российской Федерации как финансово-правовой инструмент реализации мер поддержки предпринимательства

Самойлова Валентина Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, Институт экономики, управления и права, кафедра финансового права, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)

E-mail: wsamoilova@mail.ru

Изучение зарубежного опыта применения специальных административных районов выявило ряд причин, вследствие которых специальные административные районы развивались и функционировали неэффективно.

Исследование нацелено на решение задач, связанных с эффективным формированием и функционированием специальных административных районов в Российской Федерации, как одних из основных направлений деятельности государственной поддержке бизнеса.

В процессе исследования применялась общенаучная методология с использованием системного подхода к поставленным задачам, институционального подхода к рассмотрению категории «специальный административный район», общенаучные методы системно-функционального, историко-логического, сравнительного анализа, а также математические методы обработки информации.

Несмотря на существующие исследования развития специальных административных районов, сохраняется необходимость анализа этапов функционирования районов в исторической ретроспективе их становления, что может сформировать действенный механизм их функционирования в условиях кризиса, вызванного санкциями. Анализ специальных административных районов в контексте предлагаемых льгот и налоговых послаблений, представленный в статье, дает четкое представление о деятельности районов, их эффективности, необходимости создания и перспективах применения.

Проведенное исследование, представленное в настоящей статье, основано на подходах и концепциях зарубежного и отечественного опыта рационального формирования и эффективного функционирования территории с особым хозяйственным режимом, совершенствования системы регулирования и хозяйственного механизма специальных административных районов.

Автор приходит к выводу, что Российская Федерация в ответ на санкции смогла создать самостоятельный проект специальных административных районов, способных оказать действенную помощь отечественному предпринимательству. Путем издания и редактирования новых и действующих нормативных актов в настоящее время происходит совершенствование механизма деятельности подобных территорий.

Ключевые слова: специальный административный район, особые экономические зоны, Российская Федерация, макроэкономика, предпринимательство, государственная поддержка, льготы, юридические лица.

Специальный административный район (далее – САР) можно считать одной из основных составляющих экономических отношений в современной национальной экономике. В мегаэкономических связях САР признаются средством ускорения роста за счет интенсификации и расширения товарооборота, активизации инвестиционной деятельности, осуществления интеграционных процессов.

Целесообразно классифицировать этапы становления САР в народном хозяйстве на четыре временных интервала, которые характеризуются самостоятельной эндогенной логикой развития (эволюция из специальных экономических зон в формат специального административного района) и имеют определенные сходства и исключения.

Первый временной интервал характеризуется формированием и постановкой задачи о необходимости создания особой экономической зоны (далее – ОЭЗ) и датированные 80–90-ми годами XX века. Особенность периода заключалась в том, что в Советском Союзе появилась возможность для иностранных инвестиций. Это способствовало привлечению новых источников финансирования народного хозяйства. На решение о создании экономических зон в значительной степени повлиял положительный опыт Китая, который был взят за основу при формировании первых зон. В целях повышения эффективности деятельности особых экономических зон в СССР были созданы определенные условия [4].

Второй этап формирования экономических зон охватывает период с 1995 по 2005 годы. В этот период были приняты два основных нормативных акта: Федеральный закон от 31.05.1999 № 104-ФЗ «Об особой экономической зоне в Магаданской области» и Федеральный закон от 22.01.1996 № 13-ФЗ «Об особой экономической зоне в Калининградской области». В период деятельности экономических зон в национальной и региональной экономике наблюдались положительные тенденции, в частности, увеличение валового регионального продукта, снижение уровня безработицы. Стоит отметить, что на этом этапе произошло переосмысление целей, задач и функций особых экономических зон – из инструмента, обеспечивающего доступ иностранных инвесторов в национальную экономику, они превратились в драйвер экономического развития регионов. Специалисты не пришли к единому мнению в оценке эффективности деятельности ОЭЗ, однако следует от-

метить, что применение экономических зон стало мощным импульсом для территориального развития национальной экономики. Развитие зон имеет ориентацию на внутренний рынок, ориентация на их адаптацию к новым экономическим условиям [2].

Третий этап функционирования экономических зон начинается с 2005 года с формирования законодательства об особых зонах. На данном этапе были разработаны различные аспекты деятельности экономических зон, в частности, принят Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», приняты основные нормативные положения и принципы функционирования ОЭЗ. На основании настоящего Федерального закона был принят ряд постановлений Правительства о создании экономических зон в разных регионах [5].

Четвертый этап заключается в создании специального административного района как ответ на санкционный пакет коллективного запада. Ключевыми законами выступают федеральные законы от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях» и № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края», устанавливающие прямую связь между получением статуса международной компании и вхождением в правовой режим САР [8].

Однако экономические оценки эффективности функционирования САР как эволюционного элемента ОЭЗ целесообразно проводить анализируя прежде всего эффективность деятельности малого и среднего бизнеса на данной территории [1]. Так как в 2018 году САР создали в первую очередь именно для притока капитал зарубежных компаний россиян. По сути, предприниматели могут вывести бизнес из-за границы, зарегистрировав его в «русских офшорах», после чего пользоваться налоговыми бонусами, как если бы они работали в реальных офшорах [7].

По состоянию на 2021 год в России действуют два САР – на острове Русский в Приморском крае и на острове Октябрьский в Калининградской области.

Специально для САР, как и в государствах-офшорах, создали управляющие компании, которые руководят процессом регистрации и помогают тем, кто решил уйти в «российские офшоры». Например, на острове Русский этим занимается «Корпорация развития Дальнего востока и Арктики», а на острове Октябрьском – «Корпорация развития Калининградской области» [3].

Создание САР и цели их функционирования основаны на уровне организации социального и экономического развития, а также на стратегии развития национальной экономики. В связи с этим цели и причины создания САР могут быть различными. Например, в Китае специальные административные районы создаются с целью активизации международных экономических связей соотечественников, реализации задач региональ-

ной политики, направленной на поддержку малого и среднего бизнеса в районах с депрессивной экономикой, противовес различий между регионами. В целях реализации вышеуказанных целей хозяйствующие субъекты в районах функционирования САР получили больше свободы выбора, чем бизнес-субъекты других сфер [1].

За счет средств федерального бюджета в САР создаются специальные условия для внедрения новых технологий и совершенствования принципов и методов системы менеджмента качества, в частности, всего комплекса объектов инфраструктуры, а также для информационного обеспечения всех субъектов предпринимательства.

Переход в САР даёт предпринимателям целый комплекс привилегий. Так к примеру, зарегистрированная в специальном административном районе организация не является валютным резидентом, то есть она может переводить валюту с территории России и на ее территорию без открытия счетов в банках, также может проводить наличные расчёты.

Существуют и административные бонусы – помощь в выборе места регистрации, юридические и бухгалтерские услуги, режим одного окна для инвестора, возможность строить объекты инфраструктуры [10].

Также компания, которая ведёт работу в САР, может получить статус международной холдинговой компании (далее – МХК), что даёт существенные налоговые льготы. К примеру, дивиденды в пользу МХК равны 0%, а дивиденды иностранным лицам от МХК составляют 5%. Также им разрешено скрывать информацию о своих бенефициарах, не платить налог с прибыли от продажи активов.

Международной компанией, работающей в САР, может стать только иностранное юрлицо, которое решило сменить юрисдикцию. Чтобы начать работу в САР, есть несколько условий [6]:

- компания начала работать в нескольких странах, включая Россию, ещё до 1 января 2018 года и продолжает это делать;
- компания должна вложить 50 млн рублей в инфраструктуру России в течение следующих 6 месяцев (либо вложив их в уставной капитал другого юрлица);
- фирма должна быть зарегистрированной в стране, входящей в группу финансовой борьбы с отмыванием денег или Комитет экспертов Совета Европы по оценке мер борьбы с отмыванием денег [9].

Не могут стать резидентами САР:

- кредитные организации;
- некредитные финансовые организации;
- операторы платежных систем;
- операторы услуг платежной инфраструктуры.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно констатировать, что начав с успешного реализованного опыта Китая, Российская Федерация смогла создать оригинальный и самостоятельный проект САР. Путем издания и редактиро-

вания новых и действующих нормативных актов происходит совершенствование механизма деятельности особых экономических зон и образования специальных административных районов. Проведенный анализ развития САР на мегаэкономическом уровне, а также на уровне национальной экономики позволяет сделать вывод о существовании четырех основных этапов развития экономической мысли становления САР, характеризующихся расширением форм взаимодействия и механизмов международного сотрудничества в условиях санкций.

Литература

1. Специальные административные районы // Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/specialnye_administrativnye_rayony/ (дата обращения: 22 марта 2022).
2. Зименков Р.И. Свободные экономические зоны / ЮНИТИ, – М. 2020.
3. Крикалев Р.С., Востриков А.У. Положение САР в современном регионоведении // Молодой ученый. – 2021. – № 8 – С. 218–223.
4. Леваева С.А. Территорий инновационного развития сквозь призму времени // ЮРАЙТ. – 2018. – № 6. – С. 219–228.
5. Балаш И.И. Как стать резидентом ОЭЗ // Социальные технологии. 2020. № 3. – С. 58–66.
6. Газманян С.В. Современные инструменты антисанкционной политики // Экономика и право. 2021. № 2. – С. 162–172.
7. Гаусская И.А. Государственная поддержка бизнеса: специальные экономические зоны / И.А. Гаусская. – Вестник СПбГУ, 2020. – 113 с.
8. Коганов Э.З. Международный бизнес: учебное пособие / Э.З. Коганов. – М.: Арив, 2019. – 314 с.
9. Терентьева Ю.Г., Белинская И.В., Янова Е.А. Совершенствование методологических подходов стратегического планирования социально-экономического развития региона // Дискуссия. 2020. № 5 (102). С. 45–48.
10. Фуман М.А., Певзнер И.Р. Особые экономические зоны и специальные административные районы: опыт и перспективы / М.А. Фуман, И.Р. Певзнер – М.: Вымпел, 2020. – 214 с.

SPECIAL ADMINISTRATIVE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A FINANCIAL AND LEGAL INSTRUMENT FOR THE IMPLEMENTATION OF ENTREPRENEURSHIP SUPPORT MEASURES

Samoylova V.V.

Russian State University for the Humanities (RSUH),

The study of the Russian experience in the use of special administrative regions revealed a number of reasons due to which special administrative regions developed and functioned inefficiently.

The study is aimed at solving problems related to the effective formation and functioning of special administrative regions, as one of the main areas of activity for state support of business.

In the course of the study, a general scientific methodology was applied using a systematic approach to the tasks set, an institutional approach to considering the category of “special administrative region”, general scientific methods of system-functional, historical-logical, comparative analysis, as well as economic-economic and mathematical methods of information processing.

Despite the existing research on the development of special administrative regions, there is still a need to analyze the stages of functioning of regions in a historical retrospective, which can form an effective mechanism for their creation and operation in the context of the recent crisis in the national economy. Such a classification of special administrative regions and the proposed benefits and tax breaks presented in the article give a clear idea of the activities of the regions, their effectiveness, the need for creation and prospects for application.

The study presented in this article is based on the approaches and concepts of foreign and domestic experience, reflected in scientific works aimed at studying the issues of rational formation and effective functioning of a territory with a special economic regime, improving the regulatory system and the economic mechanism of special administrative regions.

The Russian Federation, in response to the sanctions, was able to create an original and independent project of special administrative regions. By issuing and editing new and existing regulations, the mechanism for the activity of such territories is being improved.

Keywords: special administrative region, special economic zones, Russian Federation, macroeconomics, entrepreneurship, state support, benefits, legal entities.

References

1. Special administrative districts // Official website of the Ministry of Economic Development of Russia. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/specialnye_administrativnye_rayony/ (accessed: March 22, 2022).
2. Zimenkov R.I. Free economic seasons/ UNITY, – M. 2020.
3. Krikalev R.S., Vostrikov A.U. The position of the SAR in modern regional studies // Young Scientist. – 2021. – No.8 – pp. 218–223.
4. Levaeva S.A. Territories of innovative development through the prism of time // YURAYT. – 2018. – No. 6. – pp.219–228.
5. Balash I.I. How to become a SEZ resident // Social technologies. 2020. No. 3. – pp. 58–66.
6. Gazmanyanyan S.V. Modern tools of anti-sanctions policy // Economics and law. 2021. No. 2. – pp. 162–172.
7. Gauskaya I.A. State support of business: special economic zones / I.A. Gauskaya. – Bulletin of St. Petersburg State University, 2020. – 113 p.
8. Kogan E.Z. International business: textbook / E.Z. Kogan. – M.: Ariv, 2019. – 314 p.
9. Terentyeva Yu.G., Belinskaya I.V., Yanova E.A. Improvement of methodological approaches to strategic planning of socio-economic development of the region // Discussion. 2020. No. 5 (102). pp. 45–48.
10. Fuman M.A., Pevsner I.R. Special economic zones and special administrative regions: experience and prospects / M.A. Fuman, I.R. Pevsner – M.: Vimpel, 2020. – 214 p.

Развитие антимонопольного регулирования антиконкурентных соглашений государственных и иных предприятий

Тохсырова Кристина Казбековна,

аспирант Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»
E-mail: tohsyrova@list.ru

В статье даны определения таким понятиям, как монополистическое соглашение, индивидуальная монополия, определена сущность отдельных монополий, даны соответствующие пояснения и определение типу монополистической деятельности, обозначено мнение о недостаточности правового регулирования в сфере антимонопольного законодательства, что, безусловно, «дает возможность» уйти от ответственности многим хозяйствующим субъектам, названы основные условия допустимости видов монополистической деятельности, рассмотрены основные моменты расследования соглашений в части того, что антимонопольные службы должны более тщательно собирать доказательную базу, также в данной статье выделены основные виды монополистических соглашений, для более точного восприятия и понимания раскрыты понятия синдиката, треста, концерна, конгломерата, а также отмечены основные принципы, как открытость членства и уважение национального суверенитета, гарантия конфиденциальности передаваемой информации и широкие полномочия по сотрудничеству с другими государственными организациями в выявлении одноименных картелей.

Ключевые слова. Монополистическое соглашение, индивидуальная монополия, сущность отдельных монополий, тип монополистической деятельности, временные соглашения, картель, синдикат, трест, концерн, конгломерат, стихийное повышение цен.

Говоря о соглашениях государственных и иных предприятий в целях добросовестной конкуренции и исключения монополизма необходимо в первую очередь дать ряд определений на заданную тему.

Необходимо разобраться в понятии «монополистическое соглашение», что представляет собой сделку (договор), который заключается между фирмами (предприятиями) для выполнения определенного «плана» (производства), а также в данном случае всегда осуществляется своего рода «надзор» за ценообразованием и в итоге – определение сбыта производства.

Существует «индивидуальная монополия», представляющая собой как бы «главной» участницей рынка, зачастую показывая свою индивидуальность в принятии тех или иных решений на рынке.

Деятельность разных видов монополий определяется:

- предложения другим участникам рынка наиболее привлекательных условий и неподходящих для контрагента. Здесь можно наблюдать просьбы финансирования, например, в том случае, если в предложенный договор включены конкретные требования;
- представление искусственного дефицита и увеличение цены с целью изъятия продукции из общего оборота товаров на рынке;
- специальное прекращение выпуска определенных товаров и принятие заказов, наиболее востребованных потребителями;
- искусственное завышение или демпингование цен, что очевидно является нарушением.

Разбирая монополистическую деятельность, необходимо затронуть и типы, то есть соглашения, которые ограничивают конкуренцию и согласуют действия хозяйствующих субъектов, например, проводится работа, направленная на поддержание ценообразования.

Самое главное, на что необходимо обратить внимание – это определенные «пробелы» в правовом регулировании, что не в полной мере позволяет выявлять соглашения и согласованные действия хозяйствующих субъектов, которые направлены на ограничение конкуренции.

Закон Российской Федерации «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» ранее разъяснял, что виды злоупотребления и превосходства, а также отдельные виды соглашений и согласованных действий, ограничивающих конкуренцию, могут быть признаны правомерными, если субъект хозяйствования покажет положительный результат сво-

их намерений, например, в социальной сфере, а вот в экономической – должно быть превышение отрицательных последствий для товарного рынка.

Неоднозначность в законодательстве ведет, безусловно, к необходимости «подчеркнуть» правило разумности, которое было принято в Европейском Союзе, это и есть условия допустимости видов монополистической деятельности, соглашений и согласованных действий:

- достижение «здоровой» конкурентной возможности на рынке;
- получение потребителями привилегий, которые возникают от действий, ограничивающих конкуренцию;
- отсутствие обязательств третьих лиц или участников ограничений, не являющихся абсолютно необходимыми для достижения целей подобных действий;
- отсутствие возможности для физических лиц предотвращать или устранять конкуренцию на рынке товаров и услуг.

Судебные инстанции и антимонопольные органы правомочны выносить решения о соответствии отдельных видов монополистической деятельности действующему законодательству, правомерности осуществления сделок и движений, ограничивающих конкуренцию и подлежащих государственному контролю за экономической деятельностью.

В настоящее время раскрытие и пресечение антиконкурентных действий до сих пор остается затруднительным, благодаря заключению большинства сделок в устной форме.

Раскрытие таких соглашений затруднительно, в связи с неимением у соответствующих органов прав на проведение оперативно-розыскных мероприятий, что позволило бы увеличить качество выявления соглашений, а также осуществлять сбор доказательств по существу и применять законные меры для их устранения.

Антимонопольным органам предоставлена возможность издавать обязательные для исполнения документы об устранении нарушений и принимать меры административного воздействия в случае их неисполнения [5, с. 81]

Расследование затруднено еще и тем, что антимонопольным органам необходимо доказывать, что действия хозяйствующих субъектов совершены в результате достигнутого соглашения, а не, как представляется, в результате индивидуальной экономической политики.

Имеется ряд подобных сложностей в выявлении и пресечении соглашений и согласованных действий хозяйствующих субъектов, которые ограничивают конкуренцию [2, с. 71].

В настоящее время имеется множество монополий, их можно организовать в направлении объединения крупных предприятий. Монополии имеют разные формы – от простых до самых сложных.

Таким образом можно выделить несколько видов монополистических соглашений:

- временные соглашения – конвенты, которые имеют договоренности между отдельными предприятиями. Объединения имеют при этом различные названия. Например, существуют договоренности о совместной деятельности по отношению к конкурентам. Подобные сделки носят неустойчивый и временный характер, что в результате приводит к краху компании;
- картель – еще один вариант монополистического соглашения, участниками которого являются различные компании. В данном случае соглашения хозяйствующих субъектов касаются рынка купли-продажи товаров и их изготовления. Подобные соглашения могут «диктовать» ценообразование на сырье, необходимое для производства товаров. Эти сделки не относят к монополизации, так как участники – это различные компании, которые сохраняют индивидуальность и выступающие в роли реализаторов, согласовав свои действия в современных условиях;
- синдикат – наиболее качественный вид монополистических соглашений. В данном случае происходит объединение предприятий для создания общей фирмы и дальнейшей продажи товаров;
- трест – является наиболее устойчивой формой монополистических соглашений. Это полноценное и качественное объединение многих предприятий, созданных для продажи товаров и (или) оказания услуг. Предприятия, подписавшие между собой договора, в обязательном порядке теряют производственно-сбытовую идентичность;
- концерн – классический тип монополиста, которые предпочитает «подчинить» продажу продукции и ее производство. Концерн создается, если головная компания покупает контрольные пакеты акций от мелких предприятий.

При этом покупатель занимает руководящее мнение. Особенность заключается в том, что даже после создания предприятия всегда остается самостоятельной в плане производства и сбыта продукции ее структура.

В концерне имеются компании, которые относятся к разным областям.

В результате чего концерны относят к многопрофильным структурам. Например, нефтеперерабатывающий завод производит не только топливо, но и оборудование для бурения скважин и прочее. Создание подобных концернов – всегда успех получать стабильный доход, где в одной структуре находятся множество многообещающих предприятий;

конгломерат – одно из монополистических соглашений, которое заключается в компаниях, состоящих из разных отраслей, но в единой структуре. Это называется диверсификацией. Речь идет о создании единой и мощной компании на разных рынках. Главная задача – это организация высокого денежного оборота. Конгломерат осуществляется путем сливания акций других компаний в еди-

ной предприятие. Сюда, безусловно, входят самые перспективные и успешные предприятия.

В части 2 статьи 8 Федерального закона «О защите конкуренции» разъяснено, что совершение хозяйствующими субъектами действий по соглашению не относится к согласованным действиям, а является соглашением. Соглашение является договоренностью в письменной или устной формах (статья 4 Федерального закона) [1].

Основным моментом согласованных действий, которые ограничивают конкуренцию, является обоснование группового поведения. Это слаженность и однообразность действий нескольких хозяйствующих субъектов, которые отягощены дополнительными условиями функционирования конкретного товарного рынка, что делает отличным эти действия от параллельного поведения.

Пример согласованных действий, ограничивающих конкуренцию, – это необоснованное и спонтанное повышение цен несколькими хозяйствующими субъектами на рынке, то есть «навязывание» покупателю неприемлемых условий договора, в данном случае речь идет о разделе рынка по территориальному принципу.

Согласованные действия и есть результат осуществления сторонами соглашения, что не подпадает под запрет, ограничивающий конкуренцию, но обеспечивает все необходимые условия для согласования действий сторон соглашения.

Литература

1. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I) ст. 3434.
2. Белозор Ф.И. Закупки для государственных нужд: гармонизация добросовестной конкуренции и экономической эффективности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки – 2021 г. № 1.
3. Жакатаева С.А. Становление и развитие антимонопольного органа республики Казахстан // Central Asian Economic Review – 2009 г. № 3.
4. Магдилов М.М., Мусагаджиева П.А. Проблемы совершенствования антимонопольного законодательства в современной России // Вестник

Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки – 2018 г. № 3.

5. Рубин Ю. Б., Потапова О.Н. Конкуренция в экономике. Как противостоять и противодействовать соперникам и нужно ли это делать? // Современная конкуренция – 2016 г. № 6.

DEVELOPMENT OF ANTIMONOPOLY REGULATION OF ANTICOMPETITIVE AGREEMENTS OF STATE AND OTHER ENTERPRISES

Tokhsyrova K.K.

Academy of Labor and Social Relations

The article defines concepts such as monopolistic agreement, individual monopoly, defines the essence of individual monopolies, provides appropriate explanations and definition of the type of monopolistic activity, indicates the opinion about the insufficiency of legal regulation in the field of antimonopoly legislation, which, of course, “makes it possible” to evade responsibility for many economic entities, the main conditions for the permissibility of types of monopolistic activity are named. activities, the main points of the investigation of agreements in terms of, that antimonopoly services should more carefully collect the evidence base, also in this article the main types of monopolistic agreements are highlighted, for a more accurate perception and understanding, the concepts of syndicate, trust, concern, conglomerate are disclosed, as well as the basic principles such as openness of membership and respect for national sovereignty, guarantee of confidentiality of transmitted information and broad powers to cooperate with other state organizations in identifying cartels of the same name.

Summing up and drawing conclusions, this article identifies the most effective and priority areas of work of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation, which is the most relevant and effective at the present time.

Keywords. Monopolistic agreement, individual monopoly, essence of individual monopolies, type of monopolistic activity, temporary agreements, cartel, syndicate, trust, concern, conglomerate, spontaneous price increase.

References

1. Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006 “On Protection of Competition” // Federal Law of the Russian Federation No. 31 of July 31, 2006 (Part I) of Article 3434.
2. Belozor F.I. Procurement for state needs: harmonization of fair competition and economic efficiency // State and municipal administration. Scientific Notes – 2021 No. 1.
3. Zhakataeva S.A. Formation and development of the antimonopoly authority of the Republic of Kazakhstan // Central Asian Economic Review – 2009 No. 3.
4. Magdilov M.M., Musagadzhieva P.A. Problems of improving antimonopoly legislation in modern Russia // Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences – 2018 No. 3.
5. Rubin Yu. B., Potapova O.N. Competition in the economy. How to resist and counteract rivals and whether it is necessary to do it? // Modern Competition – 2016 No. 6.

Перспективы развития и совершенствования института таможенных сборов в ЕАЭС

Коровяковский Денис Геннадьевич,

доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор Департамента налогов и налогового администрирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: sirah13@mail.ru

Храмов Сергей Андреевич,

Студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: s-khramov@list.ru

Таможенные сборы являются самими необычными таможенными платежами, что связано с обстоятельствами, в соответствии с которыми они вводились в качестве инструментов таможенного регулирования. Таможенные сборы в рамках определённой сущности оказывают специфическое воздействие, пополняя федеральный бюджет и реализуя регуляторную функцию. В момент введения таможенных сборов и в последующий период, когда приоритет отдавался декларированию в письменной форме, а техническая оснащённость в части телекоммуникационных каналов связи, отлаженных информационных электронных баз, стационарных компьютеров и прочего подобного, отличалась низким уровнем, таможенные сборы были предельно актуальны, поскольку заложенная в них сущность позволяла на практике компенсировать расходы должностных лиц таможенных органов, реализованные в рамках осуществления ими действий в отношении участника внешнеэкономической деятельности. Однако так ли необходимы они в условиях современной системы таможенного регулирования, когда подавляющее большинство операций, связанных с выпуском товаров, осуществляется при помощи новейших информационных технологий? Каковы перспективы их развития, есть ли таковые? Настоящая статья направлена на разрешение поставленных вопросов.

Ключевые слова: таможенные сборы, таможенное регулирование, фискальная роль, таможенные платежи, таможенные пошлины, таможенная граница, товары, таможенные операции, таможенное сопровождение, временное хранение, таможенные органы, участник внешнеэкономической деятельности, таможенное законодательство, экономическая сущность, таможенная статистика.

В соответствии со статьёй 46 ТК ЕАЭС таможенные сборы относятся к таможенным платежам. Пункт 1 статьи 47 ТК ЕАЭС определяет таможенные сборы как обязательные платежи, взимаемые за совершение таможенными органами таможенных операций, связанных с выпуском товаров, таможенным сопровождением транспортных средств, а также за совершение иных действий, установленных настоящим Кодексом и (или) законодательством государств-членов о таможенном регулировании [1].

Законодательно закреплённое определение не в полной мере отражает сущность, в связи с чем необходимо его дополнить в соответствии с установленным пунктом 2 статьи 8 НК РФ определением сбора как обязательного взноса, взимаемого с организаций и физических лиц, уплата которого является одним из условий совершения в отношении плательщиков сборов государственными органами, органами местного самоуправления, иными уполномоченными органами и должностными лицами юридически значимых действий, включая предоставление определённых прав или выдачу разрешений (лицензий), либо уплата которого обусловлена осуществлением в пределах территории, на которой введён сбор, отдельных видов предпринимательской деятельности [2].

В результате некоторого рода компиляции формируется определение таможенных сборов как платы за действия юридического характера должностных лиц таможенных органов в отношении лица (юридического или физического), ввозящего на территорию Евразийского экономического союза или вывозящего за её пределы товары. Здесь необходимо сделать ремарку следующего характера: «выражение «плата за действия» не тождественно термину «вознаграждение», а приравнивается к компенсации расходов на осуществление таможенных операций, таможенного сопровождения, хранения, прочих действий, закреплённых актами таможенного законодательства, таким образом иллюстрируя экономическую сущность таможенных сборов».

Нормы, регулирующие отношения, так или иначе связанные с таможенными сборами, закреплены Главой 8 «Таможенные сборы» Федерального закона от 03.08.2018 N 289-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 289-ФЗ), а также отдельными статьями ТК ЕАЭС (например, статьёй 343 «Таможенное сопровождение»). Ставки таможенных сборов в со-

ответствии с пунктом 2 статьи 47 ТК ЕАЭС устанавливаются национальным таможенным законодательством государств-членов: применительно к Российской Федерации Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.03.2020 N 342 «О ставках и базе для исчисления таможенных сборов за совершение таможенных операций, связанных с выпуском товаров» [4] и Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2018 г. N 1082 «О ставках и базе для исчисления таможенных сборов за таможенное сопровождение и хранение» [5].

Таможенные сборы – плата за действия, совершённые в отношении объекта, перемещаемого участником внешнеэкономической деятельности через таможенную границу ЕАЭС. В связи с этим таможенные сборы делятся по классификационному признаку – «в зависимости от конкретного действия» и устанавливаются на законодательном уровне государств-членов ЕАЭС: применительно к России пунктом 2 статьи 37 ФЗ № 289-ФЗ:

- таможенные сборы за совершение таможенных операций, связанных с выпуском товаров;
- таможенные сборы за таможенное сопровождение;
- таможенные сборы за хранение [3].

Наиболее распространённым на практике является таможенный сбор за таможенные операции, связанных с выпуском товаров и транспортных средств, перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС, в связи с тем, что уплата сбора предстаёт одним из условий для помещения под отдельные таможенные процедуры (например, таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления).

Таможенные сборы за таможенное сопровождение – это определённая плата, производимая участником внешнеэкономической деятельности в пользу федерального бюджета за действия, которые были осуществлены сотрудником таможенных органов в рамках таможенного сопровождения объекта до места назначения, проводимого по решению таможенного органа о необходимости применения данной меры, обеспечивающей реализацию таможенного контроля.

Таможенный сбор за хранение является платой за помещение объектов в открытые или закрытые

(в случае помещения товаров определённых лиц) склады временного хранения таможенного органа для содержания на их территории до выпуска товаров в обращение.

Значение признаков при формировании понятия дефиниции таможенных сборов признаётся предельно важным, поскольку определение позволяет выстроить общий образ категории, не предполагающий своего рода детализации. В связи с чем необходимо предметно выделить признаки:

- 1) обязательный характер, основанный на конституционной норме (статья 57 Конституции Российской Федерации);
- 2) возмездный характер – плата за действие должностного лица таможенного органа;
- 3) величина сбора соответствует ставке сбора или зависит от неё;
- 4) сбор исчисляется в валюте государства-члена ЕАЭС (применительно к Российской Федерации – в рублях в соответствии со статьёй 75 Конституции Российской Федерации и пунктом 3 статьи 39 ФЗ № 289-ФЗ);
- 5) сумма сбора не может превышать величины затрат, осуществляемых в рамках совершения действий должностными лицами таможенных органов;
- 6) элементы сборов устанавливаются на национальном уровне законодательства стран-участниц Евразийского экономического союза;
- 7) сборы не являются регулярными платежами;
- 8) ответственность за исчисление суммы сбора лежит на плательщике таможенных сборов или таможенном органе (статья 39 ФЗ № 289-ФЗ);
- 9) взимание осуществляется таможенными органами;
- 10) по уплате сборов предусмотрены льготы в форме освобождения от их уплаты (статья 47 ФЗ № 289-ФЗ).

Определённые признаки позволяют сформировать детальное представление о сущности таможенных сборов.

В таблицах 1 и 2 представлены данные, касающиеся поступлений от таможенных платежей в период с 2015 года по 2021 год, а также динамики таможенных сборов и таможенных пошлин, налогов, уплачиваемых физическими лицами.

Таблица 1. Поступления в форме обязательных платежей в связи с вывозом и ввозом товаров в период с 2015 по 2021 годы

Платёж (в млрд руб.) / год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Налог на добавленную стоимость при ввозе	1839,4	1659,7	1900,8	2255,5	2613,4	2701,6	3421,5
Ввозные таможенные пошлины	482,2	489,8	506	578,6	618,2	615,5	755,9
Вывозные таможенные пошлины	2780,4	2054,1	1968,3	3025,7	2291,3	1148,1	2526,4
Акцизы при ввозе подакцизных товаров	47,5	58,8	76	95,2	88,8	98,0	130,9
Таможенные пошлины, налоги, уплачиваемые физическими лицами	8,8	5,6	7,4	16,3	25,0	28,9	43,7

Платёж (в млрд руб.) / год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Таможенные сборы	16	16,9	18,4	20,3	20,0	–	–
Иные платежи	–47,2	18,9	98,8	71,6	72,4	159,7	278,5
Итоговая сумма платежей	5127,1	4308,8	4575,7	6063,2	5729,1	4751,8	7156,9

Источник: данные взяты из ежегодных отчётов ФТС России, находящихся в открытом доступе на официальном сайте ФТС России, – ежегодных сборников «Таможенная служба Российской Федерации» [6].

Таблица 2. Динамика «Таможенных пошлин, налогов, уплачиваемых физическими лицами» и «Таможенных сборов» в период с 2015 года по 2021 год

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Таможенные пошлины, налоги, уплачиваемые физическими лицами (в млрд рублей)	8,8	5,6	7,4	16,3	25	28,9	43,7
Таможенные сборы (в млрд рублей)	16	16,9	18,4	20,3	20	–	–
Сумма таможенных платежей (в млрд рублей)	5127,1	4308,8	4575,7	6063,2	5729,1	4751,8	7156,9
Доля таможенных пошлин, налогов, уплачиваемых физическими лицами в объёме таможенных платежей	0,17%	0,13%	0,16%	0,27%	0,44%	0,61%	0,61%
Доля таможенных сборов в объёме таможенных платежей	0,31%	0,39%	0,40%	0,33%	0,35%	–	–
Темпы прироста таможенных пошлин, налогов, уплачиваемых физическими лицами	–63,93%	–36,36%	32,14%	120,27%	53,37%	15,60%	51,21%
Темпы прироста таможенных сборов	–2,44%	5,63%	8,88%	10,33%	–1,48%	–	–

По результатам анализа приведённых выше данных логичными и обоснованными представляются следующие выводы, касающиеся таможенных сборов и таможенных пошлин, налогов, уплачиваемых физическими лицами:

1) наименьшая фискальная эффективность присуща «Таможенным пошлинам, налогам, уплачиваемым физическими лицами» (на протяжении выбранного периода) (формирующим «Совокупный таможенный платёж») наряду с «Таможенными сборами» (в период с 2015 по 2019 годы);

2) «Таможенные пошлины, налоги, уплачиваемые физическими лицами» демонстрируют строго положительную динамику, начиная с 2016 года, с присущими значительными приростами (максимальный прирост составляет 120,27% в 2018 году (8,9 млрд рублей));

3) динамика «Таможенных сборов» в период с 2015 года по 2018 год положительная, однако максимальный прирост составляет 10,33% в 2018 году (1,9 млрд рублей), что вновь свидетельствует о низкой фискальной роли платежей;

4) за 2020 и 2021 годы данные, касающиеся объёмов «Таможенных сборов» отсутствуют.

В статистических ежегодниках от 2020 и 2021 годов Федеральной таможенной службы России отсутствует сумма «Таможенных сборов», что может быть связано:

- либо с крайне малой её величиной;
- либо с включением её в сумму «Иных платежей»;
- либо с допущенной составителем сборника грубой оплошностью, повлекшей пренебрежение этой суммой ввиду каких-либо причин и обстоятельств.

В любом случае достаточно странным признаётся отсутствие отдельно прописанной суммы «Таможенных сборов» (по предыдущим годам эта сумма была отражена); при этом если второе обстоятельство действительно имеет место, то оно может означать лишь стремление к оптимизации работы по составлению статистических документов – «начиная с 2020 года, в ежегодниках отдельно сумма таможенных сборов прописываться не будет»; однако если имеют место первое или третье обстоятельства, то логичным представляется следующее – «размер таможенных сборов намеренно скрывается в связи с недостаточным его значением, что недопустимо и свидетельствует о не вполне профессиональном подходе к выполнению обязательств по составлению статистических документов».

Фискальное значение таможенных сборов является достаточно низким. Тому причинами являются:

- низкие ставки;

- недостаточный уровень контроля за взиманием сумм, причитающихся к уплате в бюджет;
- статус «дополнительного к таможенной пошлине» платежа.

Пути решения:

1) Индексация ставок по таможенным сборам (однако значительное увеличение не соотносится с сущностью сборов как компенсацией расходов в связи с осуществлением действий должностными лицами таможенных органов, связанных с выпуском товаров; а индексация, которая имела место в прошлом (при которой минимальная ставка таможенного сбора за совершение таможенных операций, связанных с выпуском товаров, была увеличена с 500 рублей до 775 рублей), коренным образом ситуацию не поправит).

2) Улучшение условий сбора (мероприятие способствует увеличению сумм обязательных платежей, поскольку участник внешнеэкономической деятельности получит больше возможностей к исполнению обязанности по уплате сборов; а также минимизации случаев, при которых суммы сборов не уплачивается в связи с недостаточным оснащением таможенных органов; однако стоит отметить, что фискальная роль в значительной мере не увеличится).

3) Формирование доверительных и приемлемых отношений между участниками ВЭД и таможенными органами.

В целом проблема, связанная с таможенными сборами, является той, что заложена изначально в сущности инструмента.

В условиях современной системы таможенного регулирования таможенные сборы в большей степени представляют собой изживший себя инструмент, отличающийся меньшей эффективностью в связи с постепенным переходом к «умной таможене».

Вышеприведённое – качественная сущность сборов, их фискальная роль – свидетельствует о необходимости упразднения таможенных сборов путём включения в размер таможенных пошлин.

Литература

1. «Таможенный кодекс Евразийского экономического союза» (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) (опубликован в издании на Официальном сайте Евразийского союза <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2017) (дата обращения: 17.04.2022)
2. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 N 117-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) (опубликован в изданиях: «Собрание законодательства РФ», 07.08.2000, N 32, ст. 3340; «Парламентская газета», N 151–152, 10.08.2000) (дата обращения: 17.04.2022)
3. Федеральный закон от 03.08.2018 N 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений

в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) (опубликован в изданиях: Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 04.08.2018; «Собрание законодательства РФ», 06.08.2018, N 32 (часть I), ст. 5082) (дата обращения: 17.04.2022)

4. Постановление Правительства РФ от 26.03.2020 N 342 «О ставках и базе для исчисления таможенных сборов за совершение таможенных операций, связанных с выпуском товаров» (опубликовано на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.03.2020, а также в «Собрании законодательства РФ», 06.04.2020, N 14 (часть I), ст. 2099) (дата обращения: 17.04.2022)
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2018 г. N 1082 «О ставках и базе для исчисления таможенных сборов за таможенное сопровождение и хранение» (опубликовано на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 13.09.2018, а также в «Собрании законодательства РФ», 17.09.2018, N 38, ст. 5859) (дата обращения: 17.04.2022)
6. Ежегодные отчёты Федеральной таможенной службы России // Официальный сайт Федеральной таможенной службы России // [Электронный источник] (дата обращения: 18.04.2022) URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii>

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT OF THE INSTITUTE OF CUSTOMS FEES IN THE EAEU

Korovyakovskiy D.G., Khramov S.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Customs fees are unusual customs payments themselves, which is due to the circumstances under which they were introduced as instruments of customs regulation. Customs fees within a certain entity have a specific impact, replenishing the federal budget and implementing a regulatory function. At the time of the introduction of customs fees and in the subsequent period, when priority was given to declaration in writing, and the technical equipment in terms of telecommunication communication channels, debugged electronic information bases, stationary computers and other similar things was low, customs fees were extremely relevant, since the essence embedded in them allowed in practice to compensate for the expenses of officials customs authorities implemented as part of their actions in relation to a participant in foreign economic activity. However, are they really necessary in the conditions of the modern system of customs regulation, when the vast majority of operations related to the release of goods are carried out using the latest information technologies? What are the prospects for their development, are there any? This article is aimed at resolving the issues raised.

Keywords. Customs fees, customs regulation, fiscal role, customs payments, customs duties, customs border, goods, customs operations, customs escort, temporary storage, customs authorities, participant in foreign economic activity, customs legislation, economic essence, customs statistics.

References

1. “Customs Code of the Eurasian Economic Union” (Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic

Union) (published in the publication and on the Official website of the Eurasian Union <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2017) (accessed: 04/17/2022)

2. "Tax Code of the Russian Federation (Part Two)" dated 05.08.2000 N 117-FZ (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2022) (published in the publications: "Collected Legislation of the Russian Federation", 07.08. 2000, N 32, article 3340; "Parliamentary newspaper", N 151–152, 10.08.2000) (accessed: 04/17/2022)
3. Federal Law No. 289-FZ of August 3, 2018 "On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended and supplemented, effective from January 1, 2022) (published in Publications: Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 08/04/2018; "Collected Legislation of the Russian Federation", 08/06/2018, N 32 (Part I), Art. 5082) (accessed: 04/17/2022)
4. Decree of the Government of the Russian Federation of March 26, 2020 N 342 "On rates and the basis for calculating customs fees for customs operations related to the release of goods" (published on the official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 03/30/2020, as well as in the "Collection of Legislation of the Russian Federation", 04/06/2020, N 14 (part I), art. 2099) (accessed: 04/17/2022)
5. Decree of the Government of the Russian Federation of September 11, 2018 N 1082 "On the rates and base for calculating customs fees for customs escort and storage" (published on the official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 09/13/2018, as well as in the "Collection of Legislation of the Russian Federation", 09/17/2018, N 38, article 5859) (accessed: 04/17/2022)
6. Annual reports of the Federal Customs Service of Russia // Official website of the Federal Customs Service of Russia // [Electronic source] URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> (accessed: 04/18/2022)

Установление психологического контакта с малолетними свидетелями и потерпевшими в целях получения исчерпывающих и достоверных показаний в ходе допроса

Балтыкова Заяна Андреевна,

старший преподаватель кафедры уголовного права
и процесса Калмыцкого государственного университета
им. Б.Б. Городовикова
E-mail: kafedra100@mail.ru

Статья посвящена особенностям установления и поддержания психологического контакта с малолетним свидетелем и потерпевшим в ходе подготовки и в процессе допроса. Предметом выступает закономерные взаимосвязи между индивидуально-психологическими особенностями малолетнего свидетеля и потерпевшего и установлением психологического контакта. Цель работы состоит в выявлении и изучении эффективных тактических приемов по установлению контакта с малолетним допрашиваемым и возможности их имплементации в деятельность следователя. Методологическую основу составляют общенаучный диалектический метод познания; общенаучные методы (анализ, наблюдение, абстрагирование и пр.) и социологические методы (анализ материалов уголовных дел и анкетирование сотрудников правоохранительных органов). Новизна исследования заключается в попытке сформировать основные положения по установлению психологического контакта на основе взаимосвязей между возрастными, психологическими и иными особенностями малолетнего свидетеля и потерпевшего. В результате было констатировано, что в каждом конкретном случае рекомендации по установлению контакта должны существенно изменяться и дополняться в зависимости от особенностей малолетнего допрашиваемого. Автор приходит к выводу, что знание и использование следователем приемов, способов, правил и рекомендаций по установлению психологического контакта с малолетним свидетелем и потерпевшим будет способствовать получению наиболее исчерпывающих и достоверных показаний.

Ключевые слова: допрос, показания, психологический контакт, малолетние, свидетель, потерпевший.

В целях получения от малолетнего свидетеля и потерпевшего, подробных и достоверных показаний обо всем, что ему известно по существу расследуемого дела, следователю необходимо обладать способностью расположить к себе ребенка, преодолеть его недоверие и тем самым установить с ним психологический контакт. Для установления и поддержания такого контакта необходимы различные и сочетающиеся между собой тактические приемы.

Так Н.И. Порубов считал, «что психологический контакт возможен лишь тогда, когда стороны осознают необходимость в общении или совместной деятельности» [1, с. 41]. Однако Д.М. Лосев разумно подмечает, что данное положение необходимо «дополнить указанием на то, что это не относится к малолетним и умственно отсталым, где на первый план выходят коммуникативные способности следователя. Необходимо вызвать у малолетнего заинтересованность в общении, которая будет своего рода психологическим контактом» [2, с. 152].

Мы полностью солидарны с Ф.В. Глазыриным, который отмечает, что для получения от ребенка правдивых и полных показаний важны такие коммуникативные качества следователя, такие как простота в общении, коммуникабельность, доброжелательность, объективность и справедливость [3, с. 26].

Одним из основных способов установления психологического контакта при первой встрече с малолетним свидетелем и потерпевшем является проведение перед допросом беседы, не связанной с предметом допроса. Многие авторы также рекомендуют перед допросом несовершеннолетнего начинать с отвлеченной беседы на интересующую его тему (о его любимых мультфильмах, играх и т.п.) [4, с. 84], [5, с. 59]. Представляется, что подобная беседа поможет малолетнему свидетелю и потерпевшему, особенно замкнутому и стеснительному, освоиться и немного привыкнуть к обстановке допроса, рассказать все, что ему известно по расследуемому преступлению.

Следователю необходимо проявить интерес к теме, о которой говорит малолетний свидетель и потерпевший и если он не очень хорошо знаком с данной темой, то ему следует сразу сказать об этом ребенку. Подобное поведение следовате-

ля свидетельствует о внимательном отношении к малолетнему, его увлечениям и таким образом позволит установить с ним контакт.

Анкетирование практических работников показало, что 58,1% опрошенных обязательно проводят беседу с малолетними свидетелями и потерпевшими перед допросом; проводят беседу иногда с целью снятия излишнего напряжения – 36,4%; никогда не проводят беседу – лишь 3,5%.

Сохранение естественности в поведении и серьезное отношение к тому, что тревожит, беспокоит или вызывает интерес малолетнего, является лучшим способом расположить его к себе [6, с. 182]. Следователь должен определить, чем увлекается и интересуется малолетний (мультфильмы, игры и др.), проявлять искренний интерес к ним, чтобы беседа не была угнетающей, мучительной и тем самым не содействующей установлению психологического контакта. Помимо этого, следователь должен составить план беседы с малолетним свидетелем и потерпевшим и отнестись к этой подготовительной стадии со всей серьезностью, так как именно в ней происходит первый психологический контакт между следователем и малолетним допрашиваемым.

Для установления психологического контакта и успешной беседы с малолетним свидетелем и потерпевшим следователю также необходимо располагать основными сведениями: об условиях его воспитания и жизни (место жительства, условия проживания и др.); связях; его отношении к сверстникам (отзывчивость, равнодушие, неприязненные отношения и др.); чертах характера (упрямство, лживость и др.), а также данными, относящимися к нравственно-психологическим и социально-демографическим признакам малолетнего.

В случае отсутствия таких сведений оперативные и следственные действия по их сбору необходимо рассматривать как не терпящие отлагательства [7, с. 195]. На получение указанных сведений направлены следующие действия: изучение материалов уголовного дела; допрос законных представителей, соседей, воспитателей (учителей) дошкольного (школьного) учреждения; истребование характеристики на малолетнего из детского сада или школы и др.

Необходимо отметить, что от предмета будущего допроса, психологических и возрастных особенностей ребенка и иных условий в зависимости от ситуации зависит длительность беседы с малолетним свидетелем и потерпевшим.

Поскольку установление контакта с малолетним свидетелем и потерпевшим зачастую следователю дается нелегко, он не должен экономить на этом время. Следователь понимает, что если он вначале не смог установить контакт с взрослым свидетелем и потерпевшим, то он может надеяться решить эту задачу во время будущих допросов. В случае с малолетним допрашиваемым это невозможно, так как дети этой возрастной группы очень недоверчивы к людям, к которым они первоначально не проявили доверие и расположение.

Сказанное позволяет сделать вывод, что одной из важнейших задач допроса малолетнего свидетеля и потерпевшего является установление с ним психологического контакта, решение которой способствует получению исчерпывающих и достоверных показаний.

С некоммуникабельным, стеснительным, робким и т.п. ребенком установление контакта нежелательно начинать с прямого обращения к нему. Представляется целесообразным, когда разговор с малолетним допрашиваемым начинает лицо, которое его сопровождает (законный представитель, педагог или психолог), а следователь затем постепенно вовлекается в диалог (например, спрашивает: «Правда ли, что ты очень любишь играть в футбол?»).

Малолетнему свидетелю и потерпевшему требуется некоторое время, чтобы привыкнуть к незнакомым людям и новому месту. Для этого ему необходимо осмотреться, походить по комнате и т.п. Ребенок должен чувствовать себя свободно, чтобы в любой момент подойти, взять и пощупать понравившийся предмет.

Для установления и поддержания психологического контакта с малолетним свидетелем и потерпевшим во время допроса может быть использован прием создания психологически благоприятных условий для общения. Для данного приема желательна форма диалога. Следователю нецелесообразно начинать разговор с неприятных вопросов, так как ребенок может замкнуться и перестать, что-либо говорить. Для начала ему следует объяснить цель приглашения в правоохранительные органы, далее необходимо задать вопросы, не связанные с предметом допроса: «С кем ты пришел?», «Ходишь ли ты в садик?», «В каком классе учишься?» и т.п. Следователь должен быть внимателен к малолетнему допрашиваемому (учитывать, что он говорит, как себя ведет и т.п.), всем своим видом (голосом, мимикой и т.п.) показывать, что он готов помочь ему, непозволительно отвлекаться на телефонные звонки, общение с другими сотрудниками и т.п.

Для установления и поддержания психологического контакта с малолетним свидетелем и потерпевшим во время допроса также можно применить правило активного слушателя, которое может реализоваться следующим образом: наклоном тела в сторону говорящего; демонстрацией мимикой, глазами повышенного внимания к рассказу допрашиваемого («Я весь внимание»); реагированием невербальными способами на содержание показаний: жестами, изменением формы бровей («Да ты что!») и т.п.; стимулированием подробно изложения («Расскажи детальнее»); резюмированием в сочетании с предложением подтвердить достоверность сведений или внести уточнение: «Я тебя понял так ... Правильно» [8, с. 29].

Представляется, что одним из способов для установления психологического контакта с малолетним свидетелем и потерпевшим может послужить заполнение анкетных данных в протоколе допроса.

Так «выясняя анкетные данные, можно остановиться на отдельных сведениях и тем самым придать доверительность отношениям с допрашиваемым, например, записывая дату рождения, поинтересоваться, где и как проходило его детство; попросить рассказать о родителях, сестрах и братьях; заполняя графу о месте рождения, можно положительно отозваться об этих местах, продемонстрировать знания о них и т.д.» [9, с. 38].

Следователю необходимо помнить, что выяснение вопросов, связанных с биографией ребенка, существенно отличается от содержания вопросов к взрослому, о чем они порой забывают в силу загруженности, не успевают психологически переключиться, если допросы шли подряд, и др. В этом отношении показательным уголовным делом, в котором при допросе 10-летнего свидетеля В. следователь задавал ему неуместные вопросы о его семейном положении, месте работе, наличии судимости и т.д. [10].

Считаем необходимым отметить, что установить психологический контакт с малолетним свидетелем и потерпевшим может не только следователь, педагог или психолог, но и близкий родственник ребенка. Проиллюстрируем сказанное примером применения интересного приема установления психологического контакта с несовершеннолетней потерпевшей «в многодетной семье отчим А. практически на глазах малолетних сестры и брата совершал развратные действия, насильственные действия сексуального характера в отношении старшей дочери. В дальнейшем А. неоднократно совершал с ней насильственный половой акт. В ходе допроса потерпевшей стало ясно, что у ребенка существует серьезный психологический барьер в воспроизведении обстоятельств совершенных в отношении ее преступлений. Тогда бабушка потерпевшей предложила внучке рассказать обо всем в письмах к ней. Девочка подробно описала все преступные действия отчима, включая угрозы физической расправы в случае неподчинения. Письма несовершеннолетней потерпевшей с соблюдением требований закона были приобщены к материалам уголовного дела» [11, с. 142–145].

Необходимо отметить, что такой прием установления психологического контакта применим для малолетних детей, кто владеет письмом.

Представляется, что еще одним способом установления и поддержания психологического контакта с малолетним свидетелем и потерпевшим является предварительное общение и проведение допроса в специально оборудованном помещении с близкой ему обстановкой, способствующей снятию напряжения и стресса, более быстрому налаживанию психологического контакта, что в результате способствует получению исчерпывающих и достоверных показаний ребенка.

При работе с малолетними детьми следователю необходимо обладать объемом знаний для составления психологического портрета современного малолетнего свидетеля и потерпевшего, ко-

торый поможет установить психологический контакт, развить в нужном направлении диалог, получить наиболее точные и достоверные показания.

Таким образом, знание и применение допрашиваемым лицом приемов, способов, правил и рекомендаций по установлению психологического контакта с малолетним допрашиваемым будет способствовать получению наиболее исчерпывающих и достоверных показаний по существу расследуемого уголовного дела. Однако в каждом конкретном случае тактические приемы и др. по установлению контакта должны существенно изменяться и дополняться в зависимости от возрастных и психологических особенностей малолетних детей, именно это позволит оказать положительное воздействие на процесс допроса малолетних свидетелей и потерпевших.

Литература

1. Порубов Н.И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Минск: Вышэйшая школа, 1978. 176 с.
2. Лосев Д.М. Некоторые аспекты проблемы психологического контакта при допросе несовершеннолетнего // Проблемы правового статуса личности в уголовном процессе. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. С. 152–154.
3. Глазырин Ф.В. Конспект лекций по судебной психологии. Свердловск: Полиграфист, УрГУ, 1978. 44 с.
4. Дулов А.В., Нестеренко П.Д. Тактика следственных действий. Минск: Вышэйшая школа, 1971. 272 с.
5. Следственные тактика: учебное пособие / отв. ред. И.Ф. Пантелеев. Москва: ВЮЗИ, 1982. 78 с.
6. Сажаев А.М. Тактико-психологические особенности допроса малолетних // Вестник Новосибирского государственного ун-та. 2011. Т. 7. Вып. 1. С. 181–184.
7. Руководство для следователей. Ч. 1 / отв. ред. В.В. Найденов, П.А. Олейник. Москва: Юридическая литература, 1981. 544 с.
8. Губин А.В., Чуфаровский Ю.В. Общение в нашей жизни. Москва: Просвещение, 1983. 83 с.
9. Зорин Г.А. Психологический контакт при производстве допроса. Гродно: Изд-во Гродненского ун-та, 1986. 71 с.
10. Уголовное дело № Х–XXX/10 // Архив районного суда г. Саратова.
11. Павлов С.Ф. Допрос как важный способ собирания доказательств при расследовании преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Следственная практика. 2007. Вып. 173. С. 140–150.

ESTABLISHING PSYCHOLOGICAL CONTACT WITH JUVENILE WITNESSES AND VICTIMS IN ORDER TO OBTAIN EXHAUSTIVE AND RELIABLE TESTIMONY DURING INTERROGATION

Baltykova Z.A.

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

The article is devoted to the peculiarities of establishing and maintaining psychological contact with a minor witness and victim during the preparation and during the interrogation. The subject is the natural relationship between the individual psychological characteristics of the juvenile witness and the victim and the establishment of psychological contact. The purpose of the work is to identify and study effective tactics for establishing contact with a minor interrogator and the possibility of their implementation in the activities of the investigator. The methodological basis is the general scientific dialectical method of cognition; general scientific methods (analysis, observation, abstraction, etc.) and sociological methods (analysis of criminal case materials and questioning of law enforcement officers). The novelty of the research lies in an attempt to form the basic provisions for establishing psychological contact based on the interrelationships between the age, psychological and other characteristics of the juvenile witness and the victim. As a result, it was stated that in each specific case, the recommendations for establishing contact should be significantly changed and supplemented depending on the characteristics of the minor interrogated. The author comes to the conclusion that the investigator's knowledge and use of techniques, methods, rules and recommendations for establishing psychological contact with a minor witness and victim will contribute to obtaining the most exhaustive and reliable testimony.

Keywords: interrogation, testimony, psychological contact, minors, witness, victim.

References

1. Porubov N.I. Scientific bases of interrogation at the preliminary investigation. Minsk: Higher School, 1978. 176 p.
2. Losev D.M. Some aspects of the problem of psychological contact during the interrogation of a minor // Problems of the legal status of a person in criminal proceedings. Saratov: Publishing House of Saratov University, 1981. pp. 152–154.
3. Glazyrin F.V. Lecture notes on forensic psychology. Sverdlovsk: Polygraphist, USU, 1978. 44 p.
4. Dulov A.V., Nesterenko P.D. Tactics of investigative actions. Minsk: Higher School, 1971. 272 p.
5. Investigative tactics: a textbook / ed. by I.F. Panteleev. Moscow: VUZI, 1982. 78 p.
6. Sazhaev A.M. Tactical and psychological features of interrogation of minors // Bulletin of the Novosibirsk State University. 2011. Vol. 7. Issue 1. pp. 181–184.
7. Manual for investigators. Part 1 / ed. V.V. Naydenov, P.A. Oleinik. Moscow: Legal Literature, 1981. 544 p.
8. Gubin A.V., Chufarovskiy Yu.V. Communication in our life. Moscow: Prosveshchenie, 1983. 83 p.
9. Zorin G.A. Psychological contact during interrogation. Grodno: Publishing House of the Grodno University, 1986. 71 p.
10. Criminal case No. X–XXX/10 // Archive of the district court of Saratov.
11. Pavlov S.F. Interrogation as an important way of collecting evidence in the investigation of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual // Investigative practice. 2007. Issue 173. pp. 140–150.

Участие защитника в доказывании по уголовным делам: обобщение международного опыта

Булатова Светлана Вячеславовна,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Институт государства и права, Тюменский государственный
университет
E-mail: S. Photinia@yandex.ru

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу существующих в практике ряда стран подходов к участию защитника в доказывании по уголовным делам. Рассматриваются возможности заимствования отдельных юридических конструкций в целях практической реализации принципов состязательности и процессуального равенства сторон в рамках отечественного судопроизводства. В частности, даётся оценка основным подходам, распространённым в зарубежном правоприменении. Сравняются такие возможные пути реформирования отечественного уголовного судопроизводства как внедрение параллельного «адвокатского расследования» (по типу англосаксонской модели) и установление института «следственного судьи» (что характерно для стран романо-германской правовой семьи). Делается вывод о наиболее перспективном векторе развития российского уголовно-процессуального закона. Утверждается и обосновывается тезис о необходимости движения российского уголовного процесса в сторону разработки собственной специфической модели судостроительства, способной эффективно сочетать в себе позитивный международный опыт и преимущества типов уголовного процесса, сложившихся в зарубежных странах.

Ключевые слова: уголовный процесс, зарубежный опыт, защитник, заимствование права.

Утверждение принципа состязательности и равноправия сторон стало серьезным шагом в реформировании отечественного законодательства в сторону его демократизации. Однако, само по себе провозглашение этих норм без закрепления каких-либо процессуальных возможностей по их практической реализации, можно считать лишь отправной точкой для реформирования уголовно-процессуального закона. И следующим этапом, что логично, должно стать решение задачи по наделению сторон уголовного судопроизводства достаточным объемом прав и обязанностей для исполнения своих процессуальных функций.

В этой связи важнейшим вопросом остаётся дискуссия о правовом статусе защитника, как об отдельном самостоятельном участнике процесса доказывания. И практическом уравнивании возможностей стороны защиты и обвинения не только на стадии судебного разбирательства, но и предварительного расследования.

Данный посыл косвенно заложен самим законодателем в действующих нормах права. Так Конституция Российской Федерации провозглашает, что «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон». Тогда как из положений уголовно-процессуального закона прямо следует, что уголовное судопроизводство включает в себя, как досудебное, так и судебное производство по уголовному делу (статья 5 УПК РФ).

Одним из наиболее очевидных вариантов разрешения сложившейся проблемы видится изучение опыта зарубежных стран. Во-первых, с учетом глобализации и открывшихся в связи со всеобщей цифровизацией возможностей для интернациональной преступности возрастает роль международного сотрудничества. А само по себе собирание доказательств является видом международной правовой помощи, и должно соответствовать общим процессуальным требованиям, в том числе соблюдению критериев состязательности.

Во-вторых, изучение опыта зарубежных стран – это возможность «учиться на чужих ошибках». Критической оценке в ходе сравнительно-правового анализа подвергается не только отечественное законодательство, но и эффективность реализации норм внутри другого государства.

В-третьих, очевидно, что России необходимо стремиться к уровню правового развития зарубежных стран, которые намного дольше существуют в демократической парадигме и признаются в мировом сообществе в качестве образцов соблюдения прав и свобод человека.

При этом необходимо упомянуть, что сама по себе идея изменения подхода к состязательности, опираясь на международный опыт, не нова, однако до настоящего времени этот вопрос остается дискуссионным. Это связано в первую очередь с тем, что многие предложения по развитию права предполагают изменение самой модели отечественного уголовного процесса, сближая ее со странами «общего права». В частности, речь идет о таких предложениях, как введение параллельного адвокатского расследования [1, 32] или устранение требований к процессуальной форме доказательств, получаемых стороной защиты [2, с. 134–136]. Фактически подобный подход провозглашает познавательное равенство сторон в ходе судопроизводства и уравнивание их прав в получении и предоставлении доказательств.

Однако, полагаем, что в данном случае речь идет не столько о получении доказательств, сколько об уравнивании возможностей по собиранию доказательственной информации. Действующее отечественное законодательство под доказательствами понимает сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, которые закреплены в строго определенной процессуальной форме. При этом большая часть доказательств формируется на досудебной стадии в ходе следственных действий.

Тогда как в модель судопроизводства, характерная для стран «общего права», вообще не предполагает образование «готовых доказательств» в ходе предварительного следствия. Моментом формирования доказательства является не момент его процессуального закрепления, что свойственно судопроизводству стран романо-германской правовой семьи, а прохождение им непосредственно судебной проверки в ходе перекрестного допроса. Однако, это само по себе не исключает наличия правил для получения и закрепления доказательственной информации [3, 568–570].

Таким образом практическая состязательность сторон достигается посредством допущения активной познавательной позиции защиты, как в ходе получения собственной доказательственной информации, так и в ходе судебной проверки информации обвинения. В свою очередь, на сторону обвинения не наложены обязанности по обнаружению оправдательной информации. Хотя косвенно должностные лица заинтересованы в ее установлении (и не могут ее игнорировать в случае обнаружения) в целях недопущения предъявления необоснованного обвинения.

Несмотря на очевидные преимущества такой модели (в частности, реальное равенство возможностей сторон), в отечественной науке отношение к введению элементов англо-саксонского уголовного процесса неоднозначное. Как правило, подобные предложения подвергаются жесткой критике. К примеру, оценивая перспективу внедрения альтернативного адвокатского расследования в уголовном процессе, Е.А. Доля выдвигал четыре

основных контраргумента, которые так или иначе отражены и в аналогичных позициях других авторов.

Во-первых, введение «параллельного» расследования само по себе противоречит интересам защиты. Предполагается, что защита не имеет возможности определить, какое доказательство ей получено – обвинительное или оправдательная, и таким образом неосторожно «свидетельствовать» против себя. Во-вторых, фиксируя полученные данные, защитник вынужден отражать их выборочно, закрепляя только оправдательные или смягчающие обстоятельства. В-третьих, подобное расширение прав защитника способствует противодействию расследованию, создавая предпосылки для «нездоровой конкуренции» сторон. В-четвертых, очевидно, что повышение требований к квалификации защитника и его вовлеченности в расследование повлечет, в свою очередь, рост стоимости адвокатских услуг и их недоступность для малообеспеченных слоев населения [4, 84–85].

Не отрицая возможность наступления описанных негативных последствий, все же необходимо взглянуть на них и под иным углом. Так «выборочное» внимание защитника к оправдательной информации – адекватно и является прямым следствием его процессуальной функции. Тогда как сторона обвинения, являясь инициатором уголовного преследования, несет ответственность за ложное обвинение и несправедливое претерпевание подозреваемым и обвиняемым негативных последствий этого. В связи с этим обвинение само по себе заинтересовано в установлении и закреплении как всех обстоятельств события преступления.

По поводу возможностей защитника оценивать информацию на оправдательный и обвинительный потенциал, то эта проблема решается закреплением права на проведение параллельного расследования исключительно за профессиональными адвокатами-защитниками. Зачастую, следователи и адвокаты имеют одинаковое образование и соответственно, один уровень профессиональных знаний, по мысли законодателя необходимых и достаточных для работы, как в одной, так и в другой профессии. В связи с этим, для профессионального адвоката, как и для следователя, оценка доказательства и понимание сути заложенных в нем сведений не должна представлять трудности.

Сама по себе конкуренция сторон – это нормальный признак состязательного типа процесса. «Нездоровый» вид она может приобрести лишь при недобросовестном поведении одной из сторон и отсутствии должного судебного контроля. Однако, презюмировать недобросовестность защитника излишне, поскольку прямо противоречит духу состязательности.

Что же касается стоимости услуг защитников, то и в настоящий момент существует огромный разброс в стоимости услуг адвокатов, обоснован-

ный их опытом и уровнем квалификации. Кроме того, «параллельное» расследование – не является единственной гарантией прав подозреваемого и обвиняемого и ни в коем случае не подменяет собой деятельность государственных органов по установлению обстоятельств совершения преступления [5, 264].

Также необходимо отметить, что при перенимании процессуальных норм, свойственны для англосаксонской правовой семьи, допустима и даже не обходима их адаптация в российских реалиях и объективным возможностям уголовно-процессуальной системы обеспечить их реализацию. К примеру, С.А. Шейфер допуская заимствование норм, обеспечивающих равноправие сторон в доказывание, однако отмечал, что оно допустимо «до определенных пределов, пока такое заимствование не равнозначно изменению типа процесса» [6, 230].

Намного лояльнее в науке воспринимается идея заимствования опыта организации судопроизводства у стран романо-германской правовой системы. Это обосновывается в первую очередь тем, что исторически отечественное право тяготеет к странам континентальной Европы, хотя и имеет некоторые национальные особенности. И в случае избрания в качестве образца модели судопроизводства, действующие в таких странах романо-германской правовой семьи, как Франция и Германия, в отечественном праве значительно изменится и подход к состязательности.

В частности, речь идет о четкой системе разделения функций сторон. Сторона защиты уравнивается в правах со стороной обвинения в том смысле, что последняя также лишается полномочий по собиранию доказательств. Доказывание осуществляется независимым от сторон субъектом, целью которого является установление истины по конкретному уголовному делу. Во Франции и Германии эту процессуальную роль осуществляет Следственный судья, который самостоятельно формирует доказательственную базу из «готовых» доказательств на стадии досудебного производства. Предполагается, что такой независимый участник – является гарантом объективности и всесторонности расследования, что в свою очередь свидетельствует о допустимости, относимости и истинности полученных им доказательств. Таким образом, стороны в равной степени наделяются возможностью предоставлять Следственному судье доказательственную информацию, которую он по своему усмотрению должен проверить и легализовать в качестве доказательства [3, с. 564–567].

Однако, при данном подходе возникают сомнения в практической независимости и объективности такой процессуальной фигуры. Во-первых, он также, как и сторона обвинения представляет государство и единую правоохранительную систему. Во-вторых, при такой модели судопроизводства полностью исключена возможность активной познавательной деятельности защитника, а зна-

чит и ограничены возможности для осуществления защиты, поскольку она вынуждена строиться на доказательствах, которые другой участник судопроизводства субъективно оценивает в качестве необходимых, допустимых и достаточных. Состязательность в этом смысле исключает элемент реального влияния сторон на ход судопроизводства.

С учетом изложенных недостатков, можно сделать вывод, что ни одна из существующих моделей уголовного судопроизводства не является в полной мере приемлемой для принятия ее в качестве ориентира реформирования отечественного законодательства. Однако, это не исключает возможности создания на их основе некой синтетической идеальной модели, которая будет содержать в себе признаки, свойственные для разных правовых систем: сочетание на досудебной стадии судопроизводства активного познавательного равенства сторон и необходимого судебного контроля. Совокупность этих факторов создаст основу для реализации демократических принципов, провозглашенных российским законодательством, а также обеспечит необходимые гарантии как стороны обвинения, так и стороны защиты.

Литература

1. Карякин Е. А. К вопросу о судебных доказательствах в состязательном уголовном судопроизводстве / Е.А. Карякин. – Текст: непосредственный // Российская юстиция. – 2006. – № 4. – С. 31–33.
2. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. Учебное пособие / Лазарева В.А. – Самара: Самарский университет, 2007. – 303 с.
3. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. – 583 с.
4. Доля Е.А. Проект Общей части УПК Российской Федерации: критический анализ // государство и право. 1995. № 5. С. 84–85.
5. Состязательный процесс / Смирнов А.В. – С.-Пб.: Альфа, 2001. – 320 с.
6. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М.: НОРМА, 2009. – 240 с.

PARTICIPATION OF THE DEFENDER IN EVIDENCE IN CRIMINAL CASES: GENERALIZATION OF INTERNATIONAL EXPERIENCE

Bulatova S.V.
Tyumen State University

The article is devoted to a comparative legal analysis of approaches existing in the practice of a number of countries to the participation of a defense counsel in proving in criminal cases. The possibilities of borrowing certain legal structures for the practical implementation of the principles of competitiveness and procedural equality of the par-

ties within the framework of domestic legal proceedings are considered. In particular, an assessment is made of the main approaches common in foreign law enforcement. Such possible ways of reforming domestic criminal justice are compared as the introduction of a parallel "lawyer investigation" (according to the Anglo-Saxon model) and the establishment of the institution of an "investigating judge" (which is typical for the countries of the Romano-Germanic legal family). The conclusion is made about the most promising vector of development of the Russian criminal procedure law. The thesis about the need to move the Russian criminal process towards the development of its own specific model of the judiciary, which can effectively combine positive international experience and the advantages of the types of criminal process that have developed in foreign countries, is affirmed and substantiated.

Keywords: criminal proceedings, foreign experience, defender, legal borrowing.

References

1. Karyakin E.A. On the issue of judicial evidence in adversarial criminal proceedings / E.A. Karyakin. – Text: direct // Russian justice. – 2006. – No. 4. – S. 31–33.
2. Problems of proof in the modern criminal process in Russia. Textbook / Lazareva V.A. – Samara: Samara University, 2007. – 303 p.
3. Criminal procedure law (Criminal process): Textbook for universities / Ed. prof. E.K. Kutueva; scientific ed. and introductory remarks by Prof. V.P. Salnikov; 2nd ed., revised. and additional – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Fund "University", 2019. – 583 p.
4. Share E.A. Draft of the General Part of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: critical analysis // state and law. 1995. No. 5. S. 84–85.
5. Competitive process / Smirnov A.V. – S.-Pb.: Alpha, 2001. – 320 p.
6. Sheifer S.A. Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation. – M.: NORMA, 2009. – 240 p.

Требования законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма к адвокатской деятельности: проблемы правового регулирования

Васягина Марина Михайловна,

канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Средне-Волжского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России) в г. Саранске
E-mail: wasjagina_mmm@mail.ru

Шигуров Александр Викторович,

канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и криминологии Средне-Волжского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России) в г. Саранске
E-mail: arshigurov@mail.ru;

В статье дан критический анализ комплекса обязанностей, возложенных на адвоката в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Авторы критикуют позицию о том, что вышеуказанные нормы имеют приоритет над требованиями адвокатской тайны. В статье обоснованы следующие рекомендации адвокатам. Адвокат не вправе сообщать в Росфинмониторинг о сделках, операциях, которые предположительно или точно совершаются с целью легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма, если сведения о них он получил в ходе оказания юридической помощи. Если преступная цель таких сделок или операций адвокату очевидна, то он обязан отказаться от оказания юридической помощи в данном деле. Адвокат обязан выполнять комплекс обязанностей, связанных с идентификацией, изучением клиентов, организацией внутреннего контроля и т.д., но при этом не вправе передавать данные сведения, документы каким-либо третьим лицам без письменного согласия клиента.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская тайна, терроризм, легализация, отмывание доходов, внутренний контроль.

Эффективное противодействие и предупреждение преступлений террористического характера требует не только скоординированных действий различных государственных органов в направлении выявления, пресечения, раскрытия и расследования совершенных и готовящихся преступлений данной группы, но и принятия комплекса мер, направленных на противодействие финансированию терроризма, а также легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем. Ключевую роль в правовой регламентации данной сферы играет Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ)[1].

С 2004 г. [2] в данный закон закрепил комплекс взаимосвязанных обязанностей адвокатов, если они готовят или осуществляют от имени или по поручению своего клиента операции с денежными средствами или иным имуществом, указанные в п. 1 ст. 7.1 Федерального закона № 115-ФЗ:

- 1) обязанности, связанные с организацией системы внутреннего контроля,
- 2) обязанности, связанные с идентификацией клиентов,
- 3) обязанности, связанные с изучением клиента,
- 4) обязанности по оценке и присваиванию клиенту степени (уровня) риска (высокий – средний – низкий),
- 5) обязанности по применению мер по замораживанию (блокированию) денежных средств, имущества,
- 6) обязанности, связанные с хранением вышеуказанной информации,
- 7) обязанности по наличию и использованию личного кабинета на сайте Росфинмониторинга,
- 8) обязанность по уведомлению Росфинмониторинга о сделках или финансовых операциях, которые осуществляются или могут быть осуществлены в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма,
- 9) обязанности по обеспечению конфиденциальности информации.

За последние годы вышеуказанные обязанности адвокатов в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения были дополнительно регламентиро-

ваны широком круге подзаконных актов. Ключевую роль в данной сфере играют:

- Постановление Правительства РФ от 14 июля 2021 г. № 1188[3], которое конкретизировало требования к правилам внутреннего контроля, подлежащим разработке и исполнению адвокатами (на основании данного акта решением Совета ФПА РФ от 25 января 2022 г. был разработан Проект «Правил внутреннего контроля в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, финансированию распространения оружия массового уничтожения» [4], рекомендованный адвокатам к внедрению в практическую деятельность;
- Постановление Правительства РФ от 6 августа 2015 г. № 804[5] предусмотрело порядок как определения и доведения до сведения адвокатов через их личные кабинеты на официальном сайте Федеральной службы по финансовому мониторингу перечня физических и юридических лиц, причастных к экстремистской и террористической деятельности;
- Постановление Правительства РФ от 29 мая 2014 г. № 492[6] определило следующее квалификационное требование к адвокатам, либо их работникам, которые выполняют функции специального должностного лица, ответственного за выполнение правил внутреннего контроля – прохождение им обучения (повышения квалификации) в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма;
- Приказы Федеральной службы по финансовому мониторингу, конкретизировали содержание и порядок выполнения обязанностей адвокатов в данной сфере[7, 8, 9].

К сожалению, ни один из вышеуказанных актов не решил фундаментальную проблему правового регулирования обязанностей адвоката в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, существующую в сфере соотношения вышеуказанных обязанностей с обязанностями, вытекающими из института адвокатской тайны.

В научной литературе была высказана позиция о том, что при разрешении данного противоречия следует учитывать прежде всего то, что ст. 7.1 Федерального закона № 115-ФЗ принята позднее Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ[10]. Соответственно, в данном случае подлежит применению известный со времен римского права принцип разрешения коллизий между нормативно-правовыми актами «*lex posterior derogat priori*», т.е. позднейший закон отменяет более ранний». С учетом данного принципа адвокаты, выявившие признаки сделок или финансовых операций, которые используются или могут использоваться для легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финанси-

рования терроризма, обязаны игнорировать требования адвокатской тайны и информировать Росфинмониторинг о реальных или предполагаемых незаконных действиях своих клиентов. Поскольку они будут действовать в соответствии с требованиями ст. 7.1 Федерального закона № 115-ФЗ, недопустимо привлечение их к дисциплинарной ответственности за нарушение адвокатской тайны[11, С. 2].

Не соглашаясь с таким толкованием закона, хотим обратить внимание на то, что как в Рекомендациях ФАТФ (№ 16), так и в п. 5 ст. 7.1 Федерального закона № 115-ФЗ для сведений, составляющих адвокатскую тайну, сделано исключение. В частности, Рекомендации ФАТФ предусматривают право адвоката, связанного требованиями профессиональной тайны или профессиональной юридической привилегий, не сообщать в уполномоченный государственный орган о своих подозрениях[12]. В п. 5 ст. 7.1 Федерального закона № 115-ФЗ указано что требования п. 2 данной статьи, касающиеся информирования Росфинмониторинга о подозрительных сделках, не распространяются на сведения, охраняемые адвокатской тайной.

Несмотря на всю ясность последней нормы в научной литературе встречается и неправильное ее толкование. Например, Ю.В. Лысова почитала, что п. 8 ст. 7, п. 5 ст. 7.1 Федерального закона № 115-ФЗ закрепляют положение о неприменении в данном случае правил о коммерческой и иной тайне, охраняемой законодательством[13, С. 64]. Автор, к сожалению, не обратила внимание на противоположные положения вышеуказанных норм. Если п. 8 ст. 7 Федерального закона № 115-ФЗ, действительно, освобождает кредитные организации от обязанностей по соблюдению служебной, банковской, налоговой, коммерческой тайны и тайны связи применительно к сведениям, сообщаемым в Росфинмониторинг в рамках вышеуказанного закона, то у п. 5 ст. 7.1 Федерального закона № 115-ФЗ иное содержание. Здесь, напротив, требование информирования Росфинмониторинга не распространяется на сведения, составляющие адвокатскую тайну.

Аналогичным образом толкуют данную норму и органы адвокатского сообщества[14].

Таким образом, с учетом положений п. 5 ст. 7.1 Федерального закона № 115-ФЗ нормы об адвокатской тайне не отменяются вновь принятым законом, а применяются одновременно с ними. При этом закон устанавливает их приоритетное действие. Следовательно, здесь нельзя говорить о «простой» коллизии двух институтов, которую можно было бы разрешить с учетом принципов приоритета специальной нормы над общей или позднее принятой нормы над ранее принятой. Ситуация более сложная. Фактически оба института действуют одновременно, взаимодействуя друг с другом.

Ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ[15] закрепила настолько широкое пони-

мание адвокатской тайны, что любые сведения, полученные адвокатом от своего клиента, в том числе сведения о нем, планируемых сделках, операциях, обстоятельствах, характеризующих данные сделки и операции, как возможно или очевидно для адвоката осуществляемые с целью легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма, охватываются данным понятием. К адвокатской тайне относятся и сведения, документы о данных сделках, операциях, которые получены адвокатом самостоятельно в рамках оказания юридической помощи клиенту. Освободить адвоката от обязанности хранить данные сведения в секрете может лишь клиент и только в письменной форме.

С учетом вышеуказанных положений, очевидных еще на этапе принятия анализируемого закона, встает вопрос, о каких же сведениях адвокат вправе сообщать в Росфинмониторинг без риска нарушить профессиональную этику и быть привлеченным к дисциплинарной ответственности. Ни в законодательстве, ни в актах органов адвокатского сообщества, ответа на данный вопрос нет.

Возможно, планы законодателя заключались в том, чтобы без согласия адвокатов использовать сведения об операциях, сделках, и клиентах, их готовящих и совершающих, которые адвокаты обязаны собирать и хранить в силу требований ст. 7.1 Федерального закона № 115-ФЗ. Однако, и тут законодательство не содержит ясного механизма вовлечения данных сведений в уголовное судопроизводство.

Урегулированный ст. 450.1 УПК РФ порядок обыска и выемки в помещениях адвокатский образований и иных помещениях, используемых адвокатом в своей профессиональной деятельности, предусматривает возможность производства данных следственных действий, например, для изъятия хранящихся там документов о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших сделки, операции с целью легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма, лишь в ситуации, когда адвокат является соучастником преступления. В отношении такого адвоката должно быть возбуждено уголовное дело или он должен быть привлечен в качестве обвиняемого.

Подводя итог проведенному исследованию, сделаем ряд выводов.

Во-первых, адвокат не вправе сообщать в Росфинмониторинг о сделках, операциях, которые предположительно или точно совершаются с целью легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма, если сведения о них он получил в ходе оказания юридической помощи. Также он не вправе давать показания по данным обстоятельствам без согласия своего доверителя.

Во-вторых, если преступная цель таких сделок или операций адвокату очевидна, то он обязан отказать от оказания юридической помощи в дан-

ном деле, опираясь на положения п. 1 ч. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ. В противном случае, он рискует быть привлеченным к уголовной ответственности в качестве пособника преступления, предусмотренного ст. 174, 205.1 УК РФ. В этом случае хранящиеся у него в адвокатском производстве документы могут быть изъяты в ходе обыска, выемки на основании судебного решения.

В-третьих, в ситуации, когда адвокат отказывается от оказания юридической помощи вышеуказанным клиентам, а также оказывает юридическую помощь клиентам, готовящим или совершающим операции с денежными средствами или иным имуществом, указанные в п. 1 ст. 7.1 Федерального закона № 115-ФЗ, если их преступная цель не очевидна, он обязан выполнять остальные обязанности, связанные с идентификацией, изучением клиентов, организацией внутреннего контроля и т.д., но при этом не вправе передавать данные сведения, документы каким-либо третьим лицам без письменного согласия клиента.

Литература

1. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»: Федеральный закон от 28.07.2004 № 88-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3224.
3. Об утверждении требований к правилам внутреннего контроля, разрабатываемым адвокатами, нотариусами, доверительными собственниками (управляющими) иностранной структуры без образования юридического лица, лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг, аудиторскими организациями и индивидуальными аудиторами: Постановление Правительства РФ от 14.07.2021 № 1188 // СЗ РФ. 2021. № 29. Ст. 5684.
4. Правила внутреннего контроля в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, финансированию распространения оружия массового уничтожения (утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 25.01.2022, протокол № 7) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении Правил определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведе-

ния организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, других юридических лиц, а также физических лиц: Постановление Правительства РФ от 06.08.2015 № 804 // СЗ РФ. 2015. № 33. Ст. 4835.

6. О квалификационных требованиях к специальным должностным лицам, ответственным за реализацию правил внутреннего контроля, а также требованиях к подготовке и обучению кадров, идентификации клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 29.05.2014 № 492 // СЗ РФ. 2014. № 23. Ст. 2982.
7. Об утверждении положения о требованиях к подготовке и обучению кадров организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Приказ Росфинмониторинга от 03.08.2010 № 203 // Рос. газ. 2010. 24 сентября.
8. Об утверждении Рекомендаций по разработке критериев выявления и определению признаков необычных сделок: Приказ Росфинмониторинга от 08.05.2009 № 103 // Финансовая газета. 2009. 24 сентября.
9. О методических рекомендациях по проведению оценки рисков ОД/ФТ организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом и индивидуальными предпринимателями: Информационное письмо Росфинмониторинга от 01.03.2019 № 59 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
11. Анисимов В.Ф., Рудик О.С. Проблемы реализации адвокатской тайны при противодействии легализации (отмыванию) денежных средств // Адвокатская практика. 2013. № 2. С. 2–5.
12. Зубков В.А., Осипов С.К. Международные стандарты в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма: учебное пособие. М.: Юриспруденция, 2010. 367 с.
13. Лысова Ю.В. О правовом статусе кредитных и некредитных финансовых организаций при реализации ими публично-правовых функций // Хозяйство и право. 2020. № 12. С. 64–74.
14. Рекомендации по организации исполнения адвокатами требований законодательства о про-

тиводействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (утв. Советом Федеральной палаты адвокатов 27.09.2007 (протокол № 2)) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

REQUIREMENTS OF LEGISLATION ON COUNTERING THE LEGALIZATION (LAUNDERING) OF PROCEEDS FROM CRIME AND THE FINANCING OF TERRORISM FOR ADVOCACY: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Vasyagina M.M., Shigurov A.V.

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation) in Saransk

The article provides a critical analysis of the complex of duties assigned to a lawyer in the field of countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism. The authors criticize the position that the above-mentioned norms take precedence over the requirements of attorney-client privilege. The article substantiates the following recommendations to lawyers. A lawyer does not have the right to report to Rosfinmonitoring about transactions, transactions that are allegedly or accurately committed for the purpose of legalizing (laundering) proceeds from crime or financing terrorism, if he received information about them in the course of providing legal assistance. If the criminal purpose of such transactions or operations is obvious to the lawyer, then he is obliged to refuse to provide legal assistance in this case. The lawyer is obliged to perform a set of duties related to the identification, study of clients, organization of internal control, etc., but at the same time has no right to transfer this information, documents to any third parties without the written consent of the client.

Keywords: lawyer, attorney-client privilege, terrorism, legalization, money laundering, internal control.

References

1. On countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the Financing of terrorism: Federal Law No. 115-FZ of 07.08.2001 // SZ RF. 2001. No. 33 (Part I). Article 3418.
2. On Amendments to the Federal Law «On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism»: Federal Law No. 88-FZ of 28.07.2004 // SZ RF. 2004. No. 31. St. 3224.
3. On approval of requirements to internal control rules developed by lawyers, notaries, trust owners (managers) of a Foreign structure without the Formation of a Legal entity, persons engaged in entrepreneurial activity in the provision of legal or accounting services, audit organizations and individual auditors: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1188 of 07/14/2021 // SZ RF. 2021. No. 29. St. 5684.
4. Rules of internal control in order to counteract the legalization (laundering) of proceeds from crime, the financing of terrorism, the financing of the proliferation of weapons of mass destruction (approved by the decision of the Council of the Federal Chamber of Lawyers of 25.01.2022, Protocol No. 7) [Electronic resource]. Access from help. – the legal system «Consultant-Plus».
5. On approval of the Rules for Determining the List of Organizations and Individuals in Respect of which there is information about Their Involvement in extremist Activities or terrorism, and bringing this list to the attention of Organizations Carrying out Transactions with Money or Other Property, Other Legal Entities, as well as Individuals: Decree of the Government of the Russian Federation No. 804 of 06.08.2015 // NW RF. 2015. No. 33. St. 4835.
6. On qualification requirements for special officials responsible for the implementation of internal control rules, as well as require-

- ments for the training and training of personnel, identification of clients, client representatives, beneficiaries and beneficial owners in order to counteract the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism and invalidation of certain acts of the Government of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation of 29.05.2014 No. 492 // SZ RF. 2014. No. 23. St. 2982.
7. On the approval of the regulations on the requirements for the training and training of personnel of organizations engaged in operations with money or other property in order to counteract the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism: Order of Rosfinmonitoring dated 03.08.2010 No. 203 // Russian Gas. 2010. September 24.
 8. On approval of Recommendations on the development of criteria for identifying and identifying signs of unusual transactions: Rosfinmonitoring Order No. 103 dated 08.05.2009 // Financial Gazette. 2009. September 24.
 9. On methodological recommendations for conducting an assessment of ML/FT risks by organizations engaged in transactions with cash or other property and individual entrepreneurs: Rosfinmonitoring Information Letter No. 59 dated 01.03.2019 [Electronic resource]. Access from help. – the legal system «ConsultantPlus».
 10. On advocacy and advocacy in the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of 31.05.2002 // SZ RF. 2002. No. 23. St. 2102.
 11. Anisimov V.F., Rudik O.S. Problems of the implementation of attorney-client privilege in countering the legalization (laundering) of funds // Lawyer practice. 2013. No. 2. pp. 2–5.
 12. Zubkov V.A., Osipov S.K. International standards in the field of countering the laundering of criminal proceeds and the financing of terrorism: textbook. Moscow: Jurisprudence, 2010. 367 p.
 13. Lysova Yu.V. On the legal status of credit and non-credit financial organizations in the implementation of their public legal functions // Economy and law. 2020. No. 12. pp. 64–74.
 14. Recommendations on the organization of lawyers' compliance with the requirements of legislation on countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism (approved by the Council of the Federal Chamber of Lawyers on 27.09.2007 (Protocol No. 2)) [Electronic resource]. Access from help. – the legal system «ConsultantPlus».
 15. On advocacy and advocacy in the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of 31.05.2002 // SZ RF. 2002. No. 23. St. 2102.

Правовые споры: особенности разрешения

Зацепин Михаил Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, аналитик отдела научных исследований и международного сотрудничества УрГЭУ
E-mail: mnz-1958@mail.ru

Филиппова Ольга Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, нотариус г. Екатеринбурга
E-mail: ovz24@ya.ru

Зацепин Александр Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права УрГЭУ
E-mail: tp0507@ya.ru

Пермяков Максим Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: pmv0929@yandex.ru

Конфликты, споры, противоречия, межклассовый конфликт... Эти понятия, возникшие на протяжении веков между социальными классами, а также группами людей, всегда присутствовали в обществе. Однако не все конфликты можно отнести к социальным конфликтам, так как существуют различные методологии, классификации и особенности конфликта как явления человеческой жизни. Л. Кезер, Р. Дарендорф и К. Боулдинг сосредоточили внимание в своих работах на разрешении юридических споров, что является совершенно новой областью современной социологии.

Разрешение юридических споров – новое направление исследований в рамках юриспруденции, которое оформляется под влиянием стремления развития конфликтологии – отрасли науки, занимающейся изучением социальных конфликтов (их природы и причин, функций, видов, способов регулирования). Обзор наиболее распространенных способов разрешения правовых споров (альтернативных методов и правовых средств) свидетельствует о том, что все способы основаны на специфических особенностях национальной государственно-правовой системы, поскольку правовой спор возникает только в результате нарушения или несоблюдения юридические стандарты. Обсуждение данного вопроса указывает на отличие социальных конфликтов от правовых споров, разрешение которых осуществляется с участием государственного учреждения, выступающего в качестве третьей стороны. Такой институт может либо защищать сторону, чьи интересы и социальный статус были затронуты другой стороной в конфликте, либо такой институт может выступать в качестве арбитра (медиатора), вынося единогласное решение по итогам рассмотрения всех претензий и мнения сторон, опираясь на верховенство права и Конституцию.

Ключевые слова: юриспруденция, разрешение конфликта, спор, коллизия права, правоотношение, социальный статус, посредничество, арбитраж, нейтральная оценка, примирение, компромисс, беспристрастная сторона, посредник, эксперт, конфликт.

When it comes to the concept of resolution of legal disputes, the concept of legal dispute can be considered assuming that this branch of knowledge (i.e. resolution of legal disputes) focuses on all the processes, sources and development of legal disputes, including legal arrangements for their resolution and their origins.

Resolution of legal disputes is a new avenue of research within jurisprudence, which is being formalized under the influence of the ambitious development of conflict resolution – a branch of science that focuses on social conflicts (their nature and causes, functions, types, ways to regulate and solve them) [2].

Considering a legal conflict, like any other social conflict, its internal construction should be noted, i.e. its constituent elements ordered and organized in a certain way.

Speaking about the structure of a legal conflict, many researchers proceed from the fact that this phenomenon is a specific conflict and opposing relationship between certain categories of participants, both individuals and legal entities.

As for its structure, a legal conflict can be defined as consisting of four main and mandatory constituent elements, both objective and subjective ones, namely: an object, a subject, objective and subjective sides.

The object of a conflict is primarily what subjects' counteractions are directly aimed at, what they actually oppose. In turn, inseparably from the object of a legal conflict, it is necessary to determine the subject of a conflict – this is an underlying contradiction.

Based on this, it seems appropriate to single out the following stages of the formation of the object of a conflict:

- 1) the emergence of interest in one object in two or more subjects of a possible conflict;
- 2) the object becomes a "stumbling block", i.e. the intersection of incompatible interests of several subjects of a possible conflict;
- 3) a conflict over an object that is used by (at the disposal of) one of the parties, and this object becomes the object of a real conflict.

The object of a legal conflict should be primarily understood as a potential object – these are social relations falling under the legal regulation, at which the confrontation of conflicting parties is aimed, as well as a real object – these are values, resources, status, states and other values and benefits, at which the confrontation of conflicting parties is aimed.

The subjects of a conflict are recognized as persons (individuals and legal entities) who are in direct confrontation, committing acts (actions or inaction) directed against a potential rival. The subjects of a legal conflict can be individuals and legal entities, collective entities, public authorities, administrative-territorial

and municipal entities, as well as the state as a whole. Subjects of a legal conflict must have:

1. legal personality, which includes legal capacity (the ability to have rights and obligations),
2. mental capacity (the ability to acquire, exercise, change and terminate rights and obligations by one's own actions),
3. delinquency (the ability to be responsible for one's own actions).

Along with the objective side expressed by the act either in the form of an action or inaction, the subjective side is also distinguished in a legal conflict, which is characterized by a certain sequence of socio-psychological processes that lead the subjects of a conflict situation to motivational confrontation.

The cause of a conflict (its basis) is usually presented by various kinds of interests, the needs of individuals in satisfying their desires, and the consequence is the subject's volitional and intellectual factor in the implementation of his intentions.

Thus, the motivational process in conflict includes as follows:

1. motive formation based on the interest that has arisen;
2. determination by the subject of the goal and method of implementing his intention;
3. making a decision to carry out a conflict act.

In addition, it should be noted that the subjective side of a conflict is primarily associated with its motivation. An integral characteristic of a conflict is its external, behavioral feature, a special system of opposing acts of the parties to a conflict. The objective side of a conflict lies in the nature of actions of its subjects. Its obligatory elements are the oppositely directed acts of the subjects of a conflict, the consequence of which is the damage caused.

The confrontation of subjects of a conflict can take various kinds of behavioral forms. In terms of the wording of legal rules, the conflict behavior of the subjects of confrontation can be legally significant and legally neutral, therefore, legally significant acts can be lawful and illegal, as well as lawful in some aspects and illegal in others, i.e. they may have a mixed gradation order. That is why in every legal conflict there must be a legal assessment of acts.

As a special kind of social conflict, a legal conflict is distinguished by the fact that it reflects the legal essence of reality, reveals legal gaps and contradictions existing in society, thereby it can reflect deformations of legal reality, point to defects and shortcomings in the legal system, imperfection of legislation and judicial practice, reveal an imbalance in the organization and functioning of state-legal institutions.

A conflict may also help identify problematic points in the legislation, in the context of non-regulation of the competition of the rules of law, as well as inconsistencies between the rules of law and reality. A legal conflict can thus be an activator, a driving force of social and state changes.

In addition, it should be noted that a legal conflict may have both a positive and a negative impact on the process of formation and improvement of the legal

cluster of the Russian statehood. The result of confrontation between the conflicting parties can be either the creation of a new state-legal institution, the transformation (updating) or the liquidation of an existing one, which have been repeatedly observed in the historical aspect of Russia.

Many legal conflicts can be resolved by such methods of managerial influence as the suspension and repeal of an act, which also changes the legislation. In some cases, legal conflicts may express the fair claims of subjects of law for a new legal order, in other words, be a positive phenomenon and have positive functions. A constructive attitude to conflicts implies a differentiated approach to their analysis, and not just taking measures to prevent or suppress them.

The conflictological literature offers a variety of options for classifying social conflicts on various grounds. These classifications may also be applied to legal conflicts.

Thus, depending on the composition of participants, it is customary to allocate as follows:

Legal conflicts differ by branch of law, as they are associated with various areas of law: administrative, civil, labor, family, financial, criminal law. There are mixed conflicts that simultaneously relate to several branches of law at once: for example, conflicts related to the sphere of administrative and labor law, labor and civil law.

Conflicts related to the sphere of criminal, criminal procedure and corrective labor law are certainly the most popular and dangerous for society, although their number is less than the number of conflicts related to civil, administrative and family law. A special place is occupied by interethnic conflicts related to the rules of international law.

Along with the classification of legal conflicts by branches of law, other options of typology of this type of conflicts are possible, which can be identified on multiple grounds: by structure of the rule relating to the conflict; by type of law enforcement agency; by nature of the connection with the mechanism of legal regulation; by form of exercising the right; by nature of dominant motives; by nature of conflict actions.

Conflicts that arise in the course of activities of the system of law enforcement and law protection agencies are related to the work of the prosecutor's office, the court, the police and security agencies. As is known, the work of law protection agencies is not immune from mistakes, incompetence and abuse of authority.

Conflicts can also arise between individual law protection and law enforcement agencies, for example, between the bar and investigating authorities. Due to the inconsistency of rules, legal and regulatory conflicts may arise. One can distinguish the contradictions between two or more statutory regulations (for example, between laws of the federal subjects of the Russian Federation and the Constitution of the Russian Federation), the rules of law and law enforcement practice, between several law enforcement acts. Differences in the understanding of legal rules may also serve as a pretext for conflicts between federal state

authorities and public authorities of the federal subjects of the Russian Federation.

Legal disputes should be perceived not only as social conflicts in public life, but also as a basis for the necessary improvements in existing laws, which will strengthen the legal and regulatory framework and which, accordingly, will have a significant positive impact on society. Being improved and integrated in all segments of public life, laws and regulations will be able to address and touch upon any social conflicts, since relevant adjustments in their components will contribute to the development of the government system.

There are many definitions of the legal dispute concept. By combining existing definitions and identifying their essence, the concept of legal dispute can be defined as follows:

A legal dispute is a conflict between legal persons whose arguments on a particular issue are opposed and grossly violate the interpretation of the law. Therefore, a legal dispute is attributed to laws, rules and legal relationships, and it has legal implications. A legal dispute emerges amidst social interactions, and it is solved by resorting to interplaying legal arrangements intended to overcome and eliminate conflicts between legal persons, with their social statuses being the subject of such dispute.

As in case of various disagreements within society, legal disputes are solved in different ways, including alternative and legal means.

Alternative ways involve resolution of legal disputes out of courts, particularly through mediation, arbitration (arbitral tribunal) [8], neutral evaluation, conciliation procedures, compromise. Considering alternative ways of resolving legal disputes, attention should be drawn to mediation as the mildest form of resolving legal disputes [3]. This way a conflict is resolved through involvement of an impartial third party, otherwise known as a mediator. Federal Law No. 193-FZ "On Alternative Dispute Resolution Procedure With the Involvement of a Mediator (Mediation Procedure)" officially recognized this concept. Aside from mildness of the conflict resolution procedure, mediation has another feature distinguishing it from other ways of resolving legal disputes. In case of mediation, conflicts are resolved without involvement of state authorities, and parties may resort to this method only if they wish to do so intending to remain in good relationship with each other.

Arbitration is seen as a method of resolution only in situations where the parties are willing to have their conflict resolved by a third party, while avoiding the unnecessary litigation expenses. Put differently, arbitration is referred to as a peace treaty or, as T.V. Khudoykina calls it, "settlement agreement", explaining that it is "the expression of the parties' will, in the form of a contract, on the terms of conflict resolution based on mutual concessions". Arbitration and mediation [4], which involve reviewing the case on a neutral basis, are more common ways of resolving legal disputes. However, the timing of arbitration is much longer than that of mediation, since legal persons, sole proprietors

and local governments are also involved in the resolution of the conflict in addition to state authorities. The arbitral tribunal conducts both pre-arbitral resolution and the arbitral proceedings. The latter take place only when the parties to the conflict have been unable to reach a final solution. In this situation, the conflict will not be solved without the involvement of an impartial third party, as in the situation of mediation.

In case of neutral evaluation, all parties state their arguments to a neutral party, which, in turn, after processing all the given information and relying on the parties' strong arguments, makes a decision as an expert. This method is used when the case should be really considered by a high-end professional with in-depth knowledge of the conflict.

Conciliation procedures, which also may be used to resolve conflicts, rely on case consideration where parties come together to a common solution. This method translates into a kind of voluntary involvement in making a decision, which results in reconciliation, does not rule out the eventual equality, as well as the continued cooperation of the parties with each other, keeps information about the outcome of the case (reconciliation) confidential [5].

Compromise, as one of the alternative methods of resolving legal disputes, is not particularly popular as other methods. Compromise is an option that may be relied on in situations that do not involve serious problems and conflicts, where the problem does not mean that much to the parties, or does not bring major changes for any party to the process, and when settlement of a dispute does not cause concern to any of the parties.

Summarizing the most common methods of alternative dispute resolution suggests that the most appropriate and effective alternative method to resolve legal disputes should be the one that best meets the interests of the disputing parties and which is most appropriate in a particular situation [6].

Let us focus on legal means of resolving legal disputes [7], which are more common compared to most alternative methods. As already mentioned, alternative dispute resolution does not involve resorting to a court, so let's focus on the judicial part of this issue. The legal means to resolve legal disputes include litigation (legal assessment), assignment of rights, conciliation, as well as the involvement of mediators (mediation) and negotiations.

Legal proceeding is perhaps the more weighty part of the issue, since sometimes it involves the criminal procedure as well. Legal proceeding also relies on resolving not just a legal dispute, but a criminal case between the parties to the dispute (the defendant and the prosecution).

The assignment of rights legally implies the transfer of debt-related receivables, that is the assignment of specific rights, to a third party. This concept is discussed in detail in Article 388 (Receivables Assignment Requirements) of the Civil Code of the Russian Federation.

Conciliation, which also refers to alternative dispute resolution methods, is also a proper method to settle

most legal and international disputes. Since this method applied to international disputes, this suggests that the question of law is directly involved. To prove this, let us refer to the Law on International Commercial Arbitration (Articles 1–6).

Just like conciliation, involvement of mediators (mediation) refers to alternative dispute resolution, as suggested in the Federal Law “On Alternative Dispute Resolution Procedure with the Involvement of a Mediator (Mediation)”, as well as in the Labor Code of the Russian Federation (Article 403 “Consideration of a Labor Dispute with the Involvement of a Mediator”). Such references directly suggest that this method of dispute resolution can apply to international relations and employment issues. That is why involvement of mediators also constitutes the legal means of resolution, since such relations are regulated by law.

Negotiation is a discussion without the involvement of a third party, because it entirely focuses on both parties reaching a common decision that will satisfy them both. This method is the easiest way to deal with a legal dispute, because it does not entail actions that hurt any party, with the only purpose to settle a legal dispute amicably.

Therefore, review of the most common ways of resolving legal disputes (alternative methods and legal means) suggests that all methods are based on specific features of the national government and legal systems, because a legal dispute results only from violations of or failure to comply with the legal standards. Discussion of this issue points out to the differences between social conflicts and legal disputes, with the latter being resolved with involvement of government institution acting as a third party. As discussed above, such institution can either defend the party whose interests and social status have been affected by the other party to the conflict, or such institution can act as

and arbitrator (mediator), making a unanimous decision following the review of all the claims and opinions of the parties, relying on rule of law and the Constitution.

LEGAL DISPUTES: SPECIFIC NATURE OF RESOLUTION

Zatsepin M.N., Filippova O.V., Zatsepin A.M., Permyakov M.V.

USUE; Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

Conflicts, disputes, contradictions, inter-class conflict ... These concepts, which have arisen over the centuries between social classes as well as groups of people, have always been present in the society. However, not all conflicts can be referred to as social conflicts, as there are various methodologies, classifications and features of conflict as a phenomenon of human life. L. Koeser, R. Dahrendorf and K. Boulding focused in their writings on resolution of legal disputes, which is an entirely new area of contemporary sociology [1].

Keywords: Jurisprudence, conflict resolution, controversy, conflict of laws, legal relationship, social status, mediation, arbitration, neutral evaluation, conciliation, compromise, impartial party, mediator, expert, conflict.

References

1. Abdullayev, M.I. “Government and Legal Theory”, Textbook 2004
2. Starygina, P. S. “Resolution of Legal Disputes as a New Focus Area of Social and Legal Research”, *Mariysky Yuridichesky Vestnik*, Issue 7, 2009
3. Salimzyanova, R.R., Sabirova, L.L. “The Concept and Essence of Mediation”, 2012
4. Gatiyatullin, A.R. “Alternative Ways of Resolving Legal Disputes”, 2021
5. Torbina, K.G. “Alternative Ways of Resolving Legal Disputes”, 2021
6. Kuzina, V.I. “Concept, Distinctive Features, Advantages and Disadvantages of Alternative Dispute Resolution”, 2012
7. Adygezalova, G.E., Ohanyan, A.E. “Legal Means to Resolve Property Law Conflicts under the Twelve Tables,” 2021
8. Permyakov, M.V. Problems with Efficiency of the Legal Proceeding Principles in Arbitration / M.V. Permyakov, E.V. Morozova, O.N. Khodasevich // *Eurasian Law Journal*, No. 6, 2021. P. 363–364.

Судебно-экспертное исследование операций по использованию бюджетных средств: вопросы классификации

Зубков Дмитрий Денисович,

аспирант, кафедра судебной экспертизы, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: gezhez@mail.ru;

В статье исследуются вопросы научной классификации судебной экспертизы с целью определения места судебно-экспертных исследований операций по использованию бюджетных средств. Рассмотрены существующие теоретические проблемы в области научной классификации. Проведен анализ научной литературы в области теории судебной экспертизы, посвященной научной классификации судебных экспертиз. Обозначены основные теоретические и практические проблемы в области судебной экономической экспертизы. С учётом обоснованных предложений учёных в области теории судебной экспертизы и сложившейся судебно-экспертной практики, выделены основные достоинства и недостатки подходов к решению существующих теоретических проблем. С учётом проведенного исследования выделены основные роды судебно-экономической экспертизы и определено место судебно-экспертных исследований операций по использованию бюджетных средств.

Ключевые слова: специальные экономические знания; судебно-экспертное исследование операций по использованию бюджетных средств; специальные знания в области бюджетного контроля и регулирования; классификация судебных экспертиз; судебная экспертиз.

Согласно информации с официального сайта Счетной Палаты за 2020 год было выявлено 3698 нарушений в сфере использования бюджетных средств общей суммой 355, 5 млрд рублей. При этом, по результатам проверок Счетной палаты было возбуждено всего 32 уголовных дела, а государству был возмещен ущерб в размере 142 млн рублей[19].

При этом рассмотрение указанных категорий уголовных дел не может обойтись без исследования операций по использованию бюджетных средств на основе специальных знаний сведущих лиц, в том числе и в форме судебной экспертизы. Это обуславливает необходимость разработки конкретных практических рекомендаций, методик судебных экспертиз, назначаемых по уголовным делам в сфере неправомерного использования бюджетных средств.

Вместе с тем, разработка конкретных практических рекомендаций невозможна без решения соответствующих теоретических проблем, возникающих в судебно-экспертной науке.

Одной из таких проблем является проблема классификации судебных экспертиз, существующих на данный момент, что является существенным для определения предмета, метода и задач отдельных родов судебно-экономической экспертизы, назначаемых по делам о преступлениях в сфере бюджетных правоотношений.

В судебно-экспертной науке проблемам классификации экспертиз посвящены работы таких авторов как Зинин А.М.[7], Майлис Н.П.[7], Аверьянова Т.В.[1], Аминев Ф.Г.[2], Шляхов А.Р.[8]. и другие.

В работе Шляхова А.Р. «Классификация судебных экспертиз и типизация их задач» [8] была предложена утвердившаяся на данный момент система уровней научной классификации судебных экспертиз, включающая в себя: классы, роды, виды, подвиды.

Несмотря на общепризнанность данной концепции системы уровней научной классификации судебных экспертиз, указанная система обладает существенными недостатками.

По мнению Россинской Е.Р., классы судебных экспертиз определяются характером специальных знаний, лежащих в их основе, которые, в свою очередь, постоянно подвергаются процессу интеграции и дифференциации научного знания[13].

Е.Р. Россинская полагает, что первичным звеном в классификации судебных экспертиз выступает именно род судебной экспертизы, отмечая при этом, что класс судебной экспертизы пред-

ставляет собой наиболее развивающуюся категорию, зависящую от интеграции и дифференциации специальных знаний [13, с.123].

Обращаясь к судебной-экспертной и судебной практике, практике правоохранительных органов, следует отметить, что судебная экспертиза по делам о преступлениях в сфере бюджетных правоотношений требует, прежде всего, применения знаний экономического характера. Данное обстоятельство обусловлено тем фактом, что вопросы распределения и использования государственных финансов подробнейшим образом регламентированы бюджетным законодательством Российской Федерации, закрепляющим отражения указанных процессов в целом ряде документов государственных органов и бюджетных учреждений.

Традиционно, в рамках системы научной классификации судебных экспертиз, предложенной Шляховым А.Р., такими учёными как Тимченко В.А. [16], Россинская Е.Р. [13], судебная-экономическая экспертиза рассматривается как класс судебных экспертиз, в основе которой лежат специальные знания в области бухгалтерского учёта, бухгалтерской отчётности, налогового учёта и налоговой отчётности, бюджетно-кредитного регулирования, финансового контроля.

Обобщая положения различных учёных в области теории судебной экспертизы, таких как Аверьянова Т.В. [1], Россинская Е.Р. [13], Тимченко В.А. [16], Аминев Ф.Г. [2] можно выделить основные черты этого класса судебных экспертиз, отталкиваясь от предметов, объектов и задач родов этих экспертиз.

Так, судебная-экономическая экспертиза представляет собой класс судебных экспертиз, обладающих спецификой предмета, объекта и задач экспертного исследования, в основе которых лежат специальные знания в области бухгалтерского учёта и отчётности, бюджетного контроля и регулирования, финансово-кредитных отношений, банковских отношений, налоговых отношений, а также прикладных экономических наук.

Рассматривая следующие звенья классификации судебных экспертиз, применительно к классу судебных-экономических экспертиз, отметим проблему неоднородности классификации судебных экспертиз как в научной литературе, так и ведомственных нормативных актах, отражающих перечень судебных экспертиз, проводимых в соответствующих государственных судебной-экспертных учреждениях.

В Приказе МВД РФ от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» к числу экономических экспертиз, проводимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел, относятся бухгалтерские, налоговые, финансово-аналитические и финансово-кредитные экспертизы [5].

В приказе Министерства юстиции РФ от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня

родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» к числу судебно-экономических экспертиз относят судебно-бухгалтерские и финансово-экономические экспертизы [11].

Перечень судебных экспертиз, выполняемых в судебно-экспертных учреждениях, находящихся при Следственном комитете РФ вытекает из ряда таких ведомственных нормативных актов, как Приказ СК России от 24.07.2020 N 77 «Об утверждении Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации на право самостоятельного производства судебных экспертиз» [12]. Согласно данному источнику, в экспертных учреждениях Следственного Комитета Российской Федерации, к числу судебно-экономических экспертиз относят бухгалтерские, налоговые и финансово-экономические (финансово-аналитические) экспертизы.

В науке также не сформировано четкого подхода к классификации судебно-экономических экспертиз, что, по мнению Савицкого А.А. противоречит основным принципам судебной-экспертной деятельности [14].

Для решения этой проблемы и дальнейшего рассмотрения вопросов, относящихся к предмету исследования, необходимым представляется выделение конкретных родов судебной экспертизы и четкого их разграничения, базируясь на судебной-экспертной практике и научном классифицировании судебно-экономических экспертиз.

Савицкий А.А. [14] и Вахидов С.Т. [4] предлагают выделять в качестве родов судебно-экономической экспертизы финансово-экономическую и судебно-бухгалтерскую экспертизу. Кроме того, Савицкий А.А. предлагает рассматривать в этой связи финансово-экономическую экспертизу в качестве рода экспертизы, а финансово-аналитическую, финансово-кредитную и налоговую экспертизу в качестве видов судебной экспертизы в рамках этого рода [14, с.7].

Тимченко В.А. в своих работах полагает, что «понятие финансово-экономической экспертизы некорректно, так как финансы представляют собой часть экономики, в связи с этим обозначенный род судебной экспертизы следует именовать судебно-финансовой» [16, с.4] и полагает, что в класс судебных экономических экспертиз должны включаться следующие роды: судебная бухгалтерская экспертиза; судебная оценочная экспертиза; судебная кредитная экспертиза; судебная финансовая экспертиза; судебная финансово-аналитическая экспертиза. При этом, судебная финансовая экспертиза должна включать следующие

щие виды: судебная экспертиза государственных и муниципальных финансов; судебная экспертиза финансов государственных внебюджетных фондов; судебная налоговая экспертиза; судебная страховая экспертиза; судебная экспертиза операций на рынке ценных бумаг; судебная экспертиза валютных операций; судебная экспертиза внешнеэкономических операций, подлежащих таможенному регулированию.

Выражая согласие с отдельными аспектами приведенной классификации, представляется необходимым отметить следующее.

Финансы, с юридической и экономической точек зрения в работах таких ученых как О.А. Школик, представляют собой систему перераспределительных денежных отношений, имеющих в качестве своей цели формирование денежных фондов[18]. При этом, как в доктрине финансового права, так и в экономической науке финансы классифицируются на публичные и частные. И, если публичные финансы, занимая главенствующее положение в обществе, характеризуются наличием публичного интереса, то частные финансы, которые образуются частными субъектами, распределяются и расходуются ими по их же усмотрению.

Следовательно, с учётом неоднородности финансов, мы полагаем, что судебную финансовую экспертизу целесообразно разделять на два основных вида, в зависимости от того какая из указанных групп финансов анализируется в рамках судебной экспертизы. Таким образом, судебную финансовую экспертизу можно разделить на два вида: судебную экспертизу публичных финансов и судебную экспертизу частных финансов.

Также, выражая согласие с позициями Тимченко В.А., мы полагаем, что судебную налоговую экспертизу следует в этой связи рассматривать как подвид судебной экспертизы публичных финансов, ввиду того, что налоги по смыслу налогового законодательства выступают отдельным элементом государственных, то есть публичных, финансов.

Далее, отмечая тот факт, что в научной литературе, под финансовым анализом такими учёными как Крылов С.И. понимается «вид экономического анализа, связанный с исследованием финансовых результатов и финансового состояния организации» [9, с.2], следует отметить, что финансово-аналитическая экспертиза может рассматриваться как подвид одного из обозначенных видов экспертизы. При этом, принадлежность данного подвида каждому из видов указанных выше определяется конкретной группой финансов, которыми распоряжаются те или иные субъекты финансово-хозяйственной деятельности и которые исследуются в рамках судебной экспертизы.

Кроме того, следует обратить внимание также на тот факт, что кредит, с экономической и, прежде всего, с финансовой точки зрения представляет собой, по мнению таких ученых как А.Н. Лепихов[10], технологию удовлетворения заявленной заёмщиком финансовой потребности. Следова-

тельно, кредит представляет собой определённую финансовую категорию. Исходя из системного анализа правовых норм, содержащихся, в частности, в гражданском законодательстве и бюджетном законодательстве, можно сделать вывод о том, что кредит как финансовая категория может находиться как в системе частных (удовлетворяя финансовую потребность физических лиц и частных юридических лиц), так и в системе публичных финансов (выступая как бюджетный кредит), что позволяет рассматривать кредитную экспертизу как подвид судебной экспертизы частных финансов, так как исследование бюджетного кредитования осуществляется в рамках экспертизы государственных и муниципальных финансов.

Рассматривая принадлежность страховой экспертизы к конкретным родам и обозначенным видам судебной экспертизы следует отметить, что под страхованием в гражданском законодательстве понимаются «отношения по защите интересов физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при наступлении определенных страховых случаев за счет денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счет иных средств страховщиков». Учитывая материалы экспертной практики и выражая согласие с мнением Сарыгиной Э.С.[15], которая полагает, что в рамках экспертизы финансов страховых организаций исследуются процессы формирования, движения и изменений экономического продукта (экономических операций), представляется что страховая экспертиза может быть отнесена к виду судебной финансовой экспертизы.

В соответствии со ст. 927 Гражданского Кодекса РФ страхование по своей природе может быть как добровольным, так и обязательным[6]. При этом, страховщиками при добровольном страховании выступают коммерческие организации, получившие лицензию на осуществление страховой деятельности в соответствии с законодательством РФ. Страховщиками же при обязательном страховании выступают государственные внебюджетные фонды. Таким образом, страховую экспертизу можно отнести к виду судебной экспертизы частных финансов, так как операции по обязательному страхованию, по нашему мнению, исследуются в рамках обозначенной Тимченко В.А. судебной экспертизы финансов государственных внебюджетных фондов.

Рынок ценных бумаг, по смыслу гражданского законодательства и по мнению таких авторов как О.А. Школик [18], выступает определенным видом финансового рынка, в котором обращающимися активами выступают ценные бумаги. Системный анализ норм бюджетного и гражданского права позволяет сделать вывод о том, что эмитентами ценных бумаг выступают как частные, так и публичные структуры. Таким образом, при отнесении судебной экспертизы рынка ценных бумаг к конкретному виду судебной финансовой экспер-

тизы следует учитывать то, кто является эмитентом ценных бумаг и, соответственно, какая из финансовых систем задействована в этом процессе.

Кроме того, принимая во внимание положения бюджетного кодекса о структуре бюджетной системы, а также о характере бюджетного процесса, связанного с образованием, распределением и расходованием бюджетных средств мы полагаем, что целесообразно объединить выделяемые Тимченко В.А. такие виды экспертиз как судебную экспертизу государственных и муниципальных финансов и судебная экспертиза финансов государственных внебюджетных фондов в один вид: финансово-бюджетную экспертизу.

Таким образом, представляется, что на данный момент существуют три основных рода судебно-экономической экспертизы: судебно-бухгалтерская, судебная финансовая и оценочная. При этом, судебная финансовая экспертиза в свою очередь подразделяется на следующие виды: судебная экспертиза публичных финансов и судебная экспертиза частных финансов.

В рамках судебной экспертизы публичных финансов выделяются следующие подвиды: финансово-бюджетная экспертиза; судебная экспертиза операций на рынке государственных (муниципальных) ценных бумаг; судебная экспертиза валютных операций публично-правовых образований и организаций с государственным участием; судебная экспертиза внешнеэкономических операций публично-правовых образований и организаций с государственным участием, подлежащих таможенному регулированию; финансово-аналитическая экспертиза организаций с государственным участием.

В рамках судебной экспертизы частных финансов выделяются следующие подвиды: судебная экспертиза операций на рынке ценных бумаг; судебная экспертиза валютных операций; судебная экспертиза внешнеэкономических операций, подлежащих таможенному регулированию; судебная страховая экспертиза; финансово-аналитическая экспертиза; судебная кредитная экспертиза.

Принимая во внимание специфику объектов судебно-экспертного исследования операций по использованию бюджетных средств, с учётом предложенной нами классификации полагаем, что такое исследование осуществляется в рамках двух родов судебно-экономической экспертизы: судебно-бухгалтерской и судебной финансовой. При этом такое исследование в рамках рода судебной финансовой экспертизы относится к подвиду финансово-бюджетной экспертизы вида судебной экспертизы публичных финансов.

Литература

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: Курс общей теории: Монография/Аверьянова Т. В. – М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 480 с.
2. Аминев Ф.Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.12.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Частные криминалистические теории. В 3-х томах. Т. 2. – М.: Юристъ, 1997. – 464 с.
4. Вахидов С.Т. Судебная финансово-кредитная экспертиза: предмет, объект, задачи // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина 2018 С. 162–168
5. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации): приказ МВД РФ от 29.06.2005 № 511 (ред. от 11.10.2018). [Электронный Ресурс]. – Режим Доступа: <http://www.consultant.ru>;
6. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) [Электронный Ресурс]. – Режим Доступа: <http://www.consultant.ru>;
7. Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза. Учебник. – М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002;
8. Классификация судебных экспертиз: Учеб. пособие / А.Р. Шляхов. – Волгоград: Высш. следств. школа, 1980. – 73, с.;
9. Крылов С.И. Финансовое состояние коммерческой организации как объект финансового анализа// Финансовая аналитика: проблемы и решения № 3(15)-2009 -С. 60–65
10. Лепихов А.Н. Кредитный портфель коммерческого банка, его содержание и значение // Актуальные Аспекты инновационного экономического и юридического развития в условиях роста напряженности вокруг России: материалы Межвузовской научно-практической конференции, – г. Ростов-на-Дону, 2015, – Издательство: Индивидуальный предприниматель Беспамятников Сергей Владимирович (Ростов-на-Дону) – С. 24–28
11. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: приказ Министерства юстиции РФ от 27.12.2012 № 237 [Электронный Ресурс]. – Режим Доступа: <http://www.consultant.ru>
12. Приказ СК России от 24.07.2020 N 77 «Об утверждении Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации

экспертов федерального государственного казенного учреждения Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации на право самостоятельного производства судебных экспертиз» [Электронный Ресурс]. – Режим Доступа: <http://www.consultant.ru>

13. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография / Е.Р. Россинская. – 4-е изд., доп. – М.: Норма, 2019. – 736 с.;
14. Савицкий А.А.. Актуальные проблемы назначения и производства судебных финансово-аналитических экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина 2018 С. 94–102.
15. Сарыгина Э.С. Судебная финансово-экономическая экспертиза: теоретические и организационно-методические аспекты. Автореферат дис... к-та юрид. наук. М.: Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, 2017. 30 с.
16. Тимченко В.А. Классификация судебных экономических экспертиз в современных условиях// Вопросы Экспертной Практики 2019 С. 643–646.
17. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс
18. Школик, О.А. Финансовые рынки и финансово-кредитные институты: учеб. пособие / О.А. Школик; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд во Урал. ун-та, 2014. – 288 с.
19. <https://ach.gov.ru/> (дата обращения: 12.09.2021).

FORENSIC RESEARCH OF FUNDS OPERATIONS: CLASSIFICATION ISSUES

Zubkov D.D.

Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky

The article examines the issues of scientific classification of forensic examination in order to determine the place of forensic expert research of operations on the use of budgetary funds. The existing theoretical problems in the field of scientific classification are considered. The analysis of scientific literature in the field of the theory of forensic examination, dedicated to the scientific classification of forensic examination. The main theoretical and practical problems in the field of forensic economic expertise are outlined. Taking into account the well-grounded proposals of scientists in the field of the theory of forensic examination and the prevailing forensic practice, the main advantages and disadvantages of approaches to solving existing theoretical problems are highlighted. Taking into account the research carried out, the main types of forensic economic expertise are identified and the place of forensic expert studies of operations on the use of budgetary funds is determined.

Keywords: special economic knowledge; forensic research of operations on the use of budgetary funds; specialized knowledge in the field of budget control and regulation; classification of forensic examinations; forensic examination.

References

1. Averyanova T.V. Forensic examination: General theory course: Monograph / Averyanova T.V. – М.: Yur.Norma, SIC INFRA-M, 2015. – 480 p.

2. Aminev F.G. Forensic activity in the Russian Federation: modern problems and ways to solve them: author. dis... cand. legal Sciences: 12.00.12.
3. Belkin R.S. Forensic course: Private forensic theories. In 3 volumes. T. 2. – М.: Jurist, 1997. – 464 p.
4. Vakhidov S.T. Judicial financial and credit examination: subject, object, tasks // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin 2018 P. 162–168
5. Issues of organizing the production of forensic examinations in the forensic divisions of the internal affairs bodies of the Russian Federation (together with the Instructions for organizing the production of forensic examinations in the forensic divisions of the internal affairs bodies of the Russian Federation, the List of types (types) of forensic examinations carried out in forensic examinations subdivisions of the internal affairs bodies of the Russian Federation): order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated June 29, 2005 No. 511 (as amended on October 11, 2018). [Electronic resource]. – Access Mode: <http://www.consultant.ru/>;
6. “Civil Code of the Russian Federation (Part Two)” dated 01/26/1996 N 14-FZ (as amended on 07/01/2021, as amended on 07/08/2021) [Electronic resource]. – Access Mode: <http://www.consultant.ru/>;
7. Zinin A.M., Mailis N.P. Forensic examination. Textbook. – М.: Law and law; Yurayt-Izdat, 2002;
8. Classification of forensic examinations: Proc. allowance / A.R. Shlyakhov. – Volgograd: Higher. consequences. school, 1980. – 73, p.
9. Krylov S.I. The financial condition of a commercial organization as an object of financial analysis// Financial analytics: problems and solutions No. 3 (15) –2009 -p. 60–65
10. Lepikhov A.N. The loan portfolio of a commercial bank, its content and significance // Actual Aspects of Innovative Economic and Legal Development in the Conditions of Growing Tensions Around Russia: Materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference, – Rostov-on-Don, 2015. – Publisher: Individual Entrepreneur Bospamyatnov Sergey Vladimirovich (Rostov-on-Don) – S.24–28
11. On approval of the List of types (types) of forensic examinations performed in federal budgetary forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia, and the List of expert specialties for which the right to independently conduct forensic examinations in federal budgetary forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia is granted: order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated December 27, 2012 No. 237 [Electronic Resource]. – Access Mode: http://www.consultant.ru
12. Order of the Investigative Committee of Russia dated July 24, 2020 N 77 “On Approval of the Procedure for Determining, Revising the Level of Qualification and Certification of Experts of the Federal State Public Institution Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation for the right to independently conduct forensic examinations” [Electronic Resource]. – Access Mode: http://www.consultant.ru
13. Rossinskaya, E.R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings: monograph / E.R. Rossinskaya. – 4th ed., add. – М.: Norma, 2019. – 736 p.;
14. Savitsky A.A. Actual problems of appointment and production of judicial financial and analytical expertise // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin 2018 P. 94–102.
15. Sarygina E.S. Judicial financial and economic expertise: theoretical and organizational and methodological aspects. Abstract of the thesis... to-that legal. Sciences. М.: Moscow State Law Academy. O.E. Kutafina, 2017. 30 p.
16. Timchenko V.A. Classification of forensic economic examinations in modern conditions // Issues of Expert Practice 2019 P. 643–646.
17. Federal Law of May 31, 2001 N 73-FZ “On State Forensic Activities in the Russian Federation” // SPS ConsultantPlus
18. Shkolik, OA Financial markets and financial institutions: textbook. allowance / OA Shkolik; Ministry of Education and Science Ros. Federation, Ural. feder. un-t. – Yekaterinburg: Publishing House in the Urals. un-ta, 2014. – 288 p.
19. <https://ach.gov.ru/> (date of access: 09/12/2021).

Постановка проблемы исследования правового феномена прокурорской власти

Потапова Лариса Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорской деятельности, ФГБУ «Уральский государственный юридический университет»
E-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

В тексте статьи содержится информация, посвященная осмыслению власти как социального явления и прокурорской власти, в частности. Отмечено, что власть является важнейшей формой организации социальной жизни. Изучение феномена власти позволяет приблизиться к пониманию изменений, происходящих в обществе, выявить их источники и причины.

Примечательна яркая полисемия категории «власть», количество аспектов отличается многообразием. Власть – ценность, благо, феномен, концепт. Осмысление власти в философском, лексическом, правовом и иных смысловых контекстах рождает разнообразные выводы.

Подчеркивается, что вопрос о прокурорской власти неоднократно поднимался в научном сообществе и становился центральной темой обсуждений. Решение его сопряжено с размышлениями о месте прокуратуры (как уникального элемента государственного механизма) в структуре аппарата государства. Конституционный пробел в части окончательного определения правового положения прокуратуры породил неопределенность, он не решен до настоящего времени. Разнообразные попытки в формате законодательных предложений не нашли своего практического воплощения.

Вместе с тем, не вызывает особенных сомнений, что прокуратура – важнейший государственно-властный орган (система органов). Именно через призму властного окраса воспринимаются полномочия прокуратуры, реализуемые в различных направлениях ее работы, в большей степени в рамках надзорной деятельности. Анализ прокурорской власти можно проводить в разнообразных ракурсах, сводя его к исследованию правового статуса прокуратуры, к действенности мер прокурорского реагирования или же, предлагая иное понимание вопроса.

Заключается, что требуется усиление позиций прокуратуры в ракурсе прямого воздействия на выявляемые нарушения закона, восстановления нарушенной законности, поддержания правопорядка. Реализация этих предложений окажет существенную помощь в построении правового государства, в том числе и силами органов прокуратуры.

Ключевые слова: прокуратура; прокурорская власть; полномочия органов прокуратуры; место прокуратуры в государственном механизме; правовые средства.

Власть является важнейшей формой организации социальной жизни. Изучение феномена власти позволяет приблизиться к пониманию изменений, происходящих в обществе, выявить их источники и причины. В то же время проблема сущностного определения власти продолжает оставаться одной из наиболее дискуссионных, и в этом дискурсе формируются исследовательские парадигмы [1].

В соответствии с положениями ст.ст. 100 и 111 Конституции РФ государственная власть в Российской Федерации, принадлежащая народу, реализуется в рамках ее ветвей: исполнительной, законодательной и судебной. Кроме того, непосредственным субъектом реализации государственной власти является Президент Российской Федерации [2].

Прокуратура Российской Федерации выступает уникальным органом, призванным стоять на страже закона, реализовывать многообразие функций, закреплённых как в Конституции Российской Федерации (ст. 129), так и в специальном нормативном – правовом акте [3].

Вопрос о прокурорской власти неоднократно поднимался в научном сообществе и становился центральной темой обсуждений. Решение его сопряжено с размышлениями о месте прокуратуры (как уникального элемента государственного механизма) в структуре аппарата государства. Конституционный пробел в части окончательного определения правового положения прокуратуры породил неопределенность, он не решен до настоящего времени. Попытки в формате законодательных предложений не нашли своего практического воплощения.

Вместе с тем, не вызывает особенных сомнений, что прокуратура – важнейший государственно-властный орган (система органов). Именно через призму властного окраса воспринимаются полномочия прокуратуры, реализуемые во всех направлениях ее работы, в большей степени в рамках надзорной деятельности.

Примечательна яркая полисемия категории «власть», количество аспектов отличается многообразием.

Власть – ценность, благо, феномен, концепт. Осмысление власти в философском, лексическом, правовом и иных смысловых контекстах рождает разнообразные выводы.

Власть – центральная категория в политической науке и обществоведческом знании в целом; она, как правило, оформлена и выражена в рамках предметно – отраслевых категоризаций, образующих полисемантические «кусты» понятий [4].

Власть как ценность, вплоть до ее сакрализации, представляет собой цивилизационный социокультурный институт. Ее функция проста – легитимация иерархии и поддержание процесса воспроизводства человеческих сообществ – его формальных/неформальных политических процессов. Так она становится гарантом существования и развития других социальных институтов, процессов и ценностных практик [5].

Иными словами, власть настолько многомерна, что при углубленном содержательном анализе рождает больше вопросов, чем способствует формулированию конкретных ответов. Попытки разоблачить перманентно предпринимаются в различных отраслях знания.

Сужая границы исследования и выстраивая синонимичный ряд терминов, отражающих смысловой объем категории «власть», представляется верным отобразить его в следующем виде: сила, воля, господство, влияние, управление, подавление, убеждение, принуждение, контроль. Предполагается, именно власть предупреждает хаос и способствует (через формы и способы ее проявления) установлению и поддержанию порядка.

В основание власти положена целенаправленная воля субъекта (воля государства, трансформированная через органы прокуратуры), помещенная в рамки закона, обеспеченная действием правовых механизмов.

Традиционно при реализации властной деятельности используются два метода: убеждение и принуждение. При этом убеждение берет на вооружение сдерживание, побуждение и активизацию ответственности в качестве основных способов. Принуждение сопряжено с применением специальных мер либо угрозой применения таких мер.

Материализация власти осуществляется через компетенцию как совокупность полномочий, образующих, в свою очередь, органичный симбиоз прав и обязанностей (право прокурора – есть одновременно его же обязанность), иначе, уникальность полномочия прокурора заключаются в отсутствии дифференциации права и обязанности.

Компетенция прокуратуры складывается из полномочий различной направленности. Если вести речь о компетенции государственного органа, осуществляющего полномочия от имени Российской Федерации, то их градация может быть представлена как система полномочий надзорного и полномочий ненадзорного характера.

Прокуратура использует при реализации возложенных на нее законом полномочий императивные и диспозитивные рычаги. Примерами применения убеждения в прокурорской деятельности могут быть профилактические беседы, правовое просвещение и правовое воспитание, применение предупреждения в качестве меры прокурорского реагирования, предусмотренной ст. 25.1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» и т.п.

Принуждение – это прямое силовое воздействие на определенный субъект (на правонаруши-

теля) с целью привлечения его к установленной законом ответственности, с целью обеспечения верховенства закона, защиты прав и свобод личности; восстановления нарушенной законности (зачастую и социальной справедливости).

Прокуратура, при осуществлении деятельности (возложенной на нее законом), использует правовые средства, являющиеся воплощением прокурорской власти. Спектр их достаточно широк и обусловлен спецификой конкретного направления. Так, в надзоре за соблюдением Конституции и исполнением законов (так называемом «общем» надзоре) применяются: проверка, протест, представление, постановление о возбуждении производства об административном правонарушении, предупреждение о недопустимости нарушения закона и требование (ст. 9.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»), обращение с иском в суд и прочие.

Именно в части мер прокурорского реагирования на выявленные нарушения закона максимально часто звучат предложения о необходимости придания большей императивной силы требованиям прокурора, содержащихся в данных правоприменительных актах. Так, в частности, в соответствии с законом (ст. 22 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации») прокурор имеет право \ обязан принести протест (в определенных случаях присутствовать при его рассмотрении) в том случае, если будет выявлен незаконный правовой акт, изданный поднадзорным субъектом (перечень содержится в ст. 21 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»); вместе с тем адресат протеста обязан лишь рассмотреть содержание данного документа (ознакомиться с ним); у прокурора нет прямых правовых механизмов заставить исполнить выдвинутое им требование.

Обеспечительной конструкции, предусмотренной ст. 6 (установление административной ответственности за неисполнение законных требований прокурора) ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» недостаточно в силу разного рода причин. Вероятностный правовой конфликт, могущий возникнуть в случае неисполнения требований прокурора, разрешает только суд, которому предоставлена все полнота власти для окончательного разрешения спора.

Иными словами, законодатель лишил органы прокуратуры, осуществляющие надзор за исполнением всех действующих на территории государства законов, правовых рычагов, обязывающих поднадзорных субъектов исполнять в непосредственном режиме все законные требования прокурора, отдав прерогативу органам правосудия. Некоторая «беззубость» прокуратуры в данном контексте не позволяет максимально эффективно обеспечивать законность и поддерживать правопорядок.

Занимая позицию посредника между нарушителем и судом, прокурор зачастую не в силах самостоятельно восстановить нарушенные права и свободы человека и гражданина, что неизбежно

негативно отражается на процессах формирования гражданского общества и правового государства.

Анализ прокурорской власти можно проводить в разнообразных ракурсах, сводя его к исследованию правового статуса прокуратуры, к действительности мер прокурорского реагирования или же, предлагая иное понимание вопроса.

Обозначенная проблематика остается актуальной, несмотря на ее «значительную заезженность». Представляется важным принятие и окончательное законодательное оформление вопроса о месте прокуратуры в государственном механизме, что позволит четко определить правовой статус одного из весомых элементов государства, укрепить ее авторитет в обществе.

Кроме того, требуется усиление позиций прокуратуры в ракурсе прямого воздействия на выявляемые нарушения закона, восстановления нарушенной законности, поддержания правопорядка.

Думается, реализация этих предложений окажет существенную помощь в построении правового государства, в том числе и силами органов прокуратуры.

Литература

1. Конов А.М. Феномен власти в философско-социологическом дискурсе // Философия. Социология. Политология 46;
2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.93 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 года;
3. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 //РГ, № 39, 18.02.1992;
4. Алексеева Т.А. Власть// Новая философская энциклопедия: в 5 Т. М., 2010. Т. 1 С. 418;
5. Чернышов А.Г. Власть как ценность// Власть. 2014 № 9. С. 42–49.

STATEMENT OF THE PROBLEM OF STUDYING THE LEGAL PHENOMENON OF PROSECUTORIAL POWER

Potapova L.V.
Ural State Law University

The text of the article contains information on the understanding of power as a social phenomenon and prosecutorial power, in particular. It is noted that power is the most important form of organization of social life. The study of the phenomenon of power allows us to get closer to understanding the changes taking place in society, to identify their sources and causes.

Noteworthy is the bright polysemy of the category “power”, the number of aspects is diverse. Power is a value, good, phenomenon, concept. Understanding power in the philosophical, lexical, legal and other semantic contexts gives rise to a variety of conclusions.

It is emphasized that the issue of prosecutorial power has been repeatedly raised in the scientific community and has become the central topic of discussion. Its decision is associated with reflections on the place of the prosecutor’s office (as a unique element of the state mechanism) in the structure of the state apparatus. The constitutional gap in terms of the final definition of the legal status of the prosecutor’s office has created uncertainty; it has not been resolved to date. Various attempts in the format of legislative proposals have not found their practical implementation.

At the same time, there is no particular doubt that the prosecutor’s office is the most important state-power body (organ system). It is through the prism of the power color that the powers of the prosecutor’s office are perceived, which are implemented in various areas of its work, to a greater extent within the framework of supervisory activities. The analysis of the prosecutorial power can be carried out in a variety of ways, reducing it to a study of the legal status of the prosecutor’s office, to the effectiveness of prosecutorial response measures, or offering a different understanding of the issue.

The author concludes that it is necessary to strengthen the position of the prosecutor’s office in terms of direct impact on detected violations of the law, the restoration of violated legality, and the maintenance of law and order. The implementation of these proposals will provide significant assistance in building a state of law, including by the efforts of the prosecutor’s office.

Keywords: prosecutor’s office; prosecutorial power; the powers of the prosecutor’s office; the place of the prosecutor’s office in the state mechanism; legal means.

References

1. Konov A.M. The phenomenon of power in philosophical and sociological discourse // Philosophy. Sociology. Political Science 46;
2. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by a nationwide vote on 12/12/93 with amendments approved during a nationwide vote on 07/01/2020;
3. Federal Law “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation” dated January 17, 1992 No. 2202-1 //RG, No. 39, February 18, 1992;
4. Alekseev T.A. Power // New Philosophical Encyclopedia: in 5 T. M., 2010. T. 1 P. 418;
5. Chernyshov A.G. Power as a value // Power. 2014 No. 9. P. 42–49.

Объект профилактики общественно-опасных посягательств: структура, виды

Разгильдиев Бяшир Тагирович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
razgildiev@yandex.ru

Исследование заявленной тематики проведено в русле признания профилактики общественно опасных посягательств самостоятельной отраслью знаний с последующим возможным ее переводом, наряду с другими аспектами развития российской правовой системы, в самостоятельную отрасль права. С учетом этого автор направил вектор исследования по пути изучения отношений, образующих объект профилактики общественно опасных посягательств, вызывающих аналогичные последствия, а также выявления структуры данного объекта и его видов. В работе дается последовательная оценка тому, что существующие в теории понимания объекты профилактики общественно опасного посягательства в виде: преступности и ее видов, личности преступника, причин и условий преступлений, побуждений, иных обстоятельств, не образуют искомого объекта. В связи с чем перечисленные обстоятельства сами по себе не образуют источника посягательств и не позволяют непосредственно воздействовать на них профилактически. Главным выводом к проделанной работе стало то, что объектом выступает потребность в виде конкретного социального результата, удовлетворяемого общественно опасным посягательством носителя этой потребности либо в виде неправомерного деяния, с необходимостью вызывающего общественно опасные последствия.

Ключевые слова: объект профилактики; социальная потребность; общественно опасное посягательство; диалектическая закономерность; профилактическое воздействие.

Введение. Наполнение объекта «своим» содержанием придает профилактике социальный смысл и направленность профилактического воздействия. Соответствующим образом отражает источник общественно опасного деяния и, как следствие, выступает явлением, непосредственное воздействие на которое купирует общественно опасный источник. При этом важно, чтобы объект мог должным образом структурироваться и соотноситься с основными институтами уголовного права. Сказанное предполагает создание теоретической модели объекта профилактики общественно опасного посягательства. Поставленная цель придает исследованию и теоретическую, и практическую значимость. Актуальность теории выражается в том, что формирование объекта профилактики, по моему мнению, невозможно на базе имеющихся знаний в области профилактики, криминологии, отчасти уголовного права по данной проблематике. Объяснить это можно тем, что вышеперечисленные теории объектом профилактики признают причины совершения преступления и условия, способствующие их совершению. А в качестве причин рассматривают отдельные социальные, экономические и другие факторы, обстоятельства, непосредственно вызывающие следствие в виде совершения преступления. Игнорируя при этом самого человека, сознание и воля которого индивидуально воспринимает окружающую действительность. Такое понимание объекта противоречит диалектической закономерности, образуемой причинно-следственной связью. И что не менее важно, по сути, не образует его. В силу этих обстоятельств создание теоретической модели объекта профилактики предполагает получение новых знаний, раскрывающих в том числе диалектические закономерности. В этой связи, как представляется, будет правильным сформулировать понятие объекта профилактики как явления системного порядка, основывающегося на совокупности объективных и субъективных факторах. Что позволяет воспринимать профилактику как системное явление, где объект выступает его сущностной частью. Практическая значимость такого понимания объекта позволит выявлять источник общественно опасного посягательства, и образовывать соответствующий механизм для воздействия на него и последующего купирования. В этом смысле объект профилактического воздействия будет выступать определяющим обстоятельством в пользу признания профилактики самостоятельной отраслью знаний, с последующим образованием самостоятельной отрасли.

Стоит заметить, что вопросы объекта профилактики общественно опасных посягательств и в зарубежной и в отечественной теории рассматриваются не очень часто. В работах, которые так или иначе его осмысливают, чаще всего он представлен в общих чертах. Что не всегда позволяет воспринимать его как явление, характеризующееся строго определенными признаками, без наличия которых невозможна профилактика. Описанную ситуацию в значительной мере можно объяснить отсутствием в науке единого понимания природы профилактики преступлений. Является ли она самостоятельной отраслью знания, отраслью права или выступает частью криминологии, или уголовного права либо других отраслей знаний и права. Отсюда вывод: профилактика, будучи частью каких-либо отраслей знаний или права будет основываться на природе соответствующих отраслей. Если же профилактика претендует на самостоятельную роль, тогда она должна обладать «собственной» природой. Об этом будет свидетельствовать главным образом объект, воздействуя на который, профилактика реализует себя и метод, посредством которого осуществляется ее реализация. Исследование проблем природы профилактики не является непосредственной задачей работы, вместе с тем правильное установление содержания объекта формирует базу, с учетом которой можно будет определяться и с её природой.

Если суммировать теоретические выкладки, существующие в теории профилактики и в российской, и в зарубежной литературе относительно ее объекта, то в этом качестве выступают причины совершения преступлений. Можно предположить, что наполнение объекта именно этим содержанием в значительной степени влияет на степень его разработки. Логика здесь проста: коль скоро совершение преступления выступает следствием причины, то и профилактировать преступление можно лишь воздействуя на нее. Полагаю, та же логика лежит в основе суждения, что предотвратить преступление легче, нежели бороться с ним. Например, исследователь N. Khan и N. Abas., ссылаясь на мнение экспертов отмечает, что «предотвратить преступность намного проще, чем контролировать ее» [3. р.56]. Ряд криминологов, также полагая, что предотвращение деяний наряду с их расследованием наименее дорогостоящий, но более плодотворный способ воздействия на преступления, обосновывают это «своевременным обнаружением и устранением криминальных факторов и генетических основ» [9. с. 155]. Относительно плодотворности сомнений нет. Что касается простоты, меньшей затратности предотвращения преступлений, то это вряд ли. По крайней мере, предложенные исследователями способы предотвращения с позиции их понимания, реализации чрезвычайно сложны. Иначе государства предотвращали бы преступления, а не боролись с ними как это имеет место в реальности. Проблема главным образом заключается в том, что сколько-нибудь обобщенного понимания содержа-

ния причины в криминологической и профилактической науке отсутствует. Кроме того, неизвестен механизм образования причины, вызывающей совершение преступлений. И как следствие, непонятно, как воздействовать на причину для его предотвращения.

Рассмотрим, как же представлен искомый объект в правовой теории. По мнению белорусских коллег, объектом профилактического воздействия выступает преступность ее виды, включающая в себя объективные признаки преступника и преступления, «указывающих на генезис тех или иных противоправных деяний. К числу этих признаков, автор относит, прежде всего пол, возраст и место жительства преступника» [7, с. 35–43]. Получается, что воздействуя на преступность, отдельные виды преступлений, включающих объективные признаки преступника: пол возраст, место жительства преступника и ряд других признаков обеспечивается профилактика преступности и отдельных видов преступлений. Вывод, вроде бы, многообещающий. Однако, при этом отсутствует ясность, как преступность, отдельные ее виды, или признаки не которые обращено внимание, превращаются в причину совершения новых преступлений? Предполагается, что перечисленные признаки, едва ли, являются генезисом деяний, образующих соответствующие составы преступлений. Кроме того, трудно представить себе реально существующие способы непосредственного воздействия на перечисленные явления. Сами по себе они непосредственно общественно опасных посягательств не вызывают. Скорее, они могут свидетельствовать об отсутствии у их носителей соответствующего уровня культуры. Так, известный советский ученый в области профилактических отношений А.Г. Лекарь, объектом профилактики признавал причины, порождающие преступления и условия, способствующие их совершению [10. с. 3]. При этом, непосредственной причиной преступления, он считал антиобщественное побуждение лица, вытекающее из его антиобщественных взглядов. А в качестве условий, способствующих ее проявлению, как он полагал, выступают: низкий образовательный и культурный уровень, психологические недостатки лица [10. с. 46.]. Получается, что наличие причины еще недостаточно, чтобы наступило следствие. В нашем случае, совершение преступления. Для его наступления, как считал автор, требуются условия, способствующие проявлению причин.

Такое понимание проявления причины ставит под сомнение причинно-следственную закономерность, поскольку для наступления следствия необходима не только причина, но и определенное условие. Уместно отметить, что в советской, а впоследствии и российской криминологической теории является общепризнанным включение в причинно-следственные связи условия, способствующие совершению преступлений. Правда, оба понятия у многих исследователей содержание различаются. Трудно согласиться с автором

и в том, что объект профилактики – это антиобщественное побуждение, вытекающее из антиобщественных взглядов. Оба феномена являются субъективными свойствами личности, в то время как причинно-следственная связь «образуется между одним событием или действием и результатом. Сами по себе побуждения и взгляды непосредственно не образуют общественно опасных посягательств. В то время как причина должна выступать непосредственным фактором совершения лицом посягательств.

Несколько иная позиция по данному вопросу представлена В.В. Голиным, полагающим, что объект предупредительного воздействия – это «отдельное или совокупность различных (по генезису, сфере, формам и интенсивности проявления) негативных явлений и процессов реальной действительности материального и интеллектуального характера, обладающих свойством порождать причины и условия, способствующие совершению преступления» [8, с.15]. Авторская позиция, конечно, оригинальна. С одной стороны, исследователь говорит о негативных материальных и интеллектуальных явлениях, не называя их, с другой, уточняет, что причиной выступают лишь негативные явления, обладающие свойством порождать причины и условия совершения преступления. Для выборки такого рода негативных явлений, видимо, нужен определенный механизм, иначе как выделять их из числа множества негативных факторов, не обладающих свойствами порождать причины?

Представим себе, что выделение все-таки удалось осуществить, в результате чего некоторые негативные явления, став причиной, побудили физическое лицо совершить общественно опасное посягательство. Можно ли это лицо признать преступником? Надо иметь в виду, что решение об умышленном совершении преступления принимается конкретным физическим лицом. И в этом смысле оно субъективно. Рассмотрим, могут ли выбранные негативные явления, порождающие причины и условия совершения преступления «обязать» человека совершить преступление. Если рассматривать причинно-следственную связь явлением объективным, могут. Правда, в этой ситуации сознание и воля лица, совершившего преступление, либо купируются объективной причиной, либо причина как-то преодолевает «энергию» сознания и воли. Полагаю, что изложенная ситуация действия причинно-следственных связей применительно к сознанию и воли человека нереалистична. В научном плане интересно отметить, что криминологи советского периода представляли различные точки зрения относительно причин конкретного преступления. Одни непосредственно связывали их с личностью, в частности с его антиобщественностью, другие, усматривали их во внешней среде, третьи, причины конкретных преступлений формировали из факторов личностных и внешней среды [11, с. 64]. Вместе с тем, ни одна из представленных точек зрения не предлагает механизма, формирующего такого

рода причинно-следственную связь. В этой связи уместным будет констатировать, что позиции современных ученых в части понимания объекта профилактики практически не претерпели принципиальных изменений, изложенных в 50–60 годы прошлого века. Доминирующей осталась идея, что в этом качестве выступают причины совершения преступлений и условия, способствующие им.

Несколько иначе представляют объект зарубежные исследователи. Правда, формально они ведут речь о криминологии. На мой взгляд, объект криминологии, по сути, равнозначен объекту профилактики. Поскольку в обоих случаях под объектом подразумевается источник совершения преступления и его предупреждение. Так, в частности А. Elzeiny под объектом криминологии видит «...развитие совокупности общих и проверенных принципов и других типов знаний, касающихся этого процесса права, преступления и его предотвращение» [2, р.65]. Как видим, автор, по большому счету, в объекте видит знания о преступлениях и их предотвращении. Полагаю, что сами по себе такого рода познания не могут отражать источника совершения преступления, в силу того, что не образуют причинно-следственные связи. В связи с чем, их использование, едва ли способно предотвращать преступления. Другая точка зрения по исследуемой проблеме принципиально иная. В ней объект криминологии представлен в виде: принятия закона, его нарушения и установления эффективности закона [6]. Представляется, что автор в объекте криминологии видит главным образом уголовно-правовые отношения. Которые, как известно, образуют механизм охраны материальных отношений от общественно опасных посягательств. Сущностью которого выступает удержание лиц от совершения названных посягательств угрозой уголовной ответственности. И в этом плане это самостоятельная отрасль знаний и законодательства и не может содержать источника преступления. В то время как криминология, в том числе исходя из определения своего объекта, должны формировать знания относительно причин неэффективности «работающего» уголовного закона. Представляет интерес позиция Dr. Bledar Mustafaraj. Он наполняет объект знаниями, объясняющие поведения, противоречащие социальному порядку. К ним он относит не только преступления, но и другие социальные отклонения. При этом, автор допускает связь асоциального поведения с социальными, политическими, правовыми, медицинскими, психологическими, полицейскими проблемами [5, р.78]. Представленные соображения внушают доверия, однако их недостаточно для признания объекта источником преступления. Нужно, чтобы связь, о которой говорить ученый, приобрела характер, вызывающий у физического лица желание совершить преступления. А этого в рассуждениях автора, нет, как и нет ясности относительно того, как осмысливаемая точка зрения «работает» на совершение неосторожных преступлений. Актуальна точка зре-

ния по исследуемой проблеме студента Aswar, который объектом криминологии признает лицо, совершившее преступление. По его мнению, цель криминологии в выявлении обстоятельств, вызвавших у лица желание совершить преступление: идет ли речь о внутренних обстоятельствах, например, таланта или внешних. К коим автор относит окружающее сообщество, социальную, экономическую или другую причину. [1. р.39]

С молодым исследователем в главном трудно не согласиться. Когда речь идет о преступлении, нельзя не учитывать, что его совершение есть результат «работы» его сознания и воли. Даже, если они расстроены. При этом, надо понимать, что названные свойства человека, их «работа» индивидуальны в восприятии окружающей действительности.

Рассмотрим, что же представляет собой объект профилактики общественно опасных посягательств. Сформулированный вопрос показывает, что речь идет о профилактике только общественно опасных посягательств. В моем представлении механизм совершения общественно опасных посягательств имеет сущностную особенность, отличающуюся от механизма совершения правонарушений. Акцент на общественную опасность деяния я делаю и потому, что в момент его совершения еще нет преступления. Как известно, преступление явление и социальное, и правовое. Оба должны быть соответствующим образом доказаны вступившим в законную силу приговором суда. До этого момента обвиняемый не виновен, то есть не преступник, что исключает и наличие преступления. Кроме того, преступление невозможно и в ситуации невменяемости лица, его совершившего, а также лица, не достигшего соответствующего возраста, либо совершившего общественно опасное деяние в состоянии добросовестного заблуждения. Несмотря на то, что последние перечисленные обстоятельства не образуют преступления, тем не менее они создают объект профилактического воздействия.

На наш взгляд, понятие объекта – это совокупность субъективно-объективных факторов, формирующих у человека физическую потребность в виде конкретного социального результата и его общественно опасного получения (умышленные деяния) либо социального результата, объективно вызывающего общественно опасные последствия (неосторожные деяния), воздействие на которые профилактирует совершение новых общественно опасных посягательств, а также наступления новых общественно опасных последствий. Сформулированное понятие объекта включает в себя ряд признаков. К ним относятся: объективно-субъективные факторы; потребность в виде конкретного социального результата; общественно опасное получение; воздействие на субъективно-объективные факторы; профилактика новых общественно опасных деяний, а равно наступления общественно опасных последствий. Исследуем заявленные признаки. Первый признак включает в се-

бя факторы субъективные и объективные. К субъективным следует отнести восприятие внешних обстоятельств сознанием и волей конкретного человека. Есть основание считать, что сознание и воля каждого человека индивидуальна и по самому факту восприятия, и по его глубине, а также объему, выводам, и возможным вариантам их реализации. Являясь объективными, внешние факторы, воспринятые сознанием и волей физического лица, становятся субъективными. Объяснение этого в том, что сознание и воля каждого человека будучи эксклюзивным, соответственно этому восприятие и оценка внешних обстоятельств – различна. Отсюда следует вывод первый- непосредственное восприятие сознанием и волей человека тех или иных внешних факторов не образует причинно-следственную связь. А сам факт преобразуемого восприятия ни непосредственно, ни опосредованно не выливается в общественно опасное посягательство. Под объективными факторами следует понимать внешние, по отношению к человеку, обстоятельства, так или иначе, сопровождающие его жизнь. Речь идет об обстоятельствах социальных, экономических, культурно-образовательных, правовых, включая законодательство и правоприменительную практику, политических, национальных, идеологических и других, которые в том или другом объеме объективно направлены на общество. Разумеется, объективная направленность этих и других обстоятельств на общество, отнюдь не означает, что все они позитивны. Вполне может быть, что какая-то часть из них, негативны. Помимо этого, даже позитивные обстоятельства могут быть преобразованы сознанием человека в негативные. Этому способствует и тот факт, что названные и другие факторы нередко преломляются обстоятельствами конкретной жизни: школьной, вузовской, рабочей, досуговой, семейной, бытовой и т.д. И воспринимаются людьми сквозь призму конкретных жизненных проявлений. Здесь, как представляется, актуально не как воспринимает человек эти обстоятельства: непосредственного, опосредованного либо вообще не воспринимает их, а то, что объективно в той или иной мере они воспринимаемы. Следующий признак – это образование сознанием и волей человека физической потребности в виде конкретного социального результата. Потребность выражается в виде конкретизированной лицом социальной ценности, активизирующей его на действия по ее получению. Именно такая потребность, побуждает человека к деятельности. Полагаю, что именно потребность является энергетическим источником воздействия человека на окружающий его мир. Интересна в рассматриваемом плане позиция Д.В. Устинова, который отмечал, что люди объясняют свое поведение мышлением, хотя его следует объяснять своими потребностями [12, с. 44]. Потребность может носить общий характер, а может носить максимально конкретизированный социальный результат. Последний вид потребности, как представляется, вызывает у лица желание действовать опре-

деленным образом. Социальный результат выступает ядром потребности, ради его получения человек определяет линию своего поведения.

В этом смысле, трудно согласиться с позицией, усматривающей в антиобщественной ориентации личности этап формирования противоправного поведения. При всей неоднозначности рассматриваемой категории можно с высокой долей вероятности утверждать, что антиобщественная ориентация выступает, с одной стороны, субъективным отражением человеком тех или иных объективных обстоятельств. С другой, она не образует конкретной социальной потребности и ее удовлетворения общественно опасным деянием. Рассматриваемый признак объекта приобретает научный интерес к ситуационной криминологии, включая виктимологическую. По мнению А.В. Майорова, ситуационное предупреждение преступности предполагает дискретные управленческие и экологические изменения, влияющие на уменьшение конкретных преступлений. Кроме этого, он виктимизацию рассматривает в виде взаимосвязи человека стать жертвой преступления и преступностью, актуальность которой в признании лица потерпевшим [4, р.113]. Полагаю, что виктимология выступает частью ситуационной криминологии, суть которых предупреждать преступность, воздействуя не на сознание и волю человека, а на определенные внешние обстоятельства. Совокупность которых может быть воспринята сознанием и волей человека и образовать у него конкретную социальную потребность и ее общественно опасного удовлетворения. Воздействие такого рода может предупреждать отдельные виды преступности, но не может профилировать их. Профилактика предполагает непосредственное воздействие на источник общественно опасного посягательства, то есть на сознание и волю человека для купирования негативной потребности. В то время как ситуационная криминология, включая виктимологическую, воздействуют на определенные, конкретные внешние факторы оставляя человека с его негативными потребностями вне позитивно-го влияния.

Между тем, объект профилактики структурирован на объективные и субъективно-объективные факторы, которые взаимодействуя между собой образуют источник общественно опасного посягательства, выступающего одновременно и как объект профилактического воздействия. В свою очередь, потребности по своей результативности можно дифференцировать на три группы: нравственные (созидательные), антинравственные (разрушительные) безнравственные (без создания и разрушения). Объект профилактики составляют лишь потребности антинравственные (разрушительные). Такие потребности включают в себя и способ их получения. Его общая характеристика- общественно опасное посягательство. Формы и виды этого посягательства определяются соответствующими составами преступлений, предусмотренными национальными уголовными

законодательствами. Последний признак объекта общественно опасного посягательства отражает его социальное предназначение. Оно выражается в профилактике новых- общественно опасных посягательств (умышленные деяния), а равно правонарушений, с необходимостью вызывающих наступление общественно опасных последствий (неосторожные деяния).

Представленные характеристики признаков понятия профилактики общественно опасных посягательств показывают, что содержательно оно отличается от ныне существующих в теории профилактики, криминологии. Естественен вопрос, насколько такое понимание, исследуемого явления, соотносится с диалектическими закономерностями.

Названный объект, на мой взгляд, вытекает из диалектических закономерностей. Прежде всего, имеется в виду закон о единстве и борьбе противоположностей. Известно, что человек проявляет себя посредством формируемых его сознанием и волей потребностей. По своей сути, они могут быть созидательными и разрушительными. Получается, что противоположные по социальной значимости потребности образуют единство, поскольку они формируются индивидуальным сознанием и волей конкретного человека. Однако, по своему характеру они противоречат друг другу, что означает борьбу между ними. Такая ситуация «включает» в работу закон отрицания отрицания. Их качества: созидание или разрушение определяется соотношением количества каждого из них. Совершенно очевидно, что общество, государственная власть заинтересованы, чтобы человек формировал позитивные потребности. Следовательно, обе структуры должны посредством своих институтов непосредственно и опосредованно создавать условия, чтобы сознание человека формировало созидательные потребности. Что порождает необходимость в правовых механизмах, посредством которых осуществляется воздействие ни лиц, реализующих свои разрушительные потребности. Сущность такого воздействия в угрозе уголовным наказанием (уголовное законодательств), исправлении преступников, основанном на угрозе наказанием (уголовно-исполнительное законодательство). Названные механизмы удерживают лиц от совершения общественно опасных посягательств угрозой наказания, непосредственно не влияя на их негативные потребности. Выступающие источником такого рода посягательств. Следовательно, нужен еще один правовой механизм, предназначение которого выразилось бы в купировании у человека разрушительных потребностей. Представленное понимание объекта профилактики общественно опасного посягательства создает определенную материальную основу для образования такого механизма.

Вполне логично, что совокупность признаков, исследуемого объекта, их характеристика высвечивают некий «живой организм», которому свойственна определенная структурированность. Что

предполагает исчерпывающий перечень элементов структуры, их взаимосвязь и обусловленность. Она включает в себя непреобразованные объективные элементы и преобразованные субъективно-объективные элементы. К объективным относятся не преобразованные человеком элементы в виде окружающей человека действительности, объективно позволяющей сознанию и воле человека в том или ином объеме воспринимать ее. А также сознание и волю не персонифицированных физических лиц независимо от степени адекватности воспринимаемой им реальной действительности. Преобразованные субъективно-объективные элементы. Субъективные элементы охватывают два аспекта: формирование сознанием и волей человека потребности в виде конкретного социального результата, что предполагает преобразование тех или иных факторов реальной действительности. И ее удовлетворение. Объективными элементами выступают совершение общественно опасного посягательства, необходимого для удовлетворения потребности, а равно наступление общественно опасного результата, наступившего от удовлетворенной потребности. В первом случае имеются в виду умышленные деяния, во втором – деяния неосторожные.

Перечисленные элементы структуры объекта образуют единый источник общественно опасного деяния и противоправного действия, с необходимостью вызывающего общественно опасные последствия.

Объект профилактики характеризуется не только определенной структурой, но и дифференцируется на четыре вида. Первый вид- потребности в виде социального результата, удовлетворяемого общественно опасным посягательством на регулируемые позитивными отраслями права и охраняемые уголовным законом отношения (умышленные деяния). При этом, названный вид потребности, предполагает конкретизацию как по составу преступления, так и его совершению единолично или в соучастии. В последнем случае потребность конкретизируется по формам соучастия и по видам соучастников; второй вид- потребности в противоправном социальном поведении, объективно вызывающем общественно опасные последствия; третий вид- потребности в противоправном владении имуществом, полученным общественно опасным посягательством (независимо от того, совершено общественно опасное посягательство лицом, обладающим этим имуществом, или другими лицами, а равно в использовании имущества, принадлежащего ему на праве собственности либо правомерного владения, в качестве орудия или средства совершения преступления либо источника финансирования общественно опасного посягательства; четвертый – охватывает потребности в виде заранее не обещанного укрывательства лица, совершившего общественно опасное посягательства, или следов такого посягательства, несообщения о готовящемся, или совершенном общественно опасном посягательстве.

Основу деления объектов на виды составляет определенное качество общественной опасности деяний и лиц, их совершивших, характерных для этих институтов. Речь идет об умышленных деяниях, соучастии, неосторожных деяниях. Владении имуществом, полученным общественно опасным посягательством, использовании имущества в качестве орудия и средства совершения общественно опасного посягательства, финансирование общественно опасного посягательства, прикосновенности к преступлению. Кроме того, по моему мнению, каждый из объектов в значительной мере основывается на близких по содержанию объективно-субъективных факторах.

Заключение. Представленное понимание объекта профилактики общественно опасного посягательства содержит два социальных свойства, с учетом которых должна осуществляться профилактика. Первое свойство – отражать источник общественно опасного посягательства и механизм его образования. Второе – конкретизировать отношения, непосредственное воздействия, на которые профилактирует общественно опасные посягательства (умышленные деяния) и иные правонарушения, вызывающие общественно опасные последствия (неосторожные деяния). В этом качестве выступают сформированная сознанием и волей конкретного физического лица из внешних обстоятельств потребность в виде конкретного социального результата и ее удовлетворение общественно опасным посягательством либо правонарушением, вызывающим наступление общественно опасных последствий.

Заявленный объект органически связывает профилактику общественно опасных посягательств с уголовным правом. Обе отрасли имеют единый источник общественно опасного посягательства. И для решения «своих» задач каждая из них воздействует на сознание и волю человека, но разными методами. Уголовное право удерживает физических лиц от общественно опасных посягательств угрозой уголовного наказания, а профилактика купирует у лица негативную потребность, удовлетворяемую общественно опасным способом либо противоправным способом, вызывающим общественно опасные последствия. В силу этого обстоятельства объект профилактики характеризуется определенной структурой и дифференцируется на виду.

Литература

1. Aswar K. Criminology Review Of Criminal Accidents Of Narcotics // *European Journal of Social Sciences. Education and Research*. 2020, vol. 4, no. 3. pp. 36–45.
2. Elzeiny A. Introduction To Criminology. 2016. P. 6 (79 p)
3. Khan N., Abas N. Smart Crime Science and Shabby Control Technologies // *VFAST Transactions on Education and Social Sciences*. 2015. № 6 (1). P. 56 (pp.55–71).

4. Mayorov A.V. Victimology in Russia: Overviewing of the Stages of the Scientific Direction`s Development / A.V. Mayorov // *Victimology*. – 2021. – Vol. 8. – No 2. – P. 109–120.
5. Mustafaraj B. Perspectives of the Science of Criminology // *European Journal of Social Sciences. Education and Research*. 2017., vol. 4, no. 3. P. 77 (pp. 77–83).
6. Nature and Scope of Criminology / *Legal Point*. 09 March, 2016. URL: <https://legalpoint-india.blogspot.com/2016/03/nature-and-scope-of-criminology.html>. (дата обращения: 12.04.2022).
7. Блувштейн Ю.Д., Зырин М.И., Романов В.В. Профилактика преступлений. Минск. Изд-во «Университетское». 1986. С. 35–43.
8. Голин В.В. Криминологическая профилактика, предотвращение и пресечение преступлений. Киев. 1989. С. 72.
9. Гончарова М.В. Объекты индивидуальной профилактики преступлений / М.В. Гончарова // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем: III Московский юридический форум. X Международная научно-практическая конференция: в 4 частях, Москва, 06–09 апреля 2016 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2016. – С. 154–158.
10. Лекарь А.Г. Профилактика преступлений. М., «Юридическая литература», 1972, с. 104.
11. Новоселов Г.П. Объект уголовно-правовой охраны и объект преступления: соотношение и уголовно-правовое значение / Г.П. Новоселов, Л.Ю. Федосеева // *Российское право: образование, практика, наука*. – 2019. – № 4(112). – С. 60–70.
12. Устинов Д.В. Проблема учета психологических конструктов в формировании понятия мотива преступления / Д.В. Устинов // *Психолог*. – 2020. – № 3. – С. 37–52.

OBJECT OF PREVENTION OF SOCIALLY DANGEROUS OFFENSES: STRUCTURE, TYPES

Razgildiev B.T.
Saratov State Law Academy

The study of the declared topic was carried out in line with the recognition of the prevention of socially dangerous encroachments as an independent branch of knowledge with its subsequent possible

transfer, along with other aspects of the development of the Russian legal system, into an independent branch of law. With this in mind the author directed the research vector along the path of studying the relations that form the object of prevention of socially dangerous attacks that cause similar consequences, as well as identifying the structure of this object and its types. The work gives a consistent assessment of the fact that the objects of prevention of socially dangerous assault that exist in the theory of understanding in the form of: crime and its types, the personality of the offender, the causes and conditions of crimes, motives, other circumstances, do not form the desired object. In this connection the listed circumstances in themselves do not form a source of encroachment and do not allow to directly influence them prophylactically. The main conclusion to the work done was that the object is a need in the form of a specific social result, satisfied by a socially dangerous encroachment of the carrier of this need, or in the form of an unlawful act, with the need to cause socially dangerous consequences.

Keywords: object of prevention; social need; socially dangerous encroachment; dialectical regularity; preventive effect.

Reference

1. Aswar K. Criminology Review Of Criminal Accidents Of Narcotics // *European Journal of Social Sciences. Education and Research*. 2020 Vol. 4, no. 3. pp. 36–45.
2. Elzeiny A. Introduction to Criminology. 2016. P. 6 (79 p)
3. Khan N., Abas N. Smart Crime Science and Shabby Control Technologies // *VFAST Transactions on Education and Social Sciences*. 2015. No. 6 (1). P. 56 (pp.55–71).
4. Mayorov A.V. Victimology in Russia: Overviewing of the Stages of the Scientific Direction`s Development / A.V. Mayorov // *Victimology*. – 2021. – Vol. 8. – No 2. – P. 109–120.
5. Mustafaraj B. Perspectives of the Science of Criminology // *European Journal of Social Sciences. Education and Research*. 2017, vol. 4, no. 3. P. 77 (pp. 77–83).
6. Nature and Scope of Criminology / *Legal Point*. March 09, 2016. URL: <https://legalpoint-india.blogspot.com/2016/03/nature-and-scope-of-criminology.html>. (date of access: 04/12/2022).
7. Bluvshstein Yu.D., Zyryn M.I., Romanov V.V. Crime prevention. Minsk. Publishing house “University”. 1986. S.35–43.
8. Golin V.V. Criminological prevention, prevention and suppression of crimes. Kyiv. 1989. P. 72.
9. Goncharova M.V. Objects of individual prevention of crimes / M.V. Goncharova // *Development of Russian law: new contexts and search for problem solving: III Moscow Legal Forum. X International Scientific and Practical Conference: in 4 parts, Moscow, April 06–09, 2016*. – Moscow: Limited Liability Company “Prospekt”, 2016. – P. 154–158.
10. Doctor A.G. Crime prevention. M., “Legal Literature”, 1972, p.104.
11. Novoselov G.P. The object of criminal law protection and the object of crime: correlation and criminal law significance / G.P. Novoselov, L. Yu. Fedoseeva // *Russian law: education, practice, science*. – 2019. – No. 4 (112). – S. 60–70.
12. Ustinov D.V. The problem of taking into account psychological constructs in the formation of the concept of a crime motive / DV Ustinov // *Psychologist*. – 2020. – No. 3. – P. 37–52.

Характеристика природной среды Ханты-Мансийского автономного округа – Югры как предмета посягательства экологических преступлений

Шапошников Алексей Сергеевич,

аспирант, Югорский государственный университет
E-mail: normangrayland@yandex.ru

В настоящей статье проведено подробное исследование природной среды одного из отечественных западно-сибирских регионов в аспекте ее связи с предметом экологических преступлений. Автором детально рассматривается природная специфика изучаемого региона, а также состояние атмосферного воздуха, вод и расположенных в данном регионе земель. Раскрывается причинный комплекс негативного влияния на природу. Кроме этого, автор определяет детерминизм факторов негативного влияния на окружающую среду, главным из которых является добыча полезных ископаемых. В исследовании приведены конкретные примеры зависимости воздействия сферы окружающей среды и факторов, складывающихся вследствие её загрязнения. Значительное внимание уделено процессам техногенного характера, а также спектру влияния на состояние природных ресурсов при их обработке со стороны различных промышленных предприятий. Отдельной строкой автор выделяет особенности влияния некоторых химических веществ на состояние используемого водного пространства, приводятся статистические показатели, и декларируются экспертные исследования в данной области. С учетом рассмотренных данных автор делает вывод о позитивной тенденции по отношению к улучшению состояния природной среды, а также указывается характер мер, способствующих этому.

Ключевые слова: природная среда, экологическое преступление, предмет экологического преступления, экологическая безопасность.

Важнейшими системообразующими факторами, влияющими на состояние природной среды, выступают интенсивные и экстенсивные темпы развития экономической деятельности, воплощение которых подвержено риску совершения противоправных деяний. Вследствие данного обстоятельства вытекает нарастающий экологический кризис, угрожающий безопасности охраняемым общественным отношениям.

Целью настоящей статьи является изучение природной среды Ханты-Мансийского автономного округа – Югры как предмета посягательства экологических преступлений. Полагаем, для этого необходимым является подвергнуть анализу понятие экологических преступлений, а также их предмета.

Следует отметить, что на сегодняшний день легальные определения изучаемых понятий в нормативных правовых актах отсутствуют. Вместе с тем рассматриваемая группа преступлений отнесена к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации, откуда можно выделить общественные отношения, являющиеся объектом уголовно-правовой охраны: природные ресурсы, безопасность человека, жизнедеятельность общества. Отталкиваясь от данного факта, представители научного сообщества предлагают авторские дефиниции.

Например, Морозов А.А. считает, что экологические преступления – это общественные отношения, взятые под охрану уголовным законом, под которыми, в свою очередь, следует понимать природные ресурсы, жизнь и здоровье человека, благополучие общества и нации [3, с. 17].

По нашему мнению, наиболее удачное определение экологического преступления было предложено Е.В. Фроловой, которая, отталкиваясь от общих принципов идентификации общественно опасного явления, предлагает относить к таковым деяния, где посягательство со стороны злоумышленника обусловлено причинением вреда экологическому правопорядку, включающему в себя институты сохранения, восстановления и рационального использования ресурсов окружающей среды [5, с. 247].

Стоит отметить, что в таком случае предмет преступления можно рассматривать как в широком, так и в узком смысле. В частности, для более широкого представления о предмете экологических преступлений необходимо признать, что антиобщественный интерес будет реализовываться через причинение вреда отношениям, объединяющим природную среду как единую систему. Что

касается более узкого представления о предмете, то его реализация будет опосредована в отдельных аспектах природной среды, как правило, представляющих из себя определенные природные ресурсы: земля, водные пространства, животные и др. [4, с. 88–89].

Для ясности такого подхода следует обратить внимание на точку зрения исследователя А.С. Лукомской, которая в качестве предмета экологического преступления устанавливает вещь. Она полагает, что предметность должна нести с собой конкретные материальные очертания, а потому исходит из того, что именно компоненты природной среды, в силу их законодательной относимости к конкретным объектам уголовно-правовой охраны, могут представлять из себя элементы экологической безопасности [2, с. 28].

Важно отметить, что конкретный географический регион, а также административно-территориальное образование, представляют собой территорию с уникальными природными условиями и типами хозяйственного освоения. А потому, подчеркивая значимость Ханты-Мансийского автономного округа – Югры как объекта экологической защиты, отметим, что указанный субъект давно уже являет собой важнейший стратегический регион нефтегазового обеспечения экономических интересов страны. В частности, почти 7,5% промышленного производства и 15,1% доходов государственного бюджета формируются посредством добычи полезных ископаемых в указанном регионе. В свою очередь, фундаментом устойчивого экономического развития, а также социальной стабильности настоящего региона, является именно его природный базис [8]. Вполне закономерно, что одну из основных составляющих такого базиса в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре составляют его географические и климатические условия, и кроме этого, удачно сформированный и реализованный промышленный сектор. Последний, как это нередко бывает, служит основным источником возникновения всевозможных экологических проблем, в большей степени находящих свое отражение в таких аспектах, как загрязнение земель, воздуха, водного пространства.

Нефтегазодобывающая отрасль в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре относится к важнейшему компоненту промышленности, что предопределяет ее масштаб, а также взаимосвязь со степенью нарушенности природной среды. Специфика данного вида хозяйственной деятельности обуславливает экстенсивный путь ее развития, что, в свою очередь, приводит к увеличению масштаба негативного влияния на природное состояние.

Как показывают статистические данные, одним из основных источников указанного загрязнения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре являются факелы, предназначенные для попутного сжигания газа. Большая часть таких промышленных установок только за 2020 год произвела выброс в атмосферу загрязняющих веществ объе-

мом 1 142,199 тыс. т по всему региону (составляющих 95,45% от всего объема).

При этом 91,1% от указанного объема выбросов приходится на муниципальные образования региона (9 районов и 13 городов окружного подчинения), а также муниципальные районы. Наибольшее негативное влияние отмечено в таких районах, как Нефтеюганский, Сургутский и Нижневартовский.

Более того, значительный вклад в деятельность, сопровождающуюся выбросом загрязняющих веществ, вносит добыча полезных ископаемых, доля которой на данный момент составляет 70–80% выбросов, далее следует «транспортировка и хранение» – 15–20% [6].

Как следствие, Служба по контролю и надзору в сфере окружающей среды, объектов животного мира и лесных отношений Ханты-Мансийского автономного округа – Югры фиксируют крайне высокий уровень загрязнения атмосферного воздуха в большинстве муниципальных образований [11].

Анализ данных доклада об экологической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2020 году позволяет говорить о том, что качество воды характеризуется негативно. Так, вода в бассейнах рек Обь и Иртыш на разных участках (например, от г. Нижневартовск до г. Сургут, от с. Белогорье до с. Полноват) соответствует характеристике «грязная» и «очень грязная».

Отдельное внимание необходимо уделить таким аспектам критической оценки, как распространение через водные объекты различных минералов и химических металлов, среди которых основными являются: соединения железа, меди, цинка и марганца, и дополнительно растворенный в воде кислород. По самым благоприятным прогнозам уже сейчас во многих частях региона показатели распространения указанных элементов превышают допустимый уровень. Именно геохимические особенности таежных заболоченных ландшафтов со свойственной им кислой реакцией почв, а также остаточная концентрация нефтепродуктов и хлоридов в поверхностных водах, стали основными детерминантами развития данной ситуации. Кроме указанного, стоит отметить то, что в вопросе формирования защитного экрана не последнюю роль играет снижение (ограничение) миграционной способности железа, марганца, цинка и меди, которые при попадании в грунтовые воды, а затем и в реки, тем самым создают серьезную угрозу отравления не только речных водоемов, но и морей.

Следует полагать, указанное обстоятельство свидетельствует о причинно-следственной связи между загрязнением почв и вод.

На территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по состоянию на 01.01.2021 известно 11 887 загрязненных участков земли площадью 2 366,75 га, из них:

– 9 211 участков площадью 2 001,06 га, загрязненных нефтью и нефтепродуктами (84,55% от всей площади);

- 2581 участок площадью 358,9 га, загрязненных подтоварной водой (15,16% от всей площади);
- 95 участков общей площадью 6,79 га, загрязненных газовым конденсатом (0,29% от всей площади).

По официальным данным динамика загрязнения земель движется в сторону уменьшения [9] (рис. 1).

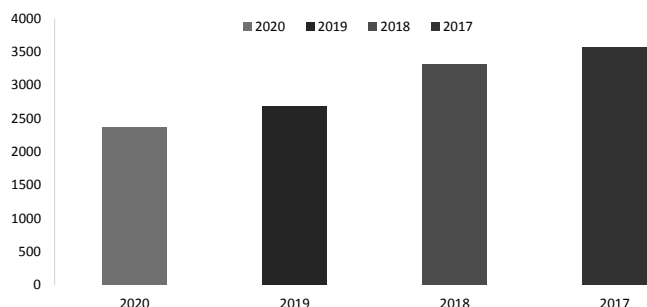

Рис. 1. Площадь загрязненных земель на конец года, га

Одной из важнейших причин загрязнения природной среды являются аварии на нефтепроводах.

Следует предположить, что указанное обстоятельство свидетельствует о причинно-следственной связи между загрязнением почв и вод. В связи с этим полагаем необходимым рассмотреть состояние аварийности в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре [10] (табл. 1).

Таким образом, природная среда как предмет посягательства экологических преступлений может быть рассмотрена с различных структурных элементов, каждый из которых должен быть подвержен анализу как самостоятельная категория. В отношении природной среды Ханты-Мансийского автономного округа – Югры наблюдается позитивная тенденция касательно улучшения ее состояния. Вместе с тем невозможно утверждать, что данное обстоятельство ведет к снижению преступности. В связи с чем настоящее исследование является базисом для изучения экологической преступности в рассматриваемом регионе.

Таблица 1. Состояние аварийности на нефтепроводах, газопроводах, водоводах в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре за 2017–2020 годы

Год	Количество аварий	Причины аварий				Масса загрязняющих веществ (нефть), тонн		Площадь загрязнения, га
		Коррозия	Механич. повреждения	Строительный брак	Прочие	в момент аварии	после ликвидации аварии	
Аварийность на нефтепроводах								
2017	1984	1917	5	8	54	160,646	18,6889	43,6642
2018	1527	1469	0	1	57	121,3639	10,7427	40,7334
2019	884	794	3	1	86	2834,512	12,1940	70,8967
2020	888	838	0	2	48	305,2120	8,2530	79,1380
Аварийность на газопроводах								
2017	52	52	0	0	0	0,100	0,010	0,0317
2018	75	73	0	0	2	0,1030	0,000	0,0899
2019	48	45	0	0	3	3,4842	0,1756	0,7046
2020	47	47	0	0	0	0,0000	0,0000	1,4600
Аварийность на водоводах								
2017	1480	1463	2	1	14	166,934	83,2593	8,5221
2018	1106	1096	0	3	7	143,9926	14,7446	4,8217
2019	485	464	0	8	13	3017,2179	1,9795	45,3236
2020	397	380	0	10	7	1170,2110	0,0250	31,2150

Литература

1. Кравцов, М.А. Экологическая преступность как угроза экологической безопасности. Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2017. № 2. С. 49–53.
2. Лукомская А.С. Понятие и характеристика предмета экологического преступления // Юридический вестник Самарского университета. 2016. № 4. С. 20–30.
3. Морозов А.А. Преступления, посягающие на экологическую безопасность: применение биологических методов при расследовании. Экологическое право. 2014 № 2. С. 14–17.
4. Фаткулин, С.Т. Особенности предмета экологических преступлений. Аграрное и земельное право. 2015. № 2(122). С. 88–91.
5. Фролова Е.В. К вопросу об определении понятия «Экологического преступления» // Вестник ЮГУ. 2016. С. 245–247.

6. Атмосферный воздух. Выбросы загрязняющих веществ от стационарных источников загрязнения в 2020 году. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/sostoyanie-okruzhayushchey-sredy/atmosfernyy-vozdukh/vybrosy-zagryaznyayushchikh-veshchestv-obshchaya-kharakteristika-vybrosov-po-okrugu/6462592/atmosfernyy-vozdukh-vybrosy-zagryaznyayushchikh-veshchestv-ot-statsionarnykh-istochnikov-na-territor/> (дата обращения: 20.03.2022).
7. Доклад об экологической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2020 году. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/doklady-i-otchyety/doklad-ob-ekologicheskoy-situatsii-v-khanty-mansiyskom-avtonomnom-okruge-yugre/5856244/2020-god/> (дата обращения: 20.03.2022).
8. Отчёт о результатах деятельности Природнадзора Югры в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности за 2021 год. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/doklady-i-otchyety/otchet-o-deyatelnosti-prirodnadzora/informatsiya-k-otchetu-gubernatora/2021-/6572640/otchet-o-rezultatakh-deyatelnosti-prirodnadzora-yugry-v-sfere-okhrany-okruzhayushchey-sredy-i-obespe/> (дата обращения: 18.03.2022).
9. Сведения о загрязнении и рекультивации земель. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/sostoyanie-okruzhayushchey-sredy/pochva-obzornaya-informatsiya/avariynosti-zagryaznenie-zemel/131968/svedeniya-o-zagryaznenii-i-rekultivatsii-zemel/> (дата обращения: 22.03.2022).
10. Сведения о состоянии аварийности. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/doklady-i-otchyety/> (дата обращения: 20.03.2022).
11. Состояние атмосферного воздуха в населенных пунктах Югры. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/sostoyanie-okruzhayushchey-sredy/atmosfernyy-vozdukh/sostoyanie-vozdukha-v-gorodakh/131958/sostoyanie-atmosfernogo-vozdukha-v-naselennykh-punktakh-yugry/> (дата обращения: 25.03.2022).

CHARACTERISTICS OF THE NATURAL ENVIRONMENT OF KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG – YUGRA AS A SUBJECT OF ENCROACHMENT OF ENVIRONMENTAL CRIMES

Shaposhnikov A.S.
Ugra State University

This article provides a detailed study of the natural environment of one of the domestic West Siberian regions in terms of its connec-

tion with the subject of environmental crimes. The author examines in detail the natural specifics of the region under study, as well as the state of atmospheric air, waters and lands located in this region. The causal complex of negative impact on nature is revealed. In addition, the author determines the determinism of factors of negative impact on the environment, the main of which is mining. The study provides specific examples of the dependence of the impact of the environmental sphere and the factors that develop as a result of its pollution. Considerable attention is paid to technogenic processes, as well as the range of influence on the state of natural resources during their processing by various industrial enterprises. In a separate line, the author highlights the features of the influence of certain chemicals on the state of the used water space, provides statistical indicators, and declares expert research in this area. Taking into account the considered data the author concludes that there is a positive trend in relation to the improvement of the state of the natural environment, and also indicates the nature of the measures that contribute to this.

Keywords: natural environment, environmental crime, the subject of environmental crime, environmental security.

Reference

1. Kravtsov, M.A. Environmental crime as a threat to environmental security. Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 2017. № 2. С. 49–53.
2. Lukomskaya A.S. The concept and characteristic of the subject of environmental crime // Legal Bulletin of Samara University. 2016. № 4. С. 20–30.
3. Morozov A.A. Crimes encroaching on ecological safety: application of biological methods in the investigation. Environmental Law. 2014 № 2. С. 14–17.
4. Fatkulin, S.T. Peculiarities of the subject of environmental crimes. Agrarian and land law. 2015. № 2(122). С. 88–91.
5. Frolova E.V. On the definition of the concept of “Environmental crime” // Bulletin of SUSU. 2016. С. 245–247.
6. Atmospheric air. Emissions of pollutants from stationary sources of pollution in 2020. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/sostoyanie-okruzhayushchey-sredy/atmosfernyy-vozdukh/vybrosy-zagryaznyayushchikh-veshchestv-obshchaya-kharakteristika-vybrosov-po-okrugu/6462592/atmosfernyy-vozdukh-vybrosy-zagryaznyayushchikh-veshchestv-ot-statsionarnykh-istochnikov-na-territor/> (Accessed: 20.03.2022).
7. Report on the environmental situation in Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra in 2020. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/doklady-i-otchyety/doklad-ob-ekologicheskoy-situatsii-v-khanty-mansiyskom-avtonomnom-okruge-yugre/5856244/2020-god/> (Accessed: 20.03.2022).
8. Report on the results of the activities of Natural Supervisory Authority of Yugra in the field of environmental protection and ecological safety for 2021. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/doklady-i-otchyety/otchet-o-deyatelnosti-prirodnadzora/informatsiya-k-otchetu-gubernatora/2021-/6572640/otchet-o-rezultatakh-deyatelnosti-prirodnadzora-yugry-v-sfere-okhrany-okruzhayushchey-sredy-i-obespe/> (Accessed: 18.03.2022).
9. Information on pollution and land reclamation. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/sostoyanie-okruzhayushchey-sredy/pochva-obzornaya-informatsiya/avariynosti-zagryaznenie-zemel/131968/svedeniya-o-zagryaznenii-i-rekultivatsii-zemel/> (Accessed: 22.03.2022).
10. Information on the state of accidents. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/doklady-i-otchyety/> (Accessed: 20.03.2022).
11. State of atmospheric air in Ugra settlements. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/sostoyanie-okruzhayushchey-sredy/atmosfernyy-vozdukh/sostoyanie-vozdukha-v-gorodakh/131958/sostoyanie-atmosfernogo-vozdukha-v-naselennykh-punktakh-yugry/> (Accessed: 25.03.2022).

Применение принципа разумного срока уголовного судопроизводства: обобщение международного опыта

Шахова Анастасия Максимовна,

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

E-mail: nastiaaleshk@mail.ru

Благодаря процессам глобализации и интеграции после ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г в Уголовно-процессуальный кодекс некоторых стран было внесено положение о разумном сроке уголовного судопроизводства, в связи с чем в юридической науке возникло множество споров о природе данной категории и вопросах, касаемо её обеспечения. В статье при помощи формально-юридического метода исследования изучено и проанализировано правовое регулирование вопроса о сроках уголовного судопроизводства, отраженное в уголовно-процессуальных законах стран СНГ (Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдовы, Узбекистана, Таджикистана), а также Болгарии, Венгрии, Грузии, Туркменистана, Украины и Эстонии. Рассмотрены конкретные сроки на различных стадиях уголовного судопроизводства – возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, судебное разбирательство. Также изложены некоторые правовые позиции Европейского суда по правам человека относительно срока уголовного разбирательства.

Ключевые слова: срок уголовного судопроизводства; уголовно-процессуальные законы; стадии уголовного процесса; возбуждение уголовного дела; предварительное расследование; судебное разбирательство; страны СНГ; страны мира; Европейский суд по правам человека.

Из содержания части 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. следует, что каждый задержанный или заключенный под стражу незамедлительно доставляется к судье и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока.

В соответствии с частью 1 статьи 6 Конвенции каждый при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона [1].

Частью 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г. предусмотрено, что при уголовном обвинении каждый вправе быть судимым без неоправданной задержки [2].

При рассмотрении жалоб на государства Европейский суд по правам человека поддерживает и развивает право обвиняемого (подсудимого) на разумный срок уголовного судопроизводства.

Так, Европейский суд отмечает, что ответственность за задержку, вызванную неявкой в суд свидетелей, лежит на государстве-ответчике [3]. За задержки, вызванные неспособностью суда дисциплинировать участников разбирательства, несет ответственность государство [4].

В целях недопущения нарушения права на судебное разбирательство дела в разумный срок Европейский суд посчитал, что Венгрия обязана изменить существующий набор средств правовой защиты или создать новые, для урегулирования жалоб на чрезмерную длительность судебных разбирательств [5].

В другом деле Европейский суд обязал Болгарию ввести эффективные средства правовой защиты в отношении чрезмерной длительности уголовных разбирательств [6].

Вместе с тем, при разрешении вопроса о разумном сроке уголовного судопроизводства становится актуальной проблема о соотношении скорости и качества рассмотрения дел. При соблюдении принципа разумного срока не должно страдать качество. Если же быстрота и качество находятся в конкуренции, то, на наш взгляд, приоритет целесообразно отдать качеству.

Первостепенность качества рассмотрения уголовных дел можно объяснить тем, что скорейшее разбирательство в отсутствие исследования существенных обстоятельств дела, не имеет смысла.

Под уголовным судопроизводством понимается осуществляемая в установленном законом по-

рядке деятельность по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел [7].

То есть, уголовное судопроизводство это деятельность должностных лиц, регламентированная процессуальным законом.

Если же мы говорим о сроке уголовного судопроизводства, то речь идёт об определенном промежутке времени, которое занимает та самая деятельность должностных лиц по возбуждению, расследованию и рассмотрению уголовных дел.

В связи с этим, думается, не совсем верно определять общий срок уголовного судопроизводства исходя из конкретных временных промежутков в виде количества дней, месяцев, лет.

На каждом этапе уголовного судопроизводства могут существовать свои сроки и обстоятельства, влияющие на сокращение либо продление таких сроков.

Не определяя конкретные временные интервалы общего срока уголовного судопроизводства, ряд зарубежных государств в своих уголовно-процессуальных законах провозглашают разумный срок уголовного судопроизводства в качестве принципа либо ставят его основной задачей уголовного процесса.

Так, в Грузии обвиняемый имеет право на быстрое правосудие в сроки, установленные процессуальным законом (статья 8 УПК Грузии) [8].

Примечательно, что процессуальный закон Грузии декларирует возможность отказаться от права на быстрое правосудие, если это необходимо для надлежащей подготовки защиты.

Думается, что указанное законоположение направлено в защиту позиции о приоритете качества рассмотрения уголовного дела над скоростью.

В статье 20 УПК Молдовы предусмотрено, что уголовное преследование и судебное разбирательство дела осуществляются в разумные сроки [9].

Похожие положения содержатся в статье 28 уголовно-процессуального закона Украины, где сказано, что в ходе уголовного производства каждое процессуальное действие или процессуальное решение должны быть выполнены или приняты в разумные сроки.

Далее закон поясняет, что разумными считаются сроки, которые объективно необходимы для выполнения процессуальных действий и принятия процессуальных решений.

Здесь же закреплено, что разумные сроки не могут превышать предусмотренные процессуальным законом сроки выполнения отдельных процессуальных действий или принятия отдельных процессуальных решений [10].

То есть, в данном случае законодатель дает некоторые критерии разумных сроков уголовного судопроизводства.

Среди задач уголовного процесса, указанных в статье 8 процессуального закона Казахстана, значатся, в том числе быстрое и полное раскрытие преступлений [11].

В данной норме в паре с быстротой стоит слово «полное». Указанное означает, что при скорейшем расследовании и рассмотрении уголовных дел, законодатель обращает внимание также на должное качество уголовного судопроизводства.

Одной из задач уголовного процесса Азербайджана является быстрое раскрытие преступлений (статья 8 УПК Азербайджана). При этом среди задач уголовного процесса обозначены также всестороннее и полное выяснение всех обстоятельств, связанных с уголовным преследованием [12].

Указанные положения вновь демонстрируют, что при быстром расследовании и рассмотрении уголовных дел, важно не умалять качество уголовного судопроизводства.

Согласно статье 15.1 УПК Эстонии, суд разбирает судебное дело как одно целое и обеспечивает как можно более скорое завершение его рассмотрения [13].

Как нам видится, подход, при котором уголовное дело рассматривается одной цельной картиной положительным образом влияет на качество уголовного судопроизводства.

Таким образом, исследуемые уголовно-процессуальные законы зарубежных государств демонстрируют нам важность рассмотрения уголовных дел без излишних задержек, в связи с чем разумный срок уголовного разбирательства провозглашается в качестве принципа уголовного процесса либо является одной из его основных задач.

Первой стадией уголовного судопроизводства, с которой начинается отсчёт его срока, является стадия возбуждения уголовного дела.

В статье 209 УПК Азербайджана предусмотрено немедленное возбуждение уголовного дела во всех случаях наличия соответствующих поводов и оснований [12].

Похожие положения содержатся в статье 180 УПК Армении, где сказано, что сообщения о преступлениях должны быть рассмотрены и разрешены немедленно, а при необходимости проверки законности повода и достаточности оснований к возбуждению дела – в течение 10 суток с момента их поступления [14].

Согласно статье 145 УПК Киргизии, следователь, прокурор безотлагательно, с момента получения повода к началу досудебного производства, обязаны внести соответствующие сведения в Единый реестр преступлений [15].

В силу статьи 145 УПК Таджикистана, решение по поступившим заявлениям и сообщениям о преступлениях должно быть принято в срок не более трех суток со дня получения заявления и сообщения. В необходимых случаях может быть продлен прокурором до десяти суток [16].

Аналогичные положения содержатся в статье 214 УПК Туркменистана [17].

Таким образом, в развитие принципа о разумном сроке уголовного судопроизводства уголовно-процессуальное законодательство исследуемых

зарубежных государств содержит нормы о принятии решения по поступившим сообщениям о преступлении в срок не более трёх суток.

Следующая стадия уголовного судопроизводства, которая включается в общий срок уголовного разбирательства, это предварительное расследование.

По законодательству Азербайджана, неотложные следственные действия должны быть закончены в срок не более 10 суток со дня возбуждения уголовного дела (статья 218.1. УПК Азербайджана) [12].

Сроки предварительного следствия зависят от степени общественной опасности преступления. При этом минимальный срок – не позднее 2 месяцев после возбуждения уголовного дела, максимальный – не позднее 4 месяцев после возбуждения уголовного дела (статьи 218.2.-218.4. УПК Азербайджана) [12].

Сроки предварительного расследования в Армении регулируются статьей 197 УПК Армении [14].

Срок дознания должен быть проведен также в течение 10 суток.

Предварительное следствие должно быть закончено не позднее чем в двухмесячный срок. Этот срок не зависит от степени тяжести преступления, однако может быть продлен прокурором на основании мотивированного постановления следователя.

Срок ознакомления обвиняемого или его защитника с материалами уголовного дела не входит в срок расследования дела. Также в срок предварительного следствия не засчитывается время, в течение которого предварительное следствие было приостановлено по основаниям, предусмотренным уголовно-процессуальным законом.

Аналогичные положения о сроке предварительного следствия содержатся в статье 190 УПК Республики Беларусь [18]. Здесь же закреплено, что при возвращении уголовного дела на дополнительное расследование, а также при его возобновлении, следствие производится в срок до одного месяца со дня принятия следователем дела к своему производству.

В сравнении с предыдущими государствами в Казахстане сроки на дознание больше – не более одного месяца. Сроки предварительного следствия в Казахстане такие же как в Армении и в Беларуси (статья 192 УПК Казахстана) [11].

В Киргизии срок следствия также зависит от степени тяжести преступления. В отличие от Азербайджана в Киргизии следствие по делам о преступлениях небольшой тяжести должно быть закончено в срок не позднее одного месяца, по всем остальным делам – в двухмесячный срок со дня возбуждения уголовного дела (статья 162 УПК Киргизии) [15].

Примечательно, что по законодательству Молдовы срок уголовного преследования по конкретному делу устанавливается прокурором постановлением с учетом обстоятельств, влияющих

на такой срок. При этом установленный прокурором срок уголовного преследования является обязательным для офицера по уголовному преследованию и может быть продлен по его ходатайству (статья 259 УПК Молдовы) [9].

В уголовном процессе Таджикистана срок дознания такой же, как и в Казахстане – не более одного месяца. Предельный срок предварительного следствия не отличается от сроков, установленных в уголовно-процессуальных законах Армении и Беларуси – в течение двух месяцев (статья 164 УПК Таджикистана) [16].

Согласно статье 230 УПК Туркменистана, предварительное следствие по уголовным делам должно быть окончено не позднее чем в двухмесячный срок со дня возбуждения уголовного дела [17].

Таким образом, в исследуемых уголовно-процессуальных законах зарубежных государств минимальный срок дознания составляет не более 10 суток, максимальный – в течение одного месяца; минимальный срок предварительного следствия – не позднее чем в месячный срок, максимальный – в течение четырех месяцев. Во всех рассматриваемых государствах предусмотрены механизмы для продления сроков расследования. В большинстве странах определены обстоятельства, влияющие на срок расследования. Указанные сроки исчисляются со дня возбуждения уголовного дела.

Конечным этапом уголовного судопроизводства, применительно к данному исследованию, является этап судебного разбирательства.

Существуют и другие этапы уголовного разбирательства (производство в судах вышестоящих инстанциях, исполнение приговора и так далее), но они не входят в предмет настоящего исследования.

В статье 292 УПК Армении предусмотрено, что после поступления уголовного дела судья исследует его материалы и в течение 15 суток с момента принятия уголовного дела к своему производству выносит решение, в том числе о назначении судебного разбирательства [14].

По законодательству Беларуси, на принятие решения о назначении судебного разбирательства судье отводится четырнадцать суток (статья 276 УПК Республики Беларусь) [18].

При этом судебное разбирательство уголовного дела должно быть начато в судебном заседании не позднее четырнадцати суток с момента вынесения судьей постановления о его назначении, а по делам особой сложности – не позднее тридцати суток (статья 282 УПК Республики Беларусь) [18].

Аналогичные сроки установлены в статьях 261 и 271 УПК Таджикистана [16].

Если в Армении, Таджикистане и Беларуси для судьи определен срок для назначения дела к слушанию со дня принятия дела к производству, то в Грузии четырнадцатидневный срок исчисляется с даты окончания досудебного заседания (статья 225 УПК Грузии) [8]. Порядок проведения до-

судебного заседания и разрешаемые на таком заседании вопросы регулируются статьей 219 УПК Грузии [8].

В соответствии со статьей 319 УПК Казахстана после поступления уголовного дела в суд судья назначает судебное заседание по рассмотрению дела в течение пяти суток. Судебное разбирательство должно быть начато не позже десяти суток при сокращенном порядке рассмотрения и пятнадцати суток при общем порядке рассмотрения с момента вынесения постановления о его назначении [11].

В Киргизии судья должен начать рассмотрение дела не позднее 14 суток со дня вынесения постановления о назначении дела к судебному разбирательству, а по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, – не позднее 30 суток (статья 283 УПК Киргизии) [15].

В этой же статье установлены сроки разрешения судьей уголовных дел по существу – максимальный три месяца. Однако, здесь же установлено, что сроки продлеваются по решению суда, которое не подлежит обжалованию.

Как указано в статье 345 УПК Молдовы, не позднее чем в 3-дневный срок после распределения дела для судебного разбирательства судья назначает срок проведения предварительного заседания, которое начинается не позднее чем в течение 20 дней со дня распределения дела [9].

Уголовно-процессуальные законы Армении, Беларуси, Казахстана и Киргизии предоставляют судьям возможность выбирать вид назначаемого судебного заседания – предварительное или основное. По законодательству Грузии и Молдовы, судья первоначально назначает предварительное судебное заседание, а после него основное.

В Туркменистане судья должен разрешить вопрос о назначении судебного разбирательства по делу обвиняемого не позднее пяти суток, а по сложным делам – не позднее четырнадцати суток с момента поступления дела в суд. Само уголовное дело должно быть начато рассмотрением судами не позднее двадцати суток (статья 349 УПК Туркменистана) [17].

В уголовно-процессуальном законе Эстонии предусмотрен инструмент ускорения судопроизводства по ходатайству заинтересованного участника уголовного процесса (статья 274.1 УПК Эстонии) [13].

Таким образом, законодательство исследуемых иностранных государств закрепляет, на наш взгляд, разумные сроки судебного разбирательства, которые зависят, в том числе от сложности уголовного дела. При этом рассматриваемые выше уголовно-процессуальные законы предусматривают механизмы продления таких сроков без права на обжалование решений о продлении, что в свою очередь может привести к затягиванию судебного разбирательства.

Исследование уголовно-процессуального законодательства иностранных государств показа-

ло, что на нормативном правовом уровне государства уделяют должное внимание вопросу о сроке уголовного судопроизводства, устанавливая для должных лиц его пределы, превышение которых возможно только в исключительных случаях и при достаточном обосновании. На каждом этапе уголовного судопроизводства существуют свои сроки и обстоятельства, влияющие на их определение.

Литература

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
3. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 21.09.2004 по делу «Кушмирек (Kusmieriek) против Польши» (жалоба № 10675/02) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный; Постановление ЕСПЧ от 18.10.2011 «Дело «Г.О. (G.O.) против Российской Федерации» (жалоба № 39249/03) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
4. Постановление ЕСПЧ от 27.01.2011 «Дело «Евгений Алексеенко против Российской Федерации» (жалоба № 41833/04) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
5. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 17.12.2013 по делу «Барта и Драйко (Barta a№ d Drajkó) против Венгрии» (жалоба № 35729/12) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
6. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 10.05.2011 по делу «Димитров и Хаманов против Болгарии» (жалоба № 48059/06 и 2708/09) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
7. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/208545> (дата обращения: 20.03.2022). – Текст: электронный.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии. URL: <https://www.legislation.gov.ge/eli/consolidated/2022/03/20/001/ru.pdf> (дата обращения: 20.03.2022). – Текст: электронный.
9. Уголовно-процессуальный кодекс республики Молдова. URL: <https://www.legislation.gov.md/eli/consolidated/2022/03/20/001/ru.pdf> (дата обращения: 20.03.2022). – Текст: электронный.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Украины. URL: <https://www.legislation.gov.ua/eli/consolidated/2022/03/20/001/ru.pdf> (дата обращения: 20.03.2022). – Текст: электронный.

ru.pdf (дата обращения: 20.03.2022). – Текст: электронный.

11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL: https://www.legislation.kz/ru/9709/file/KAZ_CPC%20as%20of%20July%202021_ru.pdf (дата обращения: 20.03.2022). – Текст: электронный.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики. URL: https://www.legislation.az/ru/8308/file/Azerbaijan_CPC_2000_am2018_ru.pdf (дата обращения: 20.03.2022). – Текст: электронный.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии. URL: https://www.legislation.ee/ru/9738/file/EST_CPC_ru.pdf (дата обращения: 20.03.2022). – Текст: электронный.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения. URL: https://www.legislation.am/ru/4261/file/Armenia_CPC_am2006_ru.pdf (дата обращения: 20.03.2022). – Текст: электронный.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики. URL: https://www.legislation.kg/ru/10023/file/KYRG_CPC_2021_ru.pdf (дата обращения: 20.03.2022). – Текст: электронный.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан. URL: https://www.legislation.tj/ru/9521/file/TAJ_CPC.pdf (дата обращения: 20.03.2022). – Текст: электронный.
17. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана. URL: https://www.legislation.tm/ru/8317/file/Turkmenistan_CPC_2009_am_2019_ru.pdf (дата обращения: 20.03.2022). – Текст: электронный.
18. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. URL: https://www.legislation.by/ru/9163/file/BEL_CPC_ru.pdf (дата обращения: 20.03.2022). – Текст: электронный.

APPLICATION OF THE PRINCIPLE OF REASONABLE TIME IN CRIMINAL PROCEEDINGS: GENERALIZATION OF INTERNATIONAL EXPERIENCE

Shakhova A.M.

Far Eastern Federal University

Due to the processes of globalization and integration after the ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950, a provision on a reasonable time for criminal proceedings was introduced into the Code of Criminal Procedure of some countries, in connection with which a lot of disputes arose in legal science about the nature of this category and issues, regarding its provision. In the article, using the formal legal method of research, the legal regulation of the issue of the terms of criminal proceedings, reflected in the criminal procedure laws of the CIS countries (Azerbaijan, Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, Uzbekistan, Tajikistan), as well as Bulgaria, Hungary, Georgia, Turkmenistan, Ukraine and Estonia. Specific terms are considered at various stages of criminal proceedings – initiation of a criminal case, preliminary investigation, trial. Some legal positions of the European Court of Human Rights regarding the duration of criminal proceedings are also outlined.

Keywords: term of criminal proceedings; criminal procedure laws; stages of the criminal process; criminal proceedings; preliminary investigation; trial; CIS countries; countries of the world; European Court of Human Rights.

References

1. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome on 04.11.1950) // Access from the ATP "ConsultantPlus". – Text: electronic.
2. International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly) // Access from the ATP "ConsultantPlus". – Text: electronic.
3. Information about the Judgment of the ECtHR of 21.09.2004 in the case of *Kusmierek v. Poland* (complaint no. 10675/02) // Access from the ConsultantPlus SPS. – Text: electronic; Judgment of the ECtHR dated October 18, 2011 "Case "G.O. (G.O.) v. Russian Federation (complaint no. 39249/03) // Accessed from ConsultantPlus SPS. – Text: electronic.
4. Judgment of the ECtHR dated January 27, 2011 "The case of *Evgeny Alekseenko v. the Russian Federation*" (complaint No. 41833/04) // Access from the ConsultantPlus SPS. – Text: electronic.
5. Information about the ECtHR judgment of 12/17/2013 in the case of *Barta and Drajko v. Hungary* (complaint no. 35729/12) // Access from the ConsultantPlus SPS. – Text: electronic.
6. Information on the ECtHR judgment of 05/10/2011 in the case of *Dimitrov and Khamanov v. Bulgaria* (complaint nos. 48059/06 and 2708/09) // Access from the ConsultantPlus SPS. – Text: electronic.
7. Dictionaries and encyclopedias at Academician. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/208545> (date of access: 03/20/2022). – Text: electronic.
8. Code of Criminal Procedure of Georgia. URL: https://www.legislation.ge/ru/9997/file/GEO_CPC_Ju%20e%202021_ru.pdf (date of access: 03/20/2022). – Text: electronic.
9. Code of Criminal Procedure of the Republic of Moldova. URL: https://www.legislation.md/ru/10027/file/MOLD_CPC_2021_en.pdf (Accessed 20.03.2022). – Text: electronic.
10. Code of Criminal Procedure of Ukraine. URL: https://www.legislation.ua/ru/8969/file/Ukraine_e_Criminal%20Procedure%20Code_as%20of%20July%202020_ru.pdf (date of access: 03/20/2022). – Text: electronic.
11. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan. URL: https://www.legislation.kz/ru/9709/file/KAZ_CPC%20as%20of%20July%202021_ru.pdf (date of access: 20.03.2022). – Text: electronic.
12. Code of Criminal Procedure of the Republic of Azerbaijan. URL: https://www.legislation.az/ru/8308/file/Azerbaijan_CPC_2000_am2018_ru.pdf (Accessed 20.03.2022). – Text: electronic.
13. Estonian Code of Criminal Procedure. URL: https://www.legislation.ee/ru/9738/file/EST_CPC_ru.pdf (date of access: 03/20/2022). – Text: electronic.
14. Code of Criminal Procedure of the Republic of Armenia. URL: https://www.legislation.am/ru/4261/file/Armenia_CPC_am2006_ru.pdf (date of access: 03/20/2022). – Text: electronic.
15. Code of Criminal Procedure of the Kyrgyz Republic. URL: https://www.legislation.kg/ru/10023/file/KYRG_CPC_2021_ru.pdf (date of access: 20.03.2022). – Text: electronic.
16. Code of Criminal Procedure of the Republic of Tajikistan. URL: https://www.legislation.tj/ru/9521/file/TAJ_CPC.pdf (date of access: 20.03.2022). – Text: electronic.
17. Code of Criminal Procedure of Turkmenistan. URL: https://www.legislation.tm/ru/8317/file/Turkmenistan_CPC_2009_am_2019_ru.pdf (Accessed 20.03.2022). – Text: electronic.
18. Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus. URL: https://www.legislation.by/ru/9163/file/BEL_CPC_ru.pdf (date of access: 20.03.2022). – Text: electronic.

Обеспечение доступа к устойчивым источникам энергии: обобщение исследований в области международного права

Аратский Илья Дмитриевич,

аспирант кафедры международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: Aratskiy1996@gmail.com

Актуальность исследования. Международное энергетическое право находит большое число точек соприкосновения с концепцией устойчивого развития, при этом доступ к устойчивым источникам энергии стал предметом всеобщего обсуждения с учетом его включения в Цели устойчивого развития ООН в 2015 г. *Цель исследования.* Целью работы является исследование становления и развития категории «доступ к устойчивым источникам энергии» в рамках концепции устойчивого развития в трудах зарубежных юристов по международному праву. *Результаты и выводы исследования.* Во-первых, концепция устойчивого развития была впервые документально определена в 1987-ом году, международное энергетическое право до 1987-го года не имело точек соприкосновения с устойчивым развитием. Во-вторых, с 1987-го до начала 2000-ых годов имела место низкая степень доктринальной разработки исследуемой проблематики. В-третьих, в XXI веке устойчивому развитию начали уделять особое внимание в рамках международного права. *Научная и практическая значимость.* В рамках настоящего исследования автором была предпринята попытка впервые выявить и проанализировать генезис доступа к устойчивым источникам энергии в рамках концепции устойчивого развития.

Ключевые слова: международное право, международное энергетическое право, устойчивое развитие, устойчивые источники энергии, доступ к устойчивым источникам энергии, зарубежные юристы.

Взгляды зарубежных юристов конца XX века на доступ к источникам энергии в рамках концепции устойчивого развития

Исследуемая в рамках настоящей работы проблематика является сравнительно новой. Так, первая Конференция по проблемам окружающей человека среды состоялась 5–16 июня 1972 года в Стокгольме и установила 26 принципов сохранения окружающей среды в принятой в ходе Конференции Стокгольмской декларации [1]. Кроме того, Конференция рекомендовала создание Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП), созданной по итогам Конференции в 1972 году на основе резолюции Генеральной Ассамблеи ООН [3] и являющейся на сегодняшний день ведущим учреждением системы ООН по экологическим вопросам.

При этом, в ходе Конференции вопросы, связанные с устойчивым развитием, еще не поднимались, однако, указанная Конференция считается первым «совместным желанием» международного сообщества приступить к разрешению накопившихся в ходе человеческой деятельности экологических проблем. Отметим, что в научной среде Конференция и ее итоги не раз подвергались критике. Так, по утверждению Д.П. Бака, «даже в документах ООН после Стокгольмской конференции признавалось, что для конкретной интеграции экологических проблем в политику и планы развития было сделано очень мало. Очевидно, что необходима более комплексная перспектива, учитывающая как экономическое развитие, так и экологические аспекты» [5, с. 577].

Ситуация существенным образом изменилась в 1983-ем году (если быть точнее, в 1987-ом, однако, начало было положено именно в 1983-ем). Так, под эгидой Генеральной Ассамблеи ООН была создана Всемирная комиссия по вопросам окружающей среды и развития [4]. В этой связи И. Борови пишет, что в 1984 году Комиссия собралась в Женеве, что стало первой из восьми встреч за трехлетний период. Члены комиссии прибыли из 21 страны в разных частях мира, большинство из которых были из южных стран, и все они имели опыт работы в международных организациях или с ними. Ее (Комиссию – прим.) возглавила Гру Харлем Брундтланд, бывший премьер-министр Норвегии по охране окружающей среды.

Генеральный секретарь, канадец Джим Макнил, до этого возглавлял Управление по окружающей среде в ОЭСР, и он «принес с собой» принципы, на которых будут строиться обсуждения в комиссии: окружающая среда и экономика должны и могут быть совместимы, а политика требовала комплексного подхода, направленного на развитие, с учетом основных причин, а не симптомов проблем [8, с. 155].

В 1987-ом году Комиссия опубликовала фундаментальный Доклад «Наше общее будущее» [2], в котором впервые было дано определение устойчивого развития, а также комплексно проанализировано состояние дел в части соответствия деятельности человека в различных сферах общественной жизни критериям устойчивости.

При этом, встречались и критики Доклада: так, Т. Брентон в 1994 г. писал: «Г-жа Брундтланд выдвинула лозунг, под которым могли объединиться политики первого мира с зелеными электоратами для умиротворения и политики третьего мира, которым необходимо бороться с экономическими лишениями. Формула, конечно, была расплывчатой, но детали можно было оставить на потом» [12, с. 129]. Несмотря на различные противоречия, которые могут возникать в ходе разработки и опубликования любых фундаментальных и инновационных научных материалов, правомерно утверждать, что концепция устойчивого развития была представлена и, как следствие, годом ее «за рождения» считаем 1987-ой год.

Представляется, любые научные работы до 1987-ого года не представляют интереса в рамках настоящего исследования, так как не будут отвечать главному критерию – критерию «зарождения» самой исследуемой проблематики, в связи с чем остановимся подробнее на научных работах, опубликованных после 1987-го года, а также иных материалах и документах, находящихся в фокусе исследования. Подчеркнем, что концепция устойчивого развития обсуждалась в ходе таких международных конференций и саммитов в XX веке, как Международный конгресс по природопользованию и устойчивому развитию 1988 г.; Конференция Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД) 1992 г., а также создана Межгосударственная Комиссия ООН по устойчивому развитию; Конференция ООН по изменению климата COP3 1997 г.

Зарубежные ученые-юристы в 90-ых годах XX века практически не занимались вопросами доступа к устойчивым источникам энергии – в большинстве случаев их волновали иные аспекты устойчивости, такие как экономика, устойчивое развитие территорий, а также ряд иных, не связанных с энергетикой экологических проблем (мировой океан, биоразнообразие и др.).

Полагаем, это обусловлено объективными причинами отсутствия достаточной технологической базы, а также инструментов и способов реализации, равно как нормативной правовой базы – как национальной, так и международной. Так, в 1991 г.

зарубежный юрист Д. Бейтс в работе «Правовые предпосылки устойчивого развития» отмечал, что существует серьезная проблема не только в части разработки законодательства, но и в рамках обеспечения его исполнения. Ограничительные нормы права и традиционные правовые нормы, касающиеся экологических интересов, по мнению автора, нуждаются в пересмотре. Бейтс пишет: «Во всем этом история показала, что наилучшие результаты достигаются путем сотрудничества и консультаций [7, с. 97], что, на наш взгляд, представляется актуальным.

Юрист Г.С. Рове в 1991 г. в научной статье «Международная экологическая устойчивость: политика и право» отмечает, что политика и институциональные механизмы, направленные на обеспечение экологической устойчивости, должны учитываться как пространственные, так и межвременные (межпоколенческие – *прим.*) внешние факторы, особенно когда речь идет об общественных благах. Оба типа внешних эффектов, по мнению автора, чрезвычайно сложны, когда они происходят на международном уровне. Международные общественные блага, такие как океаны, атмосфера, биоразнообразие и уникальные на международном уровне районы и явления, требуют регулирующих механизмов как на национальном, так и на международном уровне для их защиты, поддержания и нормирования.

В частности, международные стандарты и правила, помимо уже существующих, для предотвращения транснациональных и межвременных внешних эффектов и для защиты международных общественных благ должны быть установлены международным сообществом, приняты и соблюдены всеми членами сообщества наций. В качестве первого шага, согласно позиции Рове, следует принять строгие, международно-признанные процедуры оценки воздействия на окружающую среду [18, с. 123].

Индийский юрист М. Санвал в своей научной работе «Устойчивое развитие и эволюция международной политики и права», изданной в 1993 г., применимо к устойчивой энергетике указывает: «Широкое внедрение «чистых» технологий производства позволит экономить ресурсы, потреблять меньше энергии и производить небольшое количество отходов, поэтому наращивание потенциала должно стать ключевым элементом для того, чтобы эти сделки стали частью глобального партнерства, согласованного в Рио-де-Жанейро» [19, с. 57–68]. По мнению автора, будущие дебаты по реализации устойчивого развития будут посвящены относительной важности производственной или потребительской деятельности в мерах по сокращению загрязнения, подходу к управлению рисками и соображениям справедливости [ibid]. При этом, М. Санвал исходит из того, что эволюция концепции устойчивого развития началась с 1972-го года: «Стокгольм в 1972 году был озабочен уточнением потерь и значимости проблемы. Рио в 1992 году занимался оценкой вариантов действий. На сле-

дующей конференции будут приняты и реализованы решения» [Ibid].

А.Д. Брэдбрук, являющийся одним из самых известных и признаваемых юристов в исследуемой проблематике (международное энергетическое право и устойчивое развитие), с 1985 года публикует научные работы, связанные с темой настоящего исследования. Из десятков его научных работ, на наш взгляд, наиболее отвечающим рассматриваемым проблемам являются следующие: изданная в 1993 г. статья «Энергетическое право: игнорируемый аспект экологического права» и изданная в 1995 г. статья «Развитие права в области возобновляемых источников энергии и энергосбережения».

В научной работе «Энергетическое право: игнорируемый аспект экологического права», А. Брэдбрук справедливо отмечает, что использование энергии занимает центральное место в нынешних дебатах об устойчивом развитии. Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию (Комиссия Брундтланд – *прим.*) заявила, что меры по повышению энергоэффективности и энергосбережения являются одним из ключевых элементов устойчивого развития. Брэдбрук уточняет: «энергоэффективность должна быть передовым направлением национальной энергетической политики в интересах устойчивого развития» [9, с. 1].

В статье «Развитие права в области возобновляемых источников энергии и энергосбережения», Брэдбрук указывает, что на международном уровне принятие принципа устойчивого развития после вступления в силу Рамочной конвенции об изменении климата влечет за собой ряд последствий для энергетического законодательства [10, с. 544]. Автор, критикуя Повестку дня на XXI век, пишет: «Другая идея состояла в том, чтобы включить главу по энергетике и устойчивому развитию в «Повестку дня 21». К сожалению, хотя в повестке дня нет никаких юридических обязательств, достичь согласия по содержанию главы по энергетике не удалось. На мой взгляд, это вызывает сожаление, учитывая важность энергетики в контексте устойчивого развития; это вопрос, который нельзя игнорировать» [Ibid].

В середине-конце 90-ых годов XX века стали появляться первые диссертации (преимущественно – кандидатские), посвященные проблемам устойчивого развития. Так, фундаментальное исследование И. Фелратх «Исследование отдельных принципов международного экологического права в рамках «Устойчивого развития»» затрагивает объемный спектр вопросов, таких как территориальная целостность и постоянный суверенитет над природными ресурсами, предупреждение и принципы предосторожности, оценка устойчивого развития как рамочного принципа международного экологического права и многие другие.

По убеждению автора, устойчивое развитие оказалось многогранным выражением, которое крайне трудно конкретизировать, и сложным, как паутина. Изучение одной грани открывает новые,

и процесс исследования вскоре становится бесконечным [15]. Автор, ссылаясь на других ученых, подчеркивает, что «энергетическая дилемма» представляет собой особенно наглядный пример противоречия экологических интересов нынешнего и будущих поколений. По мнению Фелратх, интерес нынешнего поколения полагаться на ядерную энергетику как на наиболее технически осуществимый неископаемый альтернативный источник энергии и тем самым снижать количество выделяемого в атмосферу углекислого газа и связанные с ним неблагоприятные экологические последствия в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе противоречит интересам будущих поколений не страдать от долгосрочных токсичных выбросов мест захоронения ядерных отходов [Ibid].

Как видно из приведенного перечня научных работ зарубежных юристов конца XX-го века, вопросами устойчивости начали всерьез интересоваться и, как следствие, такие вопросы обсуждать только в начале 90-ых годов прошлого века. При этом, важно отметить, что вопросы устойчивой энергетики в основном исследовались узким кругом юристов, а вопросы, связанные с доступом к устойчивым источникам энергии, практически не находились в фокусе зарубежных юристов конца прошлого века.

Подчеркнем, что говорить о полном отсутствии информации в части доступа к источникам энергии в рамках концепции устойчивого развития неправомерно: так, в докладе 1987 г. «Энергия для устойчивого мира» отмечается, что «бедные, которые используют древесину для приготовления пищи, потребляют в три-десять раз больше энергии на душу населения, чем потребители в развивающихся или промышленно развитых странах, которые имеют доступ к современным энергоносителям» [16], и, рассуждая об энергоэффективности, авторы доклада пишут: «Обеспечение электричеством всех домашних хозяйств также должно быть поставлено на первое место. В сельских районах, где доступ к централизованным электрическим сетям является особенно дорогостоящим или непрактичным, следует внимательно изучить децентрализованные источники энергии, основанные на местных ресурсах, например, газогенераторные установки производителей, использующие топливо из биомассы» [Ibid].

В научной статье «Сельская энергетика в развивающихся странах: вызов экономическому развитию», изданной в 1996 г., Д.Ф. Барнс и В.М. Флор, рассуждая на тему доступа к источникам энергии (в том числе – в рамках концепции устойчивого развития), отмечают, что важным, но часто игнорируемым аспектом производства и использования энергии, является отсутствие доступа сельского населения к недорогим «современным» источникам энергии, таким как электричество, жидкое топливо и современная биомасса [6]. Авторы пишут: «энергетические проблемы развивающихся стран серьезны и широко распространены.

Отсутствие доступа к современным и устойчивым источникам энергии затрагивает до 90% населения многих развивающихся стран» [Ibid]. В заключение своей работы Барнс и Флор подчеркивают, что экономические и институциональные реформы, проводимые в настоящее время во многих странах, открывают существенные возможности как для государственных, так и для частных инициатив по улучшению ситуации с энергоснабжением буквально миллиардов людей, которые пока не могут позволить себе или получить доступ к современным формам энергии [Ibid].

Приведенные выше научные работы, датированные концом прошлого века, позволяют утверждать, что положения, представленные в таких работах, соответствуют критерию устойчивости (как энергетики, так и самой энергии, напр., если в работе речь идет о биомассе или энергии солнца) и, как следствие, позволяют говорить о начинающихся исследованиях в этой области в трудах зарубежных юристов конца XX-го века.

Доступ к источникам энергии в рамках концепции устойчивого развития в трудах зарубежных юристов начала XXI века

В XXI веке ситуация как с устойчивым развитием, так и с доступом к устойчивым источникам энергии кардинальным образом изменилась. На Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию 2002 года был принят Йоханнесбургский план выполнения решений, в котором признавалось, что доступ к современным энергетическим услугам имеет решающее значение для достижения Целей развития тысячелетия (ЦРТ), которые ООН выдвинула (в 2000-ом году – прим.) для удовлетворения потребностей беднейших слоев населения мира к 2015 году. В нем также содержится призыв к включению «энергетических затрат» в национальные стратегии развития. Некоторые из многосторонних партнерств в интересах устойчивого развития, созданных в Йоханнесбурге, также были сосредоточены на обеспечении доступа к энергии для поддержки ЦРТ.

Таким образом, в ЦРТ прямо не зафиксирована (впоследствии уточнено только в Целях устойчивого развития ООН – ЦУР), однако, оговорена и подчеркнута важность устойчивого энергетического развития и, как следствие, доступа к таким источникам энергии, которые могут быть признаны устойчивыми. С начала века большое количество научных работ за рубежом было посвящено как устойчивой энергетике и энергии, так и всеобщему доступу к ней.

А.Д. Брэдбрук, чьи труды были рассмотрены выше, и в XXI веке остался одним из наиболее авторитетных юристов в указанной области. В начале XXI века он опубликовал такие работы, как «Энергетическое право и устойчивое развитие», «Вклад международного права в достижение глобального устойчивого производства и потребле-

ния энергии», «Значение договора к Энергетической Хартии» и многие другие.

Так, в работе «Вклад международного права в достижение глобального устойчивого производства и потребления энергии» ученый отмечает, что в контексте устойчивого развития энергетика недавно заняла видное место на Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию, состоявшейся в Йоханнесбурге в сентябре 2002 года. План выполнения решений, согласованный на этом саммите, представляет собой первое существенное международное соглашение, которое намечает путь вперед к сокращению потребления энергии в развитых странах и обеспечению того, чтобы все человечество имело доступ к современным энергетическим услугам. Этот документ, по мнению Брэдбрука, можно рассматривать как первый шаг на пути к глобальной энергетической политике [Ibid].

Автор заключает: «хотя многие могут считать заявление об энергетических принципах слишком слабым, чтобы быть эффективным, и поэтому предпочли бы переговоры о новой Конвенции по энергетике или новом энергетическом протоколе к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата, утверждается, что такой обязательный договор практически невозможно будет достичь в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Это должно быть оставлено на третьем этапе развития международного права» [Ibid].

Отметим, что профессор Брэдбрук не является единственным юристом, интересующимся международным энергетическим правом и устойчивым развитием. Так, видными и авторитетными юристами в этой сфере, публикующимися на постоянной основе в XXI веке, являются Р.Д. Хеффрон, К. Талус, С. Брюс. Рассмотрим подробнее их взгляды на исследуемую проблематику.

Р.Д. Хеффрон (в соавторстве с К. Талусом, А.Д. Брэдбруком и рядом других авторов), в своей работе «Трактат по энергетическому праву» рассматривают широкий спектр вопросов, относящихся к тематике исследования. Так, авторы пишут: «в последние десятилетия было запоздало признано, что для обеспечения устойчивого развития в развивающихся странах крайне важно, чтобы современные энергетические услуги были доступны для всего сообщества» [17].

Продолжая рассуждения на тему осведомленности граждан (и не только) в части устойчивого развития, авторы отмечают, что растущее признание важности доступа к энергетическим услугам очевидно из сравнения Целей развития тысячелетия Генеральной Ассамблеи ООН (ЦРТ), провозглашенных в Декларации тысячелетия 2000 года, и Целей устойчивого развития (ЦУР), также провозглашенных Генеральной Ассамблеей в документе «Трансформация нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». В первом случае цели не упоминают энергию. В то же время, Цель 7 ЦУР прямо

посвящена энергетике: «Обеспечить доступ к доступной, надежной, устойчивой и современной энергии для всех». Задача 7.1 гласит: «К 2030 году обеспечить всеобщий доступ к недорогим, надежным и современным энергетическим услугам» [Ibid]. В связи с этим, авторы задают правомерный, однако, на сегодняшний день риторический вопрос «Входит ли право доступа к энергетическим услугам в международное право в области прав человека?» [Ibid].

К. Талус в своей работе «Эволюция энергетического права и энергетической юриспруденции: Идеи для энергетических аналитиков и исследователей» отмечает, что пятая стадия эволюции энергетического права только начинается. Энергетическое право, а также энергетическая справедливость и развитие теории энергетического права, будут направлены не на дискриминацию или выбор между источниками энергии, а скорее на устойчивое использование всех источников энергии и улучшение справедливости на протяжении всего жизненного цикла энергии для каждого источника энергии [20, с. 8]. Тем самым, на наш взгляд, автор подчеркивает не только важность развития энергетического права в контексте устойчивой энергии, но, в том числе, необходимость грамотного управления энергетическими ресурсами в части обеспечения всеобщего и наиболее быстро достижимого доступа к устойчивым источникам энергии.

С. Брюс, деятельность которого наиболее коррелирует с тематикой исследования, является автором существенного числа работ (как научных – статей, книг, монографий, так и иного характера – сборников, докладов и пр.), ряд из которых, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть.

Так, в одной из своих работ «Международное право и возобновляемые источники энергии: содействие устойчивому развитию энергетики для всех?» С. Брюс, рассуждая о международных организациях и иных площадках, призванных содействовать обеспечению всеобщего доступа к устойчивым источникам энергии, приводит в качестве примера Конференцию Энергетической Хартии, SEforALL (Устойчивая энергетика для всех), Международную конференцию по возобновляемым источникам энергии, а также Международное агентство по возобновляемым источникам энергии (ИРЕНА). При этом, автор подчеркивает, что «из-за отсутствия международного консенсуса продолжают дебаты о содержании, правовом статусе, процессе и роли устойчивого развития. Тем не менее, как бы это ни характеризовалось, устойчивое развитие как концепция повлияло на эволюцию энергетической политики» [14, с. 18].

В работе «Глобальное энергетическое управление и международные институты» С. Брюс в контексте доступа к источникам энергии в рамках устойчивого развития пишет, что многочисленные императивы и пересекающиеся проблемы приводят к необходимости лучшего теоретизирования глобального энергетического управления и его реализации в реальном мире. Наиболее релевант-

ными для этого являются три цели ЦУР 7 – всеобщий доступ к чистой энергии и глобальное расширение потенциала и использования возобновляемых источников энергии и энергоэффективности [13, с. 5].

Рассуждая о влиянии G20 на такой доступ, автор отмечает: «G20 также запустила свой «План действий по климату и энергетике для роста», который сосредоточился на таких вопросах, как долгосрочные стратегии развития с низким уровнем выбросов парниковых газов, «переход» энергетического сектора, содействие повышению энергоэффективности, расширение масштабов использования возобновляемых источников энергии, финансирование чистой энергетики и обеспечение доступа к современным и устойчивым энергетическим услугам для всех». В заключение С. Брюс, резюмируя основные направления исследований, приведенные в работе в рамках исследуемой проблематики, утверждает, что эти направления исследований, среди прочего, являются ключом к пониманию того, как государства и сообщества могут быстро, реально и эффективно достичь всеобщего доступа к энергии, энергетической независимости и устойчивого и инклюзивного роста.

В заключение обозначим следующие основополагающие выводы.

Во-первых, концепция устойчивого развития была впервые документально определена в 1987-ом году, то есть, международное энергетическое право до 1987-го года не имело точек соприкосновения с устойчивым развитием в рамках международного права.

Во-вторых, анализ большинства публикаций с 1987-го до начала 2000-ых годов позволяет сделать вывод о низкой степени доктринальной разработки доступа к устойчивым источникам энергии в рамках международного права. Представляется, в период с 1987-го до начала 2000-ых годов был узкий круг зарубежных юристов, исследующих конкретно энергетические аспекты и соответствующую проблематику с точки зрения устойчивого развития, при этом, доступ к устойчивым источникам энергии по ряду практических причин не лежал в фокусе исследования зарубежных юристов того времени, и, как следствие, оставался неисследованным.

В-третьих, в ходе рассмотрения трудов зарубежных юристов в XXI-ом веке было определено, что устойчивому развитию (как в рамках устойчивой энергетики, так и в иных аспектах) начали уделять особое внимание – по мнению ряда исследователей (напр., Д.П. Бака), термин «устойчивое развитие» стал своего рода «трендом», модным словом, которое, по мнению И. Фелратх, может как означать всё, так и не значить ничего.

Зарубежные юристы в своих трудах, опубликованных в XXI-ом веке, склонны полагать, что в настоящее время международное право ставит больше вопросов, чем дает ответов, с чем мы склонны согласиться. Так, отсутствие единого международного договора, очерчивающего контуры законо-

дательного регулирования доступа к устойчивым источникам энергии, нежелание международного сообщества создать универсальную межправительственную организацию, посвященную сугубо вопросам устойчивой энергетики и обеспечению всеобщего доступа к ней, а также низкий уровень электрификации ряда развивающихся стран позволяют утверждать, что вопрос всеобщего обеспечения доступа к устойчивым источникам энергии и его регулирование международным правом является не разрешенным и требует дальнейшего изучения с целью устранения всех пробелов в правовом регулировании исследуемой проблематики.

Литература

1. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды от 16.06.1972 г.: офиц. текст // Офиц. сайт ООН [Электронный ресурс] – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml
2. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс] – URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>
3. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2997 (XXVII) от 15 декабря 1972 года [Электронный ресурс] – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2997%28XXVII%29>
4. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 38/161 от 19.12.1983 года [Электронный ресурс] – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/38/161>
5. Bâc, D. P. A history of the concept of sustainable development: literature review / D.P. Bâc // *Annals of the University of Oradea, Economic Science Series.* – 2008. – № 2 (17). – P. 577.
6. Barnes, D., Floor, W.M. Rural Energy in Developing Countries: A Challenge for Economic Development / D. Barnes, W.M. Floor // *Annual Review of Energy and Environment.* – 1996. – № 2. – P. 497–530.
7. Bates, G. The legal implications of sustainable development / G. Bates // *Science of The Total Environment.* – 1991. – № 1–2 (108). – P. 97.
8. Borowy, I. The history of sustainable development and the United Nations / I. Borowy // *Routledge Handbook of the History of Sustainability*, Ed. by Jeremy Caradonna. – 2018. – P. 155.
9. Bradbrook, A.J. Energy Law: The Neglected Aspect of Environmental Law / A.J. Bradbrook // *Melbourne University Law Review.* – 1993. № . 19. – P. 1.
10. Bradbrook, A.J. Le développement du droit sur les énergies renouvelables et les économies d'énergie / A.J. Bradbrook // *Revue internationale de droit comparé.* – 1995. № 47 (2). – P. 544.
11. Bradbrook, A.J., Wahnschafft, R.D. The contribution of international law to achieving global sustainable energy production and consumption / A.J. Bradbrook, R.D. Wahnschafft // *Energy Law and Sustainable Development*, IUCN. – 2003. – P. 151–171.
12. Brenton, T. The Greening of Machiavelli: The Evolution of International Environmental Politics (1st ed.) / T. Brenton // London: Royal Institute of International Affairs, Energy and Environmental Programme. – 1994. – P. 129.
13. Bruce, S. Global Energy Governance and International Institutions. / S. Bruce // *Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals. Affordable and Clean Energy.* – 2018. – P. 5.
14. Bruce, S. International law and renewable energy: Facilitating sustainable energy for all? / S. Bruce // *Melbourne Journal of International Law.* University of Melbourne. – 2013. – № 14(1). – P. 18.
15. Fellrath, I. A study of selected principles of international environmental law in the light of 'sustainable development'. PhD thesis, University of Nottingham [Электронный ресурс] – URL: <http://eprints.nottingham.ac.uk/10983/1/285462.pdf>
16. Goldemberg, J. et al. Energy for a Sustainable World / J. Goldemberg et al. – 1987 [Электронный ресурс] – URL: http://pdf.wri.org/energyforsustainableworld_bw.pdf
17. Heffron, R.J. et al. A Treatise for Energy Law / R.J. Heffron et al. // *Journal of World Energy Law and Business.* – 2018. № 11. – P. 34–48.
18. Rowe, G.C. International environmental sustainability: policy and law / G.C. Rowe // *Science of The Total Environment.* – 1991. – № 1–2 (108). – P. 123.
19. Sanwal, M. Sustainable Development and the Evolution of International Policy and Law / M. Sanwal // Ghosh, P. & Jaitly, A. (eds.), *The Road from Rio: Environment and Development Policy Issues in Asia.* Tata Energy Research Institute, New Delhi. – 1993. – P. 57–68.
20. Talus, K., Heffron, R.J. The evolution of energy law and energy jurisprudence: Insights for energy analysts and researchers / K. Talus, R.J. Heffron // *Energy Research & Social Science.* – 2016. – № 19. – P. 8.

ENSURING ACCESS TO SUSTAINABLE ENERGY: A SYNTHESIS OF RESEARCH IN INTERNATIONAL LAW

Aratskiy I.D.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Relevance of the study. International energy law finds a large number of points of contact with the concept of sustainable development, while access to sustainable energy sources has become the subject of universal discussion, considering its inclusion in the UN Sustainable Development Goals in 2015. *The purpose of the study.* The purpose of the work is to study the formation and development of the category "access to sustainable energy sources" within the framework of the concept of sustainable development in the works of foreign lawyers on international law. *Results and conclusions of the study.* Firstly, the concept of sustainable development was first documented in 1987, international energy law had no points of contact with sustainable development until 1987. Secondly, from 1987 to the beginning of the 2000s, there was a low degree of doctrinal development of the issues under study. Thirdly, in the XXI century, special attention has been paid to sustainable development within international law. *Scientific and practical significance.* Within the framework of this study, the author has attempted for the first time to identify and analyze the genesis of access to sustainable energy

sources within the framework of the concept of sustainable development.

Keywords: international law, international energy law, sustainable development, sustainable energy sources, access to sustainable energy sources, foreign lawyers.

References

1. Declaration of the United Nations Conference on the Human Environment dated 06/16/1972: ofic. text // Ofits. UN website [Electronic resource] – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml
2. Report of the World Commission on Environment and Development "Our common future" // UN official website [Electronic resource] – URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>
3. UN General Assembly Resolution 2997 (XXVII) of December 15, 1972 [Electronic resource] – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2997%28XXVII%29>
4. UN General Assembly Resolution 38/161 of 12/19/1983 [Electronic resource] – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/38/161>
5. Bâc, D. P. A history of the concept of sustainable development: literature review / D.P. Bâc // Annals of the University of Oradea, Economic Science Series. – 2008. – № 2 (17). – P. 577.
6. Barnes, D., Floor, W.M. Rural Energy in Developing Countries: A Challenge for Economic Development / D. Barnes, W.M. Floor // Annual Review of Energy and Environment. – 1996. – № 2. – P. 497–530.
7. Bates, G. The legal implications of sustainable development / G. Bates // Science of The Total Environment. – 1991. – № 1–2 (108). – P. 97.
8. Borowy, I. The history of sustainable development and the United Nations / I. Borowy // Routledge Handbook of the History of Sustainability, Ed. by Jeremy Caradonna. – 2018. – P. 155.
9. Bradbrook, A.J. Energy Law: The Neglected Aspect of Environmental Law / A.J. Bradbrook // Melbourne University Law Review. – 1993. № . 19. – P. 1.
10. Bradbrook, A.J. Le développement du droit sur les énergies renouvelables et les économies d'énergie / A.J. Bradbrook // Revue internationale de droit comparé. – 1995. № 47 (2). – P. 544.
11. Bradbrook, A.J., Wahnschafft, R.D. The contribution of international law to achieving global sustainable energy production and consumption / A.J. Bradbrook, R.D. Wahnschafft // Energy Law and Sustainable Development, IUCN. – 2003. – P. 151–171.
12. Brenton, T. The Greening of Machiavelli: The Evolution of International Environmental Politics (1st ed.) / T. Brenton // London: Royal Institute of International Affairs, Energy and Environmental Programme. – 1994. – P. 129.
13. Bruce, S. Global Energy Governance and International Institutions. / S. Bruce // Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals. Affordable and Clean Energy. – 2018. – P. 5.
14. Bruce, S. International law and renewable energy: Facilitating sustainable energy for all? / S. Bruce // Melbourne Journal of International Law. University of Melbourne. – 2013. – № 14(1). – P. 18.
15. Fellrath, I. A study of selected principles of international environmental law in the light of 'sustainable development'. PhD thesis, University of Nottingham [Электронный ресурс] – URL: <http://eprints.nottingham.ac.uk/10983/1/285462.pdf>
16. Goldemberg, J. et al. Energy for a Sustainable World / J. Goldemberg et al. – 1987 [Электронный ресурс] – URL: http://pdf.wri.org/energyforsustainableworld_bw.pdf
17. Heffron, R.J. et al. A Treatise for Energy Law / R.J. Heffron et al. // Journal of World Energy Law and Business. – 2018. № 11. – P. 34–48.
18. Rowe, G.C. International environmental sustainability: policy and law / G.C. Rowe // Science of The Total Environment. – 1991. – № 1–2 (108). – P. 123.
19. Sanwal, M. Sustainable Development and the Evolution of International Policy and Law / M. Sanwal // Ghosh, P. & Jaitly, A. (eds.), The Road from Rio: Environment and Development Policy Issues in Asia. Tata Energy Research Institute, New Delhi. – 1993. – P. 57–68.
20. Talus, K., Heffron, R.J. The evolution of energy law and energy jurisprudence: Insights for energy analysts and researchers / K. Talus, R.J. Heffron // Energy Research & Social Science. – 2016. – № 19. – P. 8.

О некоторых проблемных вопросах определения такого уголовно правового понятия как «общественный порядок»

Агафонов Александр Владимирович,

кандидат юридических наук, кафедра уголовного права и криминологии, Сибирский юридический институт МВД России

E-mail: aleksandravagafonov@yandex.ru

Настоящая статья посвящена, по мнению ее автора, некоторым весьма проблемным, по его мнению, вопросам такого уголовно правового понятия как «общественный порядок». В рамках проведенного расследования автором использован исторический метод, т.е. им были выявлены и проанализированы точки зрения еще советских ученых правоведов по поводу содержания наполнения ими такого уголовно правового термина, как «общественный порядок». Установлено, что последними под социальным регламентом понимался сам порядок функционирования общественных отношений, урегулированных при этом как нормами права, так и нормами морали. При этом автором было установлено, что «общественный порядок» до начала 90-х гг. прошлого века имел явно уголовно обусловленный характер, так как в качестве второго видового объекта преступлений был предусмотрен в главе 10 УК РСФСР. В связи с принятием в 1997 г. УК РФ уголовно правовое значение «общественного порядка» не потеряло своей и доктринально обусловленной значимости. В качестве второго уже родового объекта преступлений «общественный порядок» был предусмотрен разделом IX УК РФ. Однако его легального определения современным российским законодателем не дано до сих пор. Отсутствуют в современный период и судебные толкования настоящего понятия. Среди современных ученых также нет определенного единства в определении и трактовании содержания социального регламента. В связи с чем автором выявлены, зафиксированы и проанализированы весьма различные точки зрения по поводу его содержания. Им выявлены как недостатки этих теоретических обусловленных явно субъективных мнений, так и их сильные стороны. В заключении высказано и собственное мнение, явно не носящее при этом характер абсолютного постулата.

Ключевые слова: Общество, порядок, общественные отношения, правоотношения, уголовные правоотношения, объект преступления, родовый объект преступления, видовой объект преступления, общественный порядок, правопорядок.

В качестве второго законодательно закрепленного родового объекта преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, как следует из самого этнонима раздела IX УК Российской Федерации, выступает общественный порядок. Последний содержательно состоит как бы из двух, при этом вполне между собой равноправных, этимологических начал, а именно: общества и порядка, что, безусловно, передает в наше распоряжение не только все вполне допустимые, но и вполне достаточные основания для сублимирования вопроса о самих возможности и допустимости при доктринальном определении такого нормативно-правового понятия как «общественный порядок» вычленять его широкий смысл, т.е. – порядок общества или в обществе.

В связи с тем, что общество представляет собой определенную совокупность людей, объединенных исторически обусловленными общественными формами совместной жизни и деятельности [13. С. 353], а порядок – есть «...правила, по которым совершается что-нибудь» [13. С. 457], или «...правильное, налаженное состояние, расположение чего-нибудь, где правила есть постановление, предписание, устанавливающие порядок чего-нибудь» [13. С. 459], то общественный порядок в самом широком смысле этого слова, т.е. в более развернутом виде можно попытаться определить и как нормальное, т.е. налаженное предписаниями или постановлениями верховного органа государственной власти состояние некой совокупности людей, исторически обусловленное формами совместной жизни и деятельности, обеспечивающими ее бесперебойное дальнейшее существование и функционирование.

Подобные определения общественного порядка, по нашему мнению, не являются через чур оригинальными, т.е. имеют определенное распространение в научной среде нашей страны.

Так, ныне покойная, однако до сих пор довольно известная, так как является одной из апологетов еще советской криминологии Н.Ф. Кузнецовой, ранее прямо указывала, что под социальным регламентом необходимо понимать «...закрепленные нормами права и морали определенный порядок отношений в общественных местах, это определенная совокупность видов и форм поведения граждан в обществе, сформулированных в нормативных актах, регулирующих поведение людей

в общественных местах» [11. С. 67], т.е. Нинель Федоровна во главу угла при определении этого понятия ставила именно сам порядок функционирования социальных отношений.

Впрочем, в советской юридической литературе еще в конце 60-х гг. прошлого века, появилось индивидуально обусловленное мнение согласно которой, общественный порядок изначально включает в себя определенную совокупность правил человеческого поведения, отраженных, в свою очередь, в нормативно правовых актах.

Однако, нами также отмечалась и несколько иная научно обособленная позиция по данному вопросу существовавшее также на тот момент. Так, например, в 1973 г. И.Н. Даньшин, прямо указывал, что общественный порядок есть «...сознательное волеизъявление, выраженное в стремлении к поддержанию нормального функционирования общественных отношений; неукоснительное соблюдение правил поведения и юридических норм всеми членами общества; общее стремление к стабильности и безопасности». [6. С. 122]

При этом, ряд советских ученых-правоведов того времени весьма обоснованно, на наш взгляд, не соглашались с подобного рода доктринальными определениями общественного порядка.

Так, в частности, они прямо указывали, что все приведенные выше определения содержали в себе две принципиальные для того времени ошибки:

- во-первых, по их мнению, уголовное право охраняло именно общественные отношения, а отнюдь не правила поведения людей, зафиксированные в том числе и в нормах советского уголовного права, а тем более и сознательное волеизъявление советских людей,
- во-вторых, взаимоотношение между гражданами Советского союза и социалистическим государством в целом, т.е. административным аппаратом последнего регламентировались не только вполне конкретными правовыми нормами, но и нормами так называемой социалистической морали (нравственности), основные требования которых, как они считали, были прямо зафиксированы в Программе КПСС.

В связи с чем, по их мнению, общественный порядок представлял собой именно систему установившихся на этот исторический период в советском обществе взаимоотношений (т.е. общественных отношений) между его членами и государством в целом, определяемых при этом не только советскими правовыми нормами, но и стандартами коммунистической морали, наличие которых обеспечиваются функционированием не только соответствующих государственных учреждений, но и общественных организаций, а также и деятельностью гражданам СССР направленных на использование ими своих конституционных прав, защиту нормативно предусмотренных прав и свобод, причем как физических так и юридических лиц.

Кроме того, общественный порядок был направлен и на обеспечение необходимости выпол-

нения всеми этими лицами своих законодательно закрепленных обязанностей.

Видимо именно с целью развития основных положений настоящей теоретической конструкции, Н.И. Загородников в учебной литературе, изданной в середине 80-х гг. прошлого столетия, прямо указывал, что общественный порядок следует рассматривать через призму двух взаимосвязанных плоскостей, т.е. в широком и узком смысле этого нормативно правового термина.

Так, по его мнению, в широком смысле последний охватывал собой всю «...совокупность общественных отношений советского социалистического государства, регулируемых как нормами социалистического права, так и правилами социалистического общежития, а также нормами морали и действующими обычаями советского общества». [8. С. 343]

Социальный регламент в специальном или узком смысле этого термина, по утверждению Н.И. Загородникова, представлял собой уже «...совокупность общественных отношений, которые складываются именно в общественных местах и по своему содержанию обеспечивают свободу и неприкосновенность личности, незыблемость общественной нравственности, общественного спокойствия, создают нормальные условия для труда и отдыха граждан, для деятельности государственных и общественных учреждений». [8. С. 343]

Фактически идентично, трактовал регламент функционирования всех общественных отношений в последующем и такой довольно видный представитель советского административного права как ныне покойный М.И. Еропкин.

Так, по его мнению, «...общественный порядок... – это ... система общественных отношений, регулируемая социальными нормами в целях обеспечения неприкосновенности личности, чести и достоинства, и иных прав граждан, охраны социалистической собственности, обеспечения спокойствия в общественных местах, создания нормальных условий для бесперебойной деятельности государственных и общественных организаций, для общения людей». [7. С. 15]

Анализируя позицию последнего по настоящему вопросу, мы видим, что М.И. Еропкин, в своем определении, явно постарался объединить в один два вполне самостоятельных подхода к доктринальному определению такого нормативного правового понятия как «общественный порядок».

В дальнейшем, в начале уже 90-х гг. истекшего столетия в одном из учебных изданий Е.А. Худяков явно оставаясь в целом на позиции изложенной ранее Н.И. Загородниковым и М.И. Еропкиным, в свою очередь, также доказывал своим оппонентам, что социальный регламент «...представляет собой определенную систему общественных отношений, обеспечивающих общественное спокойствие, нормальные условия труда, быта и отдыха граждан, а также работы государственных и общественных организаций и учреждений» [20. С. 501], т.е., в свою очередь, он явно старался вы-

явить суть подобного рода регламента, через приему его расширенного толкования.

При этом Е.А. Худяков, по нашему мнению, почему то не концентрирует свое внимание не только на способе, но и на средствах регуляции этого социально значимого института.

Фактически аналогично определял содержание общественного порядка и А.В. Серегин. Так этот автор предлагал понимать под последним «...урегулированную нормами права и иными социальными нормами систему общественных отношений, установление, развитие и охрана которых обеспечивают поддержание состояния общественного и личного спокойствия граждан, уважения их чести, человеческого достоинства и общественной нравственности». [20. С. 19]

Данное доктринальное определение, как мы видим, было последним из числа основанных на анализе основных положений Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. Где в качестве, второго видового объекта преступлений уголовная ответственность за совершение которых предусматривалась, в свою очередь, главой 10 выступал именно общественный порядок. [28. С. 152]

Общим для них было безусловное признание именно общественных отношений, охраняемых и регулируемых при этом некими обще социальными нормами, под которыми они видимо понимали, не только нормы права, но и нормы морали (обычай), а также признание в качестве основной цели уголовно-правовой охраны общественно-го порядка именно нормальное функционирование причем как социалистического общества, так и советского государства.

При этом, необходимо отметить, на наш взгляд, и следующее: к середине 90-х гг. истекшего века в Советском Союзе явно начинает снижаться социальная регулятивная ценность нравственности и морали, так, о необходимости присутствия последней даже формально не упоминается и в доктринально правовых определениях общественного порядка тех лет.

В 1996 г. в Российской Федерации был принят принципиально новое уголовное законодательство нашей страны, где в качестве одного из родовых object of crime, причем прямо перечисленных в разделе IX УК РФ, выступил именно общественный порядок. Однако его содержательное наполнение российским законодателем до сих пор не заполнено. Причем в современный момент по этому вопросу отсутствуют и руководящие разъяснения со стороны судов второй инстанции нашей страны.

Более того и современной российской уголовно правовой доктриной, общепризнанного определения социального регламента, причем именно с позиции определения содержания родового объекта преступлений не выработано до сих пор.

Следовательно, явно необходимо признать и тот явный факт, что в настоящее время явно «... отсутствует единство в понимании дефиниции общественного порядка, его предметного состава и основных институтов, что значительно затруд-

няет определение механизма его функционирования». [15. С. 52]

При этом Р.Л. Габдрахманов в одном из учебных изданий, изданных еще в конце прошлого века зафиксировал мысль, что при определении понятия общественного порядке явно необходимо отталкиваться от доктринально правового его определения, предлагаемого еще в начале 80-х гг. прошлого столетия Н.И. Коржанским.

По мнению этого довольно известного в современной России и не только правоведа, под социальным регламентом следует понимать всю «...систему существующих в (российском) обществе общественных отношений, сложившихся в соответствии с социальными нормами, в том числе с нормами права и правил общежития» [10. С. 1570], таким образом Н.И. Коржанский структурируя свое видение разрешения анализируемой нами проблемы явно предлагает использовать «широкий подход».

Данную точку зрения в дальнейшем полностью поддержал и Р.Р. Галиакбаров, который, в свою очередь, считал, что общественный порядок – это есть система общественных отношений, обеспечивающих нормальную социально-полезную деятельность людей, предприятий, учреждений, учреждений, организаций. [16. С. 281]

Изложенную позицию в настоящий момент полностью разделяет и А.С. Пивоваров, по мнению которого сам общественный порядок, состоит исключительно из системы «...общественных отношений, которая возникает и развивается в процессе общения ее участников преимущественно в общественных местах, и регулируется правовыми и иными социальными нормами, соблюдение которых обеспечивает личную и общественную безопасность людей, обстановку спокойствия, согласованности и ритмичности общественной жизни». [16. С. 54]

Следовательно, все перечисленные нами российские авторы, во главу угла при доктринальном определении ими содержания такого нормативно правового термина как «общественный порядок» выставляли именно общественные отношений или их определенный конгломерат.

Однако нами отмечается и функционирование в современной научной среде нашей страны и несколько иной позиции по поводу действующей в российской правовой доктрине дискуссии по поводу определения содержания анализируемого нами уголовно правового термина.

Так, например, А.Н. Наумов, под publica, ut предлагал признавать не только общественное спокойствие, нормальные условия труда, отдыха и быта физических лиц, но также и функционирование юридических лиц. [19. С. 228]

В.В. Боровиков почти полностью солидарен с А.В. Наумовым и понимал под общественным порядком некие нормальные условия труда, быта, отдыха, спокойствия, социального общения граждан. [17. С. 2220]

Н.А. Игнатов, в свою очередь, считал вполне очевидным, что «... любое преступление нарушает установленный в государстве общественный порядок, урегулированный нормами прав, то есть правопорядок» [24. С. 346], таким образом общественный порядок и правопорядок он явно предлагал считать словами синонимами.

Впрочем, он также солидарен в вопросе определения сути и содержания общественного порядка с Т.М. Кафаровым и Ч.Т. Мусаевым, которые пытались определить его как «...необходимую предпосылку социально одобряемого функционирования государственных учреждений и предприятий, общественных организаций, нормальной общественно-политической, производственной и иной социальной деятельности, а также нормального быта и отдыха граждан». [9. С. 23]

Следовательно, как мы считаем, необходимо констатировать и тот факт, что в конце XX в. в российской уголовно правовой доктрине, в качестве вполне конкурирующей теории, предлагающей признавать в качестве альфы и омеги самих сути и содержания такого нормативно правового понятия как «общественный порядок» именно совокупность общественных отношений, существовало и предложение признавать в качестве последних именно ряд социально значимых ценностей, наличие которых в общественной жизни российского государства и обуславливало функционирование именно общественных отношений.

Подвергая их даже поверхностному доктринально правовому анализу необходимо указать, что признаваемые вышеуказанными авторами социально значимые ценности – есть результат функционирования именно общественных отношений и без их реального наличия существовать, безусловно, не в силах. Следовательно, невозможно посягая на них, не посягать при этом и на сами общественные отношения в целом.

Данная ситуация, сложившаяся в российской правовой доктрине тех лет, не претерпела, как мы считаем, существенного изменения, и на настоящий момент.

Так, например, в начале нынешнего столетия А.И. Парубов предлагал трактовать определять общественный порядок именно как определенного рода «...конгломерат всех социальных связей и отношений, которые складываются под воздействием совокупности социальных норм» [15. С. 370], т.е. настоящий исследователь явно признает в качестве самой содержательной сути социального регламента именно совокупность социальных связей и отношений, т.е. общественных отношений.

При этом рассматривая и формулируя свое собственное, но явно в целом неоригинальное видение понятие общественного порядка А.И. Парубов пытается отграничить его от такого правового понятия как правопорядок, который, согласно мнения автора, включает в себя только те социально значимые отношения, которые напрямую регулируются юридическими нормами.

Согласно предлагаемому им подходу, можно в целом сделать вывод о том, что категория «общественный порядок», по мнению А.И. Парубова, является по отношению к категории «правопорядок», более объемлющей, и по сути, явно вбирает в себя данное понятие.

Вполне аналогичной, по нашему мнению, выступает позиции А.И. Парубова и точка зрения В.М. Боера, по мнению которого, общественный порядок также «...включает в себя всю систему общественных отношений в совокупности». [5]

«При этом автором отмечается, что такая система общественных отношений должна сложиться в результате усвоения и принятия членами общества определенных социальных норм, таких как: – нормы морали и права; – нормы закона и права; исторические социальные нормы (обычай, традиции и ритуалы); – нормы современного общества и его организации». [2. С. 134]

Фактически аналогичной мнению перечисленных нами выше авторов выступает и точка зрения Е.И. Умрихиной. По мнению которой «...общественный порядок характеризуется как «определенная система общественных отношений, нашедших закрепление в правовых нормах, нормах морали, а также в правилах человеческого общежития». [28. С. 57]

При этом следует полностью согласиться с мнением высказанным А.В. Антоновым, который указывает на то, что «...с точки зрения Е.И. Умрихиной, общественный порядок является той системой, которая может через определение прав и круга обязанностей участников общественных отношений, обеспечить им основные конституционные права». [2. С. 135]

Как следует из процитированного понятия «общественный порядок», в качестве основного различия выступает критерий, на базе которого структурируется сама основа сферы социальных отношений в данной области социального бытия.

«Так, с точки зрения М.И. Еропкина, критерием общественного порядка является место возникновения общественных отношений, а с точки зрения А.В. Серегина сама система общественных отношений, включающая их содержание и развитие.

Из рассмотренных подходов явно следует, что содержанием общественного порядка является сама система общественных отношений, которые складываются в результате соблюдения и исполнения членами общества норм морали, права и иных социальных норм.

При этом, общественный порядок составляет не само установление социальных и правовых норм, а фактически возникающие, изменяющиеся и развивающиеся на их основе общественные отношения». [2. С. 136]

Точку зрения этого российского автора в целом поддерживают и ведомственные исследователи содержания такого уголовно правового, а, впрочем, и административно правового института как общественный порядок.

Так, например, по мнению современного белорусского правоприменителя¹, в лице неких абстрактных представителей Академии МВД республики Беларусь: «...в широком смысле слова общественный порядок – это совокупность общественных связей и отношений, которые складываются под воздействием множества социальных норм и правил, в отличие от правопорядка, включающего лишь отношения, регулируемые нормами права. Соответственно общественный порядок, как более широкая категория, включает в себя и правопорядок». [32]

Таким образом последние предлагают собственную градацию рассмотрения правового понятия «общественный порядок» в ракурсе широкого и более узкого смысла этого термина. В качестве широкого его понимания они предлагают понимать именно совокупность общественных отношений, в узком смысле – правопорядок.

Однако некие вполне анонимные представители МВД по республике Саха (Якутия), т.е. уже современные российские правоприменители предпочли поданному вопросу выработать и собственное, впрочем, далеко не совсем оригинальное, мнение.

Так последние предлагают под социальным регламентом понимать всего лишь «...нормальное функционирование социальных отношений, отсутствие рисков и угроз, которые могут нарушить нормальную жизнедеятельность людей и их прогрессивнее социальное и профессиональное развитие, создающие обстановку спокойствия и защиты личности и собственности физических и юридических лиц». [34]

Современные якутские правоприменители в качестве сублимации свое видения разрешения настоящего вопроса предлагают считать такую именно такую разновидность социальных ценностей, как нормальное функционирование общественных отношений, не конкретизируя при этом того, что, по их мнению, следует в целом понимать под доктринально правовым термином «нормальное». Общеизвестно, что в условиях функционирования государства, это понятие напрямую отнесено к основной функции последнего, т.е. никто кроме государства не имеет право устанавливать, что в обществе следует признавать нормой, а что нет. Данное решение вполне традиционно оформляется в виде нормативно правового акта.

Разница между этими доктринально правовыми определениями общественного порядка как мы видим явно в целом невелика, а, следовательно, и не совсем существенна. Следует признать, что последние прерогативу в определении самих сути и содержания общественного порядка, явно отдают именно общественным отношениям.

Представители административно правовой науки в начале XXI в. в свою очередь предлагали понимать под социальным регламентом либо всю «... систему отношений, которые складываются в ре-

¹ ФИО которого в ходе написания настоящей статьи автору установить не представилось возможным.

зультате соблюдения и исполнения норм и правил, регулирующих поведение людей в общественных местах» [1. С. 136], причем эта структурированная совокупность «... складывается на основе соблюдения и исполнения норм и правил, регулирующих взаимодействие людей, общественных групп, общественных инструментов и обеспечивающих их нормальное существование и развитие, укрепление нравственных основ жизнедеятельности». [33]

Вполне аналогично, по нашему мнению, подошли к рассмотрению настоящего вопроса российские исследователи, предпочитавшие остаться ныне на условиях полной анонимности и предложившие следующее доктринальное определение социального регламента:

«Общественный порядок – система общественных отношений, сложившихся на основе соблюдения норм права, направленных на поддержание общественного спокойствия и нравственности, взаимного уважения, надлежащего поведения граждан в общественных местах, отношений в сфере социального общения». [33]

Либо: «Общественный порядок – система общественных отношений, обеспечивающих общественное спокойствие, нормальные условия труда, отдыха и быта граждан, а также работы предприятий, учреждений и организаций». [25. С. 234]

Причем первые как мы видим при конструировании своего индивидуального видения разрешения данной проблемы, явно пытаются выйти за пределы такого понятия как «общественные отношения», заменяя последние (видимо не осознавая при этом самой сути содержания подобной попытки) термином правоотношения, т.е. общественные отношения, урегулированные нормами права. Однако, в целом, последние остались в рамках, обусловленных наличием нравственно моральных ценностей.

Впрочем, несколько по иному пути, по нашему мнению, постарались идти уже иные авторы, также предпочитавшие остаться на условиях анонимности. Так, последние предложили современной российской научной общественности следующую формулировку такого нормативно правового понятия, как «общественный порядок».

Так, по их мнению, в качестве последнего выступают «...нравственные ценности, формируемые в процессе воспитания ребенка и его социализации, наряду с принятыми в определенном государстве или национальном объединении граждан традициями и обычаями, закрепленные законодательно в виде правовых актов разного уровня, представляют собой общественный порядок». [35]

Подвергая анализу содержание настоящей дефиниции, в качестве положительного ее момента, следует отметить, по нашему мнению, тот факт, что его авторы признают первичность именно нормативно правового регулирования, а в качестве недостатка выступает то положение, что в качестве содержательной сущности общественного порядка признают различного рода социальные

ценности, причем часть из них они напрямую относят к педагогике. Как известно нормы уголовного права эту часть социального бытия напрямую не регламентируют¹.

При этом, представители общей теории права, такие как В.С. Афанасьев [3], М.И. Байтин [4, С. 402], Р.Т. Мухаев [12], И.В. Тимошенко [22, С. 484] и другие, «...к рассмотрению категории «общественный порядок» подходят с позиции организации связей в обществе, полагая, что он (общественный порядок) есть категория социальная, которая охватывает всю систему волевых, идеологически обусловленных общественных отношений, predeterminedенных экономическим строем общества». [2, С. 144]

Таким образом социальный регламент неизбежно должен характеризоваться определенными взаимообусловленностью и взаимозависимостью социально обусловленного поведения субъектов общественных отношений согласно сформулированным и функционирующим в конкретном обществе морально этическим и правовым нормам.

«При этом все представители общей теории права включают в содержание понятия «общественный порядок» исключительно социально значимые общественные отношения, возникающие при нахождении людей в общественных местах». [2, С. 144]

Впрочем, в данном случае, видимо необходимо уйти в сторону от необходимости рассмотрения социально значимых вопросов, так как в настоящем доктринально уголовно правовом диспуте нас должны интересовать только уголовно обусловленные правовые категории. К которым, как мы считаем, относится соответственно и сущностное содержание одного родовых *objectum crimen*, прямо указанных в названии раздела IX УК РФ, где первый элемент состава преступления – это есть то, чему уголовно наказуемое деяние напрямую причиняет или в силах причинить существенный ущерб.

Впрочем, общепринятого объекта преступления в доктрине современного российского уголовного права на настоящий момент, как мы указывали ранее, полностью отсутствует. Данный вывод напрямую следует, по нашему мнению, исходя из анализа изученной нами доступной нам российской доктринально правовой литературы.

При этом мы вынуждены фокусировать и тот безусловный факт о том, что в российской уголовно правовой литературе идет постоянная дискуссия о том, что именно необходимо понимать под *objectum crimen* и какое содержательное наполнение следует вкладывать в этот изначально доктринально правовой термин.

При этом, следует признать, что в результате действующей дискуссии фактически сформировались три основные группы правоведов.

Так, например, довольно существенная часть российских исследователей (А.В. Ушаков), прямо указывают, что «...под объектом преступления

по установившемуся представлению понимаются общественные отношения, но не все, а только та их часть, которая взята под охрану действующим уголовным законом». [23, С. 110]

Следующие, в свою очередь, считают, что в качестве *objectum crimen* объекта преступления могут выступать некие «...блага и интересы, которым в результате преступления причиняется или может быть причинен существенный вред». [13, С. 57]

Третьи, стараются доказать всем, что «...объект преступления (это) то, против кого оно совершается, то есть отдельные лица или какое-то множество лиц, материальные и нематериальные ценности, которые будучи поставленными под уголовно-правовую охрану, подвергаются преступному воздействию, в результате чего этим лицам причиняется вред или создается угроза причинения вреда». [24, С. 35]

Мы в этом случае выступаем в качестве безусловных сторонников теории уголовных правоотношений, исходя из сути и содержания настоящей теории можно попытаться определить с правовой дефиницией нормативно правового понятия «общественный порядок».

При этом, общепризнано, что в качестве уголовных правоотношений выступают именно общественные отношения, но не все, а изначально урегулированные нормами уголовного права, которые, в свою очередь, отражены в статьях современного уголовного законодательства. Остальные общественные отношения, не являющиеся при этом правоотношениями, регулируются нормами морали и нравственности, следовательно, выступать в качестве объекта преступления они явно не в силах.

В свою очередь, уголовные правоотношения являются частью ныне действующих правоотношений.

При этом в целом и сами правоотношения характеризуются следующим:

- 1) они есть, безусловно, частью общественных отношений;
- 2) как часть общественных отношений они характеризуются и наличием вполне определенного контингента участников (как минимум – двое), в качестве которых в силах выступать только физические лица;
- 3) наличием социально абстрактных отношений между ними, в качестве которых выступают определенная взаимная совокупность прав и обязанностей.

Где (субъективные) права, безусловно, есть, безусловно, «... понятие юриспруденции, один из видов регуляторов общественных отношений; система общеобязательных, формально-определённых, принимаемых в установленном порядке гарантированных государством правил поведения, которые регулируют общественные отношения». [32]

В свою очередь «...юридическая обязанность – предусмотренная законом или соглашением сто-

¹ См.: ч. 2 ст. 43 УК РФ.

рон мера должного поведения субъекта правоотношения. Юридическая обязанность характеризуется категоричностью. Она является властно предписанным (необходимым) поведением субъекта правоотношения.

Юридическая обязанность и субъективное право в правоотношении находятся в неразрывной связи друг с другом. Субъективному праву одного субъекта правоотношения соответствует юридическая обязанность другого субъекта». [32]

4) В качестве предмета правоотношений всегда выступают какие-либо социально значимые материальные блага или ценности.

Налицо так же и нормативно правовая обусловленность последних. [31, С. 338]

Подводя итоги изложения интересующего нас вопроса, постараемся сделать и вполне определенные выводы:

1. Законодательного определения общественного порядка на настоящий момент в Российской Федерации еще не выработано.
2. Отсутствуют ныне и судебные толкования настоящего нормативно правового термина.
3. Среди современных ученых-криминалистов, в том числе и административистов, причем как российских, так и государств ОДКБ, до сих пор нет единства мнений по настоящему вопросу.

При этом «...несмотря на различные подходы к определению понятия общественного порядка, как показывает изучение юридической литературы, можно выделить следующие общие позиции ученых относительно сущности и содержания общественного порядка:

1. Обусловлен сложившейся в обществе системой общественных отношений.
2. Включает все сложившиеся в обществе под воздействием социальных норм отношения.
3. Является объектом воздействия всей политической системы.

Должен обеспечить укрепление и развитие государственного и общественного строя, неприкосновенности личности, защиту жизни и здоровья граждан, неприкосновенность собственности». [16, С. 54]

4. Существенная часть доктринально обусловленных определений социального регламента выработано на рубеже 1980–1990-х гг. Введение нового Уголовного кодекса в 1996 г. не внесло принципиально новых веяний в теоретическое осмысление данного вопроса.
5. Ряд авторов, таких как В.И. Ткаченко, Б.В. Яциленко и др., ссылаясь на отсутствие в разделе IX УК РФ главы, где в качестве видов теоретического объекта указан общественный порядок, постарались обойти своим вниманием разработку этого вопроса.
6. По нашему мнению, общественный порядок состоит из широкого круга общественных отношений, охраняемых и регулируемых в дальнейшем уголовным законом от преступных посягательств, т.е. уголовных правоотношений.

Именно наличие которых и обеспечивают права граждан России на:

- социальный покой,
 - правила человеческого общежития,
 - законодательно предусмотренные условия труда,
 - социальный уклад и досуг,
 - функционирование юридических лиц,
- причем в интересах всего современного российского государства и т.д., путем законодательного закрепления правового запрета на их посягательства.

Литература

1. Административное право. Словарь-справочник – М.: ЮНИТИ-ДАНА. Закон и право, 2000.
2. Антонов, А.В. Правовая сущность понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» / А.В. Антонов // Молодой ученый. 2021. № 13 (355). Афанасьев, В.С. Общая теория права и государства: учебник / Под ред. В.в. Лазарева. – М.: Юристт, 2001. 297 с.
3. Афанасьев, В.С. Общая теория права и государства: учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юристт, 2001. 297 с.
4. Байтин, М.И. Сущность права / М.И. Байтин. – Саратов: СГАП, 2001.
5. Бюер, В.М. Теоретико-правовое обеспечение общественного порядка и общественной безопасности в современных условиях / В.М. Бюер, // Проблемы экономики юридической практики, 2012 – Текст: электронный – URL: cyberleninka.ru/Грнти/p/14515254
6. Даньшин, И.Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка / И.Н. Даньшин. – М.: Юрид. лит., 1973.
7. Еропкин, М.И. Сущность и содержание общественного порядка / М.И. Еропкин // Проблемы теории и практики административной ответственности. – М.: ВНИИ МВД СССР. 1983.
8. Загородников, Н.И. Советское уголовное право / Н.И. Загородников. – М., Юрид. лит., 1975.
9. Кафаров, Т.М., Мусаев, Ч.Т. Борьба с посягательствами на общественный порядок / Т.М. Кафаров, Ч.Т. Мусаев – Баку, 1983.
10. Коржанский, Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны / Н.И. Коржанский – М.: 1980.
11. Кузнецова, Н.Ф. Уголовная ответственность за нарушения общественного порядка / Н.Ф. Кузнецова – М., 1963.
12. Мухаев, Т.Т. Теория государства и права / Т.Т. Мухаев. – М.: Юристт. 2005. – 508 с.
13. Общая часть уголовного права / под ред. Ю.И. Ляпунова – М., 1998.
14. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой / С.И. Ожегов – М. Русский язык, 1987.
15. Парубов, А.И. Организационно-правовое обеспечение охраны общественного порядка и общественной безопасности в региональных

подсистемах предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций: дисс. канд. юрид. наук 12.00.14 / А.И. Парубов. – Саратов, 2002. – 198 с.

16. Пивоваров, А.С. Дискуссионные подходы к определению понятия «общественный порядок» / А.С. Пивоваров // Российская юстиция. 2013. № 3.
17. Практикум по уголовному праву: Учеб. пособие / Под ред. Л.Л. Кругликова. – М.: Изд-во «БЕК», 1997.
18. Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина. – М.: Изд-во «Спарк», 1998.
19. Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. – М.: Юристъ, 1997.
20. Серегин, А.В. Советский общественный порядок и административно-правовые средства его укрепления / А.В. Серегин – М., 1975.
21. Советское уголовное право. Общая и Особенная части / под ред. Ю.В. Солопанова. – М., Юрид. лит., 1981.
22. Тимошенко, И.В. Теория государства и права: учебник / И.В. Тимошенко. – Ростов н/Д. 2003.
23. Уголовное право. Общая часть / под ред. Б.В. Здравомыслова, Ю.А. Красикова, А.И. Рагога – М., 1994.
24. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова – М., 1997.
25. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый юрист, 1998.
26. Уголовное право России: Учебник для вузов: В 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. – М.: Изд. Группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998.
27. Уголовное право. В 2 т. Т. 2. Особенная часть.: учебник для вузов / А.В. Наумов [и др.]: ответ. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник – М., Юрайт, 2022.
28. Уголовный кодекс РСФСР. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Официальные тексты по состоянию на 1 марта 1996 г. – М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1996.
29. Умрихина, Е.И. Безопасность как философско-правовая категория / Е.И. Умрихина // Философия права. 2010. № 4
30. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова – М., 1997.
31. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультативов / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. – М., 1997.
32. ru.wikipedia.org
33. Insstituemvd. By
34. <https://yandex.ru/images/search?text=общественный%20порядок%20это&stype=image&lr=62&source=serp>
35. <https://yandex.ru/images/search?text=общественный%20порядок%20это&stype=image&lr=62&source=serp>

36. School40nv.ru

37. МВД РФ

ABOUT SOME PROBLEMATIC ISSUES OF DEFINING SUCH A CRIMINAL LEGAL CONCEPT AS “PUBLIC ORDER”

Agafonov A.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article is devoted, in the opinion of its author, to some very problematic, in his opinion, issues of such a criminal legal concept as “public order”. As part of the investigation, the author used the historical method, i.e. he identified and analyzed the points of view of Soviet legal scholars about the content of such a criminal legal term as “public order”. It is established that the latter understood the social regulation as the very order of functioning of social relations, regulated at the same time by both the norms of law and the norms of morality. At the same time, the author found that the “public order” until the beginning of the 90s of the last century was clearly criminally conditioned, since it was provided for as the second specific object of crimes in Chapter 10 of the Criminal Code of the RSFSR. In connection with the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation in 1997, the criminal legal meaning of “public order” has not lost its doctrinally determined significance. As the second already generic object of crimes, “public order” was provided for by section IXUK of the Russian Federation. However, its legal definition by the modern Russian legislator has not been given so far. There are no judicial interpretations of this concept in the modern period. There is also no definite unity among modern scientists in the definition and interpretation of the content of social regulations. In this connection, the author identified, recorded and analyzed very different points of view about its content. He revealed both the shortcomings of these theoretical, obviously subjective opinions, and their strengths. In conclusion, his own opinion is expressed, which clearly does not bear the character of an absolute postulate.

Keywords: Society, order, public relations, legal relations, criminal legal relations, object of crime, generic object of crime, specific object of crime, public order, law and order.

Reference

1. Administrative law. Dictionary-reference – М.: UNITY-DANA. Law and Law, 2000.
2. Antonov, A.V. The legal essence of the concepts of “public order” and “public safety” / A.V. Antonov // Young Scientist. 2021. № 13 (355). Afanasyev, V.S. General theory of law and the state: textbook / Edited by V.V. Lazarev. – М.: Yurist, 2001. 297 p.
3. Afanasyev, V.S. General theory of law and the state: textbook / Edited by V.V. Lazarev. – М.: Yurist, 2001. 297 p
4. Baytin, M.I. The essence of law / M.I. Baytin. – Saratov: SGAP, 2001.
5. Boer, V.M. Theoretical and legal support of public order and public safety in modern conditions / V.M. Boer, // Problems of economics of legal practice, 2012 – Text: electronic – URL: cyberleninka.ru “Grnti”/n/14515254
6. Danshin, I.N. Criminal law protection of public order / I.N. Danshin. – М.: Legal lit., 1973.
7. Eropkin, M.I. The essence and content of public order / M.I. Eropkin // Problems of theory and practice of administrative responsibility. – М.: VNII MVD USSR. 1983.
8. Zagorodnikov, N.I. Soviet criminal law / N.I. Zagorodnikov – М., Legal lit., 1975.
9. Kafarov, T.M., Musaev, Ch.T. The fight against encroachments on public order / T.M. Kafarov, Ch.T. Musaev – Baku, 1983.
10. Korzhansky, N.I. Object and subject of criminal law protection / N.I. Korzhansky – М.: 1980.
11. Kuznetsova, N.F. Criminal liability for violations of public order / N.F. Kuznetsova – М., 1963.
12. Mukhaev, T.T. Theory of State and Law /R.T. Mukhaev. – М.: Jurist. 2005. – 508 p.
13. The general part of criminal law / edited by Yu.I. Lyapunov – М., 1998.
14. Ozhegov, S.I. Dictionary of the Russian language / Edited by N.Y. Shvedova / S.I. Ozhegov – М. Russian language, 1987.

15. Parubov, A.I. Organizational and legal support for the protection of public order and public safety in regional subsystems for the prevention and elimination of consequences of emergency situations: dissertation of the Candidate. jurid. Sciences 12.00.14 / A.I. Parubov. – Saratov, 2002. – 198 p.
16. Pivovarov, A.S. Debatable approaches to the definition of the concept of "public order" / A.S. Pivovarov // Russian Justice. 2013. № 3.
17. Workshop on criminal law: Textbook / Edited by L.L. Kruglikov. – M.: Publishing house "BEK", 1997.
18. Russian criminal law. Special part / Edited by M.P. Zhuravlev and S.I. Nikulin. – M.: Publishing House "Spark", 1998.
19. Russian criminal law. Special part / Edited by V.N. Kudryavtsev and A.V. Naumov. – M.: Jurist, 1997.
20. Seregin, A.V. Soviet public order and administrative and legal means of its strengthening / A.V. Seregin – M., 1975.
21. Soviet criminal law. General and Special parts / edited by Yu.V. Soloponov. – M., Legal lit., 1981.
22. Timoshenko, I.V. Theory of state and law: textbook / I.V. Timoshenko. – Rostov N./D. 2003.
23. Criminal law. General part /edited by B.V. Zdravomyslov, Yu.A. Krasikov, A.I. Raroga – M., 1994.
24. Criminal law. General part: textbook for universities / edited by I. Ya. Kozachenko, Z.A. Neznamova – M., 1997.
25. Criminal law. Special part / Edited by N.I. Vetrov and Yu.I. Lyapunov. – M.: New Lawyer, 1998.
26. Criminal law of Russia: Textbook for universities: In 2 vols. 2. Special part / Edited by A.N. Ignatov and Yu.A. Krasikov. – M.: Publishing Group NORM–INFRA-M, 1998.
27. Criminal law. In 2 t.t. 2. A special part.: textbook for universities / A.V. Naumov [et al.]: answer. ed. A.V. Naumov, A.G. Kibalnik – M., Yurayt, 2022.
28. Criminal Code of the RSFSR. The Criminal Procedure Code of the RSFSR. Official texts as of March 1, 1996 – Moscow: Publishing Group INFRA-M-NORM, 1996.
29. Umrikhina, E.I. Security as a philosophical and legal category / E.I. Umrikhina //Philosophy of Law. 2010. № 4
30. Criminal law. General part: textbook for universities / edited by I. Ya. Kozachenko, Z.A. Neznamova – M., 1997.
31. Theory of State and law: textbook for law schools and electives / edited by V.M. Korelsky, V.D. Perevalov. – M., 1997.
32. ru.wikipedia.org
33. Institutemvd. By
34. <https://yandex.ru/images/search?text=общественный%20порядок%20это&stype=image&lr=62&source=serp>
35. <https://yandex.ru/images/search?text=общественный%20порядок%20это&stype=image&lr=62&source=serp>
36. School40nv.ru
37. The Ministry OF Internal Affairs of the Russian Federation

Проблемные аспекты юридической поддержки населения в труднодоступных и малонаселенных населенных пунктах

Фомичев Игорь Александрович,

аспирант, кафедра «Правоохранительная и адвокатская деятельность», ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»

E-mail: fia.30@mail.ru

Уровень транспортной и пешеходной доступности в стране до сих пор довольно низок, в связи с чем и оказание квалифицированной юридической помощи в труднодоступных населенных пунктах зачастую оказывается затруднительным. Тем не менее, право человека на получение квалифицированной юридической помощи представляет собой важную правовую категорию и в РФ, будучи гарантией обеспечения законных интересов личности. Решением проблемы является делегирование полномочий юристов на иных государственных служащих. В ряде округов РФ полномочиями на совершение нотариальных действий обладают не только нотариусы, но и должностные лица местного самоуправления и служащие консульских отделов. Некоторые субъекты РФ законодательно закрепили направление юристов в труднодоступные и малонаселенные местности края с установленной периодичностью и порядок возмещения расходов по оказанию адвокатской помощи в труднодоступных и малонаселенных местностях. Одним из способов преодоления проблемы оказания юридической поддержки населению в труднодоступных и малонаселенных населенных пунктах является увеличение доли бесплатных юридических услуг. Доказано, что проблему усугубляет недостаток квалифицированных юридических кадров. Важным шагом совершенствования мер по обеспечению доступа к юридическим услугам для жителей отдаленных местностей является переход к электронному правосудию. Пилотные проекты по цифровизации системы правосудия должны быть в первую очередь имплементированы в отдаленных регионах страны.

Ключевые слова: доступ к правосудию, электронное государство, электронное правосудие, нотариат, адвокатура, органы местного самоуправления.

Право человека на доступ к правосудию представляет собой основную гарантию права на судебную защиту, закрепленную в Международном пакте о гражданских и политических правах (1966 г.) [6] и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) [3]. Несмотря на тот факт, что право на доступ к правосудию прямо не упоминается в тексте вышеотмеченных актов, оно рассматривается как необходимая составляющая права на справедливое судебное разбирательство. Изначально в решениях Европейского суда по правам человека данное право было выделено исходя из необходимости гарантировать права человека не только при участии в уже начатом судебном процессе, но и в отношении обращения в суд за защитой прав. Право каждого на получение квалифицированной юридической помощи представляет собой важную правовую категорию и в Российской Федерации, будучи гарантией обеспечения законных интересов личности (ст. 48 Конституции Российской Федерации [5]). Многие исследователи сходятся во мнении о том, что назначение и роль данного конституционного положения настолько масштабны, что некоторые его аспекты до сих пор являются нереализованными. Одной из подобных нерешенных проблем является оказание юридической помощи населению, проживающему в труднодоступных и малонаселенных пунктах России [1, с. 44].

Краткий экскурс в историю российского права показывает, что проблема доступа населению к ключевым государственным ресурсам является не новой. По причине обширной территории страны проблема доступности многих населенных пунктов имеет продолжительную историю. Еще в до-революционный этап был принят закон о частных поверенных, который, тем не менее, не смог в полной мере обеспечить население труднодоступных и малонаселенных пунктах юридической помощью. В данной связи власти отдаленных губерний рассматривали вопросы формирования дополнительных юридических служб. В Советском союзе правовой охват населения с территориальной точки зрения существенно расширился за счет деятельности местных органов власти. Тем не менее, нельзя сказать, что в данный период проблемы доступа населения к юридической поддержке были полностью решены.

Уровень транспортной и пешеходной доступности в стране до сих пор довольно низок, в связи с чем и оказание квалифицированной юридической помощи в труднодоступных населенных пунктах зачастую оказывается затруднительным. Бо-

лее того, население множества малонаселенных сельских образований в принципе оказалось лишены квалифицированной юридической помощи. Сельское население вынуждено обращаться в городские ведомства и компании, что довольно ресурсоемко, и в связи с чем население предпочитает не пользоваться юридической помощью в принципе.

Проблема оказания юридической помощи населению отдаленных округов не является специфичной для Российской Федерации: в той или иной мере любое государство с большой территорией и, что важно, наличием регионов с суровыми климатическими условиями, сталкивается с подобной проблемой. По данным ряда исследований, подобная проблема актуальна для Канады: 20% канадцев, живущих в сельских и отдаленных районах, ограничены в доступе к правосудию [15, с. 4]. Сельские и отдаленные районы обладают целым рядом различных инфраструктурных, ресурсных, коммуникационных и социальных барьеров, которые препятствуют или усложняют предоставление юридических услуг населению. Схожие проблемы имеются у жителей периферийных территорий Соединенных Штатов Америки, Австралии, Швеции и Финляндии [15, с. 5].

Выход из данной ситуации видится в эффективном делегировании полномочий юристов на иных государственных служащих. Законодатель уже предпринимал попытки подобного делегирования: неоднократно отмечено и зафиксировано в соответствующих законодательных актах, что эффективное функционирование механизма государственно-правового обеспечения прав и свобод личности достижимо в результате отлаженного взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления.

В качестве примера Д.И. Артёмов и Е.А. Медведева приводят Закон Забайкальского края от 24 декабря 2008 г. N 98-ЗЗК «О наделении органов местного самоуправления отдельных муниципальных районов государственным полномочием по материально-техническому и финансовому обеспечению оказания адвокатской помощи в труднодоступных и малонаселенных местностях и принципах материально-технического и финансового обеспечения оказания адвокатской помощи в труднодоступных и малонаселенных местностях Забайкальского края». Положения вышеотмеченного Закона вводят порядок регулярной практики направления юристов в труднодоступные и малонаселенные местности края с периодичностью не реже 1 раза в шесть месяцев. Закон также определяет порядок возмещения расходов по оказанию адвокатской помощи в труднодоступных и малонаселенных местностях Забайкальского края как самому адвокату, так и лицам, оказывающим транспортные услуги и предоставляющим помещения для проживания адвоката и приема им обращающихся граждан. Законы аналогичного назначения и содержания вполне успешно имплементированы и в правовой массив прочих

субъектов Российской Федерации (к примеру, Ханты-Мансийского автономного округа) [1, с. 45].

Отметим положительный эффект подобной практики: граждане, проживающие на малонаселенных и труднодоступных территориях, систематически получают положенные им государством услуги. В целом можно сказать, что подобные меры явили собой важное звено в реализации конституционных прав на доступ к юридической помощи.

Делегирование полномочий по оказанию юридической поддержки населению можно усмотреть и в работе института нотариусов. В ряде округов Российской Федерации полномочия на совершение нотариальных действий имеются не только у нотариусов, но и у должностных лиц местного самоуправления и служащих консульских отделов [7]. Подобная мера является попыткой расширить географию юридической поддержки.

Введение подобной меры обусловлено реалиями жизни населения, проживающего в сельской местности и труднодоступных районах. В результате население получило возможность «на месте» получить нотариальные услуги [9, с. 136]. Текст Основ о нотариате (Ст. 37) указывает: при отсутствии в населенном пункте нотариуса уполномоченные на то должностные лица органов исполнительной власти могут совершать ряд нотариальных действий – удостоверение завещаний и доверенностей; принятие мер по охране наследственного имущества; свидетельствование верности копий документов и выписок из них и свидетельствование подлинности подписи на документах [7]. Ст. 37 также содержит указание, что в некоторых случаях, предусмотренных законодательством, данные должностные лица имеют право совершать и иные нотариальные действия. Подобная оговорка является основанием для дальнейшего расширения перечня нотариальных действий, осуществляемых должностными лицами органов местных исполнительных органов.

Еще одним путем преодоления проблемы оказания юридической поддержки населению в труднодоступных и малонаселенных населенных пунктах является увеличение доли бесплатных юридических услуг [13] и расширение сети учреждений, способных их оказывать. В Дальневосточном федеральном округе, к примеру, на базе адвокатских и нотариальных палат открыты центры бесплатной юридической помощи. Развитой сетью подобных центров обладают Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Еврейская автономная область. В Якутии приемные по оказанию бесплатной юридической помощи, за неимением достаточного количества нотариальных контор, были открыты в библиотеках. В ряде областей бесплатную юридическую помощь населению оказывают в учреждениях при юридических вузах (так называемые «юридические клиники») [11, с. 96].

Такая практика, безусловно, имеет массу преимуществ, но ее реализация сталкивается с ка-

дровыми барьерами. Практически все отдаленные регионы Российской Федерации обнаруживают недостаток квалифицированных юридических кадров; К.А. Трошин справедливо отмечает: «нет не только адвокатов и нотариусов, но и просто дипломированных юристов» [11, с. 100]. Отрицательная демографическая динамика отдаленных округов России сказывается на восполнении кадрового состава из местных трудовых источников. А такое решение этой задачи, как командирование специалистов государственных юридических бюро или адвокатов в отдаленные и труднодоступные местности, несомненно, не встретит поддержки у самих служащих.

Законодатель, с целью решения этой проблемы, предпринимает попытки по внедрению программ субсидирования юридических учреждений (к примеру, есть предложения по сбору взносов, взимаемых от нотариальных палат экономически развитых субъектов – Москвы, Санкт-Петербурга [8, с. 75]). Вполне целесообразным представляется введение комплекса мер по государственной финансовой поддержке нотариальных палат и нотариусов. С.А. Погудин, к примеру, высказывает мнение о необходимости «освобождения от налогового бремени услуг палат по оказанию помощи нотариусам, работающим в экономически нерентабельных районах» [8, с. 75].

Логическим продолжением дискуссий о доступе к юридическим услугам для лиц, проживающих на труднодоступных и малонаселенных территориях, является перенос части системы юридической поддержки граждан в виртуальную среду. В данной связи в международной практике около десяти лет назад возникло понятие «электронное правосудие». Оно интерпретируется и как сам судебный процесс, так и досудебное урегулирование спора. В данное понятие вполне целесообразно включить и прочие аспекты функционирования правовой системы государства. Вполне рациональным нам представляются концепции «электронного нотариуса», «электронного юрисконсульта», «электронного ЗАГСа» и т.п.

Переход к электронному правосудию является важным шагом совершенствования мер по обеспечению конституционных прав человека. Уже в 2005 г. британский исследователь Э. Фриман ввел в научный оборот понятие «киберсуд», указав при том, что подобный виртуальный суд представляет собой вполне жизнеспособную альтернативу «реальным» судам [14, с. 5]. Как известно, судебные процессы в абсолютном большинстве сопряжены с переносами дел, пересмотрами, что вынуждает жителя отдаленной местности прилагать существенные усилия для посещения всех необходимых процедур и заседаний; отметим, помимо прочего, транспортные и временные издержки. Безусловно, судопроизводство, основанное на использовании современных информационных технологий, – это путь к виртуализации национальной юридической системы и возможность обеспечения доступа к правосудию. Исходя из проблем

обеспечения доступа к правосудию населению, проживающему в труднодоступных и малонаселенных местностях (а также учитывая опыт пандемии COVID-19 как дополнительный фактор), исследователи из разных стран предпринимают попытки описать и обосновать имплементацию единых национальных судебных информационно-телекоммуникационных систем.

Аналогичные «маркеры» переосмысления правовой парадигмы и перевод ее в онлайн присутствуют и в российском правовом поле. Налицо переход к сервисно-ориентированным процедурам взаимодействия общества и государства [2, с. 1]. Подобный переход отражен в нескольких программных документах, к примеру, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, Государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» [2, с. 2]. Социально ориентированное (или, по терминологии И.С. Денисова, «сервисное» [2, с. 1]) государство, таким образом, в современных условиях отождествляется с электронным государством. «Пионером» среди электронных правовых институтов в России традиционно считается Высший арбитражный суд Российской Федерации.

Тем не менее, электронное правосудие на более мелких уровнях можно считать не развитым, а это существенно ухудшает ситуацию с доступом к нему, особенно применительно к изучаемой нами группе населения.

Юридические консультации, нотариальные услуги, регистрация изменений в гражданском статусе и прочие аспекты правовой поддержки, необходимые в ходе нормальной жизнедеятельности любого человека, до сих пор функционируют в режиме «офлайн». Даже при значимом продвижении в области формирования электронного государства и электронного правосудия со стороны государства сохраняется проблема доступа в Интернет. Не следует забывать, что нахождение лица в труднодоступном и малонаселенном пункте, как правило, сопряжено с проблемами с доступом к сети.

Отсутствие доступа в Интернет, следовательно, является серьезным препятствием для обеспечения доступа к юридическим услугам населения удаленных и малых населенных пунктов. Доступ в Интернет является не только показателем наличия развитой информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, но и важным признаком обеспечения населения правовой поддержкой. Исследователи разрабатывают концепции, связанные с характером закрепления права на доступ в Интернет [13 109] в фокусе конституционно-правового регулирования. За основу, как правило, берется положительный опыт государств, закрепивших право на доступ к Интернету на уровне конституций (Эстония, Франция, Испания, Финляндия, Мексика, Коста-Рика и др.). Исходя из сказанного, можно утверждать, что ряд прав, гарантированных Конституцией Российской Федерацией, сопряже-

ны с доступом к Интернету. Следовательно, при отсутствии доступа к Интернету подобные права утратят свою сущность и ценность, так как граждане не смогут пользоваться ими.

К.А. Трошин, анализируя перспективы виртуализации системы правосудия в России, указывает, что, помимо мер поддержки системы оказания бесплатной юридической помощи (создания специальных терминалов правовой помощи в местных администрациях, расширения сети пунктов оказания бесплатной юридической помощи населению и т.п.), особую важность приобретают технологии интерактивного документооборота и консультирования [11 с 100].

Нельзя сказать, что дистанционные практики оказания правовой поддержки населению в отдаленных округах Российской Федерации являются систематическими и повсеместными, но, тем не менее, некий положительный опыт внедрения электронных средств уже накоплен: к примеру, Нотариальная палата Ханты-Мансийского автономного округа – Югры оказывает бесплатную юридическую помощь в форме устных консультаций по телефону и по Skype, в виде письменных разъяснений посредством сервиса «Обратная связь» официального сайта www.nphtao.ru, а также в социальных сетях [4, с. 98].

Высказываются и радикальные точки зрения на данный аспект трансформации юридической системы; к примеру, О.Л. Солдаткина говорит об отказе от бумажного документа как юридически значимой единицы хранения информации [10, с. 55]. Тем не менее, весь пласт российского законодательства строится вокруг документа как основной единицы фиксации информации, что, в свою очередь, приводит к вопросу об изменении всех связанных норм, а это – «гигантская комплексная работа, сложная уже сейчас – и чем дальше, тем сложнее будет решиться и сделать подобный шаг» [10, с. 55]. Цифровая трансформация систем оказания юридической помощи населению влечет за собой потребность в изменении большого количества законодательных норм, стандартов работы с информацией и переоснащение юридических бюро, нотариальных контор, ЗАГСов и судов.

Безусловно, пилотные проекты по цифровизации системы правосудия должны быть в первую очередь имплементированы в отдаленных регионах страны, на периферии.

Мы также отметим важную дилемму: переход к электронному государству способен не только не обеспечить доступ к юридической помощи для населения отдаленных и малонаселенных пунктов, но и еще более изолировать его от юридических услуг по причине отсутствия телефонной связи и Интернета. А это, в свою очередь, возвращает нас к проблеме повсеместного обеспечения сетевым покрытием и ресурсами информационного доступа как гарантии, которая должна быть закреплена на уровне Конституции.

Таким образом, проблемное поле оказания юридической поддержки населению в труднодо-

ступных и малонаселенных населенных пунктах в Российской Федерации является весьма дискуссионным в науке. Основными векторами, по которому следует как законодатель, так и правоведа-теоретики, являются следующие: делегирование полномочий юристов на иных государственных служащих, наделение полномочиями на совершение нотариальных действий не только нотариусов, но и должностных лиц местного самоуправления и служащих консульских отделов; закрепление практики направления юристов в труднодоступные и малонаселенные местности края с установленной периодичностью; увеличение доли бесплатных юридических услуг и расширение сети учреждений, способных их оказывать; преодоление кадровых барьеров; перенос части системы юридической поддержки граждан в виртуальную среду в рамках концепций «электронное государство» и «электронное правосудие».

Литература

1. Артёмова, Д.И. Проблемы доступности правосудия в Российской Федерации / Д.И. Артёмова, Е.А. Медведева // Вестник ПензГУ. – 2014. – № 3 (7). – С. 44–48.
2. Денисов, И.С. Электронное правосудие как элемент электронного государства / И.С. Денисов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2012. – № 3 (22). – 5 с.
3. Европейская конвенция по правам человека // ЕСПЧ – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf. – Дата доступа: 28.04.2022.
4. Зарипова, Э.К. Нотариат в системе оказания бесплатной квалифицированной юридической помощи населению / Э.К. Зарипова // Вестник СурГУ. – 2016. – № 4 (14). – С. 96–100.
5. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // Организация Объединенных Наций. – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Дата доступа: 28.04.2022.
7. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462–1) (ред. от 26.03.2022)
8. Погудин, С.А. Некоторые аспекты формирования негосударственной системы бесплатной юридической помощи в контексте реализации Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока / С.А. Погудин // Территория новых возможностей. – 2013. – № 2 (20). – С. 74–85.
9. Соколова, Е. И. О некоторых актуальных вопросах совершения нотариальных действий должностными лицами местного самоуправле-

ния / Е.И. Соколова // Вестник РУК. – 2017. – № 4 (30). – С. 135–138.

10. Солдаткина, О.Л. На пути к цифровому правосудию: проблемы и варианты решения / О.Л. Солдаткина // Правовая политика и правовая жизнь. – 2020. – № 2. – С. 51–55.
11. Трошин, К.А. Некоторые аспекты организации предоставления юридической помощи населению Дальнего Востока и доступности правосудия / К.А. Трошин, // Территория новых возможностей. – 2013. – № 2 (20). – С. 95–100.
12. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».
13. Хуснутдинов, А. Право на доступ в Интернет – новое право человека? / А. Хуснутдинов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2017. – № 4. – С. 109–123.
14. Freeman, E.H. Cyber Courts and the Future of Justice / E.H. Freeman // Information Systems Security. – 2005. – № 14(1). – Pp. 5–9.
15. Rural & Remote Access to Justice: A Literature Review. – Toronto: Canadian Forum on Civil Justice, 2015. – 56 p.

ISSUES IN PROVISION OF LEGAL SUPPORT FOR THE POPULATION IN REMOTE AND LOW POPULATED SETTLEMENTS

Fomichev I.A.

Yugra State University

The level of transport accessibility in the country is still quite low, and therefore the provision of qualified legal assistance in remote settlements is rather complicated. Nevertheless, the right of a person to receive qualified legal assistance is an important legal category in the Russian Federation as well, being a guarantee of ensuring the legitimate interests of the individual. The solution to the problem is the delegation of legal powers to other officials. In some districts of the Russian Federation, not only notaries, but also local government officials and employees of consular departments have the authority to perform notarial acts. Some regions of the Russian Federation have legislated the practice of regular secondment of lawyers to remote and low populated areas and the procedure for reimbursement of expenses for the provision of legal assistance in remote and low populated areas. One of the ways to overcome the barriers in provision of legal support to the population in hard-to-reach and sparsely populated areas is to increase the share of free legal services. It is proved that the problem is aggravated by the lack of qualified legal personnel. An important step in improving measures to ensure access to legal services for residents of remote areas

is the transition to e-justice. Pilot projects for the digitalization of the justice system should be implemented first of all in remote regions of the country.

Keywords: access to justice, electronic state, electronic justice, notaries, advocacy, local government bodies

References

1. Artyomova, D.I. Problems of accessibility of justice in the Russian Federation / D.I. Artyomova, E.A. Medvedeva // Bulletin of PenzGU. – 2014. – No. 3 (7). – P. 44–48.
2. Denisov, I.S. Electronic justice as an element of the electronic state / I.S. Denisov // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2012. – No. 3 (22). – 5 s.
3. European Convention on Human Rights // ECtHR – 2022 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.echr.coe.int/documents/convention_eng.pdf. – Access date: 04/28/2022.
4. Zaripova, E.K. Notaries in the system of providing free qualified legal assistance to the population / E.K. Zaripova // Bulletin of SurGU. – 2016. – No. 4 (14). – S. 96–100.
5. The Constitution of the Russian Federation // Russian newspaper. – 1993. – December 25.
6. International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted by resolution 2200 A (XXI) of the General Assembly on December 16, 1966 // United Nations Organization. – 2022 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Access date: 04/28/2022.
7. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on February 11, 1993 N 4462–1) (as amended on March 26, 2022)
8. Pogudin, S.A. Some aspects of the formation of a non-state system of free legal assistance in the context of the implementation of the Strategy for the socio-economic development of the Far East / S.A. Pogudin // Territory of new opportunities. – 2013. – No. 2 (20). – S. 74–85.
9. Sokolova, E.I. On some topical issues of notarial acts by officials of local self-government / E.I. Sokolova // Bulletin of the RUK. – 2017. – No. 4 (30). – P. 135–138.
10. Soldatkina, O.L. On the way to digital justice: problems and solutions / O.L. Soldatkina // Legal policy and legal life. – 2020. – No. 2. – S. 51–55.
11. Troshin, K.A. Some aspects of the organization of the provision of legal assistance to the population of the Far East and the availability of justice / K.A. Troshin, // Territory of new opportunities. – 2013. – No. 2 (20). – P. 95–100.
12. Federal Law of November 21, 2011 No. 324-FZ “On Free Legal Aid in the Russian Federation”.
13. Khusnutdinov, A. The right to access the Internet – a new human right? / A. Khusnutdinov // Comparative constitutional review. – 2017. – No. 4. – S. 109–123.
14. Freeman, E.H. Cyber Courts and the Future of Justice / E.H. Freeman // Information Systems Security. – 2005. – No. 14(1). – Pp. 5–9.
15. Rural & Remote Access to Justice: A Literature Review. – Toronto: Canadian Forum on Civil Justice, 2015. – 56 p.

К вопросу о проблеме разграничения расовой, национальной и религиозной ненависти или вражды

Дятлова Екатерина Владимировна,

преподаватель кафедры международного и европейского права, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
E-mail: dyatlova_katerina@list.ru

В данной статье рассматриваются предпосылки вызывающие проблему разграничения мотивов расовой, национальной и религиозной ненависти или вражды друг от друга при квалификации преступного деяния.

Актуальность темы исследования данной статьи обуславливается тем, что преступления, которые совершаются по мотиву расовой, национальной и религиозной ненависти или вражды характеризуются высокой степенью общественной опасности, а также посягают на конституционное устройство любого государства. В настоящее время на международном и внутригосударственном уровнях создан механизм регулирования и борьбы с расовой и национальной нетерпимостью, религиозной ненавистью или враждой, а также преступлениями международного характера, которые имеют высокую степень общественной опасности и посягают на права человека.

Нормы российского законодательства являются серьезным и эффективным инструментом защиты прав и свобод человека от преступного посягательства. Именно поэтому Уголовный кодекс РФ признает мотив ненависти или вражды как основным, так и квалифицирующим признаком преступления, а также учитывает его роль при установлении наказания. Отграничение одного мотива от другого и его четкое установление имеет основополагающее значение для исхода следствия.

Зачастую мотив преступления прямым образом влияет на правильную квалификацию преступного деяния, но только при условии, что он выступает в роли квалифицирующего признака преступления. В иной ситуации определение мотива не имеет важного квалифицирующего значения. При этом мотив преступления выступает обязательным элементом входящим в предмет доказывания во всех категориях уголовных дел. Сущность самого мотива национальной ненависти или вражды раскрывается через активное субъективное стремление выразить свою значимость и превосходство, а также принизить субъекта принадлежащего к иной нации, против которого направлено такое побуждение. Для дальнейшего успешного разграничения вышеназванных мотивов необходимо дать определение сущности того или иного мотива, которое на наш взгляд максимально отражает ее.

Ключевые слова: расовая вражда, расовая ненависть, национальная ненависть, национальная вражда, религиозная ненависть, религиозная вражда, мотив, проблема разграничения.

Актуальность темы исследования данной статьи обуславливается тем, что преступления, которые совершаются по мотиву расовой, национальной и религиозной ненависти или вражды характеризуются высокой степенью общественной опасности, а также посягают на конституционное устройство любого государства. Для успешного раскрытия преступлений по вышеназванному мотиву на начальном этапе, необходимо прийти к четкому пониманию того, какие критерии обуславливают различие между мотивами расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды.

Необходимо отметить, что в настоящее время на международном и внутригосударственном уровнях создан механизм регулирования и борьбы с расовой и национальной нетерпимостью, ксенофобией, религиозной ненавистью или враждой [1], а также такими иными преступлениями международного характера.

По словам, Н.Н. Гончаровой «Международное право рассматривается, как право способное решить проблему в отсутствии соответствующей нормы национального права» [2, с. 26].

В Российской Федерации данный вопрос регулируется УК РФ [5]. Нормы российского законодательства являются серьезным и эффективным инструментом защиты прав и свобод человека от преступного посягательства. Именно поэтому Уголовный кодекс РФ признает мотив ненависти или вражды как основным, так и квалифицирующим признаком преступления, а также учитывает его роль при установлении наказания.

По словам Э.Ю. Латыповой можно сделать вывод о том, что «учеными в основном предлагается относить к таким мотивам внутренние побуждения, выражающие стремление виновного показать неполноценность потерпевшего из-за его принадлежности к конкретной (иной) нации, расе, исповедания им определенной религии и, вследствие этого, свое ненавистное к нему отношение» [6, с. 286].

Отметим, что при изучении субъективной стороны преступления, особую роль играет мотивация индивида, который совершил преступление. От силы мотивации субъекта зависит и степень тяжести вреда, который он нанесет. При квалификации преступления, нередко отсутствует возможность обозначение степени тяжести деяния и наличия объективных причин действий насильственного характера.

В юридической литературе дается определение категории «мотива» преступления. Ученые счита-

ют, что это психологическое основание и внутреннее побуждение лица, которое толкает его на совершение общественно опасного деяния.

Отграничение одного мотива от другого и его четкое установление имеет основополагающее значение для исхода следствия. Зачастую мотив преступления прямым образом влияет на правильную квалификацию преступного деяния, но только при условии, что он выступает в роли квалифицирующего признака преступления. В иной ситуации определение мотива не имеет важного квалифицирующего значения. При этом мотив преступления выступает обязательным элементом входящим в предмет доказывания во всех категориях уголовных дел.

Необходимо отметить, что для успешного разграничения одного мотива от другого важно установить конкретные индивидуальные критерии, которые будут отражать сущность того или иного мотива преступления и тем самым отражать их различия. Между тем, при исследовании этих критериев, то можно прийти к выводу, что на практике мотивы расовой, национальной и религиозной ненависти или вражды могут подменяться друг на друга, так как их содержание является близким по своему значению.

Обращаясь к толковому словарю русского языка, следует дать конкретное определение нации, это «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика» [3].

Для дальнейшего успешного разграничения вышеназванных мотивов необходимо дать определение сущности того или иного мотива, которое на наш взгляд максимально отражает ее.

Итак, сущность мотива национальной ненависти или вражды раскрывается через активное субъективное стремление выразить свою значимость и превосходство, а также принизить субъекта принадлежащего к иной нации, против которого направлено такое побуждение.

Сущность же мотива религиозной ненависти или вражды раскрывается через активное субъективное стремление выразить свою значимость и превосходство, а также принизить субъекта принадлежащего к иной религии, конфессии и религиозной идеологии.

При рассмотрении сущности мотива расовой ненависти или вражды необходимо отметить то, что она раскрывается через активное субъективное стремление выразить свою значимость и превосходство, а также принизить субъекта принадлежащего к иной расе, за что он должен чувствовать свою неполноценность.

Несмотря на то, что вышеназванные мотивы имеют элементы сходства, однако по своей природе они являются отличными друг от друга. При изучении Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам, о преступлениях экстре-

мистской направленности», можно сделать вывод о том, что нельзя сделать все мотивы основополагающими при квалификации преступного деяния [4].

Каждое преступное деяние носит субъективный характер при установлении его квалификации, именно поэтому необходимо выявить доминирующий мотив определяющий степень общественно опасного деяния и разграничивающий одно преступление от другого. В конечном итоге, какой мотив будет отражен в судебном решении, тот и будет являться основополагающим.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема разграничения мотива исходит от того, что субъективное побуждение, которым руководствуется индивид при совершении общественно опасного деяния до сих пор не изучено в полном мере.

В связи с этим, на практике часто возникают ситуации, когда в постановлении указывают иной мотив, а не тот, которым руководствовался субъект изначально при совершении преступления. В основном такие подмены происходят с мотива религиозной ненависти или вражды на мотив национальной ненависти или вражды, либо с мотива расовой ненависти или вражды на мотив национальной ненависти или вражды.

Необходимо отметить, что при квалификации общественно опасного деяния, которое было совершено на почве расовой или национальной ненависти или вражды, в качестве особых характеристик, которые относят индивида или социальную группу лиц к категории «врага» выступают такие маркеры как гражданство, регион происхождения, идеологические убеждения, язык субъекта, его фамилия и тип внешности.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема разграничения мотива расовой ненависти или вражды от национальной ненависти или вражды исходит с законодательного уровня.

Из-за отсутствия конкретного определения в законодательстве типа категории «расы» и «нации» как раз и происходит подмена одного мотива на другой при квалификации преступления. Ведь при квалификации деяния, эксперты руководствуются лишь субъективными установками о расе или нации.

В основном используются общие обозначения категории «расы», а также в зависимости от региона, субъект которого пытаются привести под критерии, принадлежащие одному виду расы, в другом регионе может под них и не подпадать. Это происходит из-за субъективной оценки вышеназванных категорий и из-за отсутствия их регламентированного законодательного закрепления.

Отметим, что субъективные представления об этнической принадлежности индивида формируются в ходе определенных исторических изменений, миграции населения, процесса ассимиляции, а также предоставления информации из СМИ, которая имеет негативную, либо позитивную эмоциональную окраску.

Таким образом, для разрешения проблемы разграничения мотива расовой, национальной и религиозной ненависти или вражды необходимо правильно идентифицировать элементы сходства и различия данных мотивов, не применяя субъективные суждения. Несмотря на то, что вышеназванные мотивы имеют элементы сходства, однако по своей природе они являются отличными друг от друга.

Для успешного разграничения одного мотива от другого важно установить конкретные индивидуальные критерии, которые будут отражать сущность того или иного мотива преступления и тем самым отражать их различия. Между тем, при исследовании этих критериев, то можно прийти к выводу, что на практике мотивы расовой, национальной и религиозной ненависти или вражды могут подменяться друг на друга, так как их содержание является близким по своему значению. Отграничение одного мотива от другого и его четкое установление имеет основополагающее значение для исхода следствия.

Зачастую мотив преступления прямым образом влияет на правильную квалификацию преступного деяния, но только при условии, что он выступает в роли квалифицирующего признака преступления. В иной ситуации определение мотива не имеет важного квалифицирующего значения. При этом мотив преступления выступает обязательным элементом входящим в предмет доказывания во всех категориях уголовных дел.

Необходимо на законодательном уровне закрепить понятие категории «раса» и «нация» и установить типологию. При введении своеобразной номенклатуры можно в последствие избежать проблемы разграничения мотивов при квалификации преступного деяния.

Литература

1. Декларация о ликвидации всех форм расовой дискриминации // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР. – XXVI. – 1973.
2. Гончарова Н.Н. Реализация международных норм и стандартов в воздушном законодательстве России в разрезе соотношения международного и российского права // Международное публичное и частное право. –2018. – С.26–29.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка // Издательство: М.: ИТИ Технологии, Издание 4 – е, доп. –2006. – 944 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 № 11 // Российская газета: Федеральный выпуск. – 2011. – 4 июля.

5. Уголовный Кодекс Российской Федерации (с изменениями на 25 марта 2022 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 25. – 1996. – Ст. 2954.
6. Латыпова Э.Ю., Зайкина О.С. Виктимное поведение и мотивация преступлений против личности // Эволюция государства и права: история и современность. Курск, 2017. – С. 286.

ON THE ISSUE OF THE PROBLEM OF DISTINGUISHING RACIAL, NATIONAL AND RELIGIOUS HATRED OR ENMITY

Dyatlova E.V.

Kazan innovative university named after V.G. Timiryasov

This article examines the prerequisites that cause the problem of distinguishing the motives of racial, national and religious hatred or enmity from each other when qualifying a criminal act.

The relevance of the research topic of this article is due to the fact that crimes that are committed motivated by racial, national and religious hatred or enmity are characterized by a high degree of public danger, as well as encroach on the constitutional structure of any state. Currently, a mechanism has been established at the international and domestic levels to regulate and combat racial and national intolerance, religious hatred or enmity, as well as crimes of an international nature that have a high degree of public danger and infringe on human rights.

The norms of Russian legislation are a serious and effective tool for protecting human rights and freedoms from criminal encroachment. That is why the Criminal Code of the Russian Federation recognizes the motive of hatred or enmity as the main and qualifying feature of a crime, and also takes into account its role in determining punishment. The differentiation of one motive from another and its clear establishment is of fundamental importance for the outcome of the investigation.

Often, the motive of a crime directly affects the correct qualification of a criminal act, but only if it acts as a qualifying sign of a crime. In another situation, the definition of motive does not have an important qualifying value. At the same time, the motive of the crime acts as an obligatory element included in the subject of proof in all categories of criminal cases. The essence of the motive of national hatred or enmity itself is revealed through an active subjective desire to express one's importance and superiority, as well as to belittle the subject belonging to another nation against whom such an urge is directed. For further successful differentiation of the above-mentioned motives, it is necessary to define the essence of a particular motive, which, in our opinion, reflects it as much as possible.

Keywords: racial enmity, racial hatred, national hatred, national enmity, religious hatred, religious enmity, motive, the problem of differentiation.

References

1. Declaration on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination // Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR. – XXVI. – 1973.
2. Goncharova N.N. Implementation of international norms and standards in the Russian air legislation in the context of the correlation of international and Russian law // International public and private law. –2018. – С.26–29.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language // Publishing house: Moscow: ITI Technologies, 4th edition, supplement –2006. – 944 p.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On judicial practice in criminal cases of extremist crimes” dated June 28, 2011 No. 11 // Rossiyskaya Gazeta: Federal Issue. – 2011. – July 4.
5. Criminal The Code of the Russian Federation (as amended on March 25, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – No. 25. – 1996. – Article 2954.
6. Latypova E.Y., Zaikina O.S. Victim behavior and motivation of crimes against the person // Evolution of the State and law: History and modernity. Kursk, 2017. – С. 286.